

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (19)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: МАЛЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

От редактора рубрики 5

Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество
как объект исследования 8

У Хао, Янь Тао. Пилотная зона Чанчунь – Цзилинь –
Тумэнь: новая модель открытости и освоения
приграничных регионов 22

Врадий С.Ю. Региональный аспект
российско-китайских отношений 37

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Веремейчик С.А. Демографическое развитие
Северо-Восточного Китая (1949 – 2010 гг.) 46

Крушанова Л.А. Уголовная преступность и борьба с
ней в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг. ... 54

Ковалевская Ю.Н. Практики выживания
населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.:
проблемы изучения 64

Золотухин И.Н. Филиппинская диаспора в США
и Канаде 71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Барбенко Я.А. Возможности использования
институционального подхода в исследовании
управления переселением в Приамурье в период
русской колонизации 81

Олиевская М.Г. Региональные аспекты
управления человеческим капиталом 93

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ АТР

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика
Австралийского Союза: история вопроса 101

STUDIO

Хамадуллин А.М., Фирсов С.А. Тренд социально-
экономического развития муниципальных образований
Северного Приморья 114

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Смирнова М.Ю. Обсуждение проблем
международного научно-технического сотрудничества
в структурах АТЭС 119

РЕЦЕНЗИИ

Тушков А.А. «Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском
регионе с древних времён до начала XX века» 126

Владивосток
2011

Троякова Т.Г. «Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.)»	132

Научная жизнь

Кузнецов А.М. Международный семинар «Этническая политика и невоенные аспекты безопасности» во Владивостоке.	134
К ЧИТАТЕЛЯМ	141
СОКРАЩЕНИЯ	142

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (19)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: SMALL INTEGRATION PROJECTS IN THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

From the editor of the heading 5

Izotov D.A., Yun S.E. Cross-border cooperation as an
object of scientific research 8

U Hao, Jan Tao. Changchun – Jilin – Tumen Pilot Zone:
A New Initiative for the Development and Opening
up of Border Area 22

Vrady S.J. Regional aspect
of the Russian-Chinese relations 37

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Veremeychik A.S. Demographic development
in Northeast China (1949-2010) 46

Krushanova L.A. The criminality and struggle against it
in Primorski Territory in the mid-fifties – mid-sixties XX ... 54

Kovalevskaja J.N. Survival practices of population
in the period of market reforms of 1990:
theoretical approaches to researching 64

Zolotuhin I.N. The Filipino Diaspora
in the USA and Canada 71

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

Barbenko J.A. The possibilities of using the institutional
approach in the studying of resettlement management
in the Amur region in the period of Russian colonization ... 81

Olievskaja M.G. Regional aspects of management
human capital 93

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

Zhurbey E.V. «Think tanks» and foreign policy
of the Commonwealth of Australia: Background 101

STUDIO

Hamadullin A.M., Firsov S.A. Socio-economic
development of Northern Primorye municipalities 114

SCIENTIFIC MESSAGES

Smirnova M.J. Discussing issues of international
research and technology collaboration within APEC 119

REVIEW

Tushkov A.A. «Military in Asia-Pacific region from
ancient times to the beginning of XX» 126

Trojakova T.G. «Far East border of Russia:
trends in the formation and functioning
(middle XIX – the beginning of XXI)» 132

Vladivostok
2011

SCIENTIFIC LIFE

Kuznetsov A.M. The International workshop
«Ethnic policy and non military aspects of security»
in Vladivostok. Some results and prospects **134**

TO READERS **141**

REDUCTIONS **142**

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
S.V. Sevastyanov, Choi Nak Jun, O.I. Shestak, S.E. Jachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Российско-китайское приграничное сотрудничество имеет длительную историю формирования, развития и структурирования. С одной стороны, оно представляет собой торгово-экономические связи, туристические и образовательные обмены. С другой стороны, оно проявляется в умении создавать работающие совместные проекты, платформы и инициативы, которые не только показывают реальный уровень двустороннего сотрудничества, но и являются инструментами расширения двусторонних связей. Такие совместные инициативы, которые затрагивают в основном инфраструктурные и логистические аспекты, должны создавать определённые интеграционные механизмы, могущие связывать приграничные регионы взаимовыгодными отношениями и служить импульсом для их внутреннего развития. Сверхзадачей такого проекта может являться развитие не только приграничных территорий, но и отдалённых от границы районов. За два десятилетия развития политических отношений между странами было апробировано несколько крупных совместных проектов – от попыток сотрудничества в регионе реки Туманган до инициатив по реализации модели «городов-близнецов» Хэйхэ и Благовещенска.

В данном номере представлены на первый взгляд абсолютно разные материалы, отличающиеся не только методологическими подходами и формой подачи материала, но и предметом и объектом исследования.

Для того чтобы чётко определить объект и предмет темы номера, охарактеризовать основные черты приграничного сотрудничества, выявить внутреннее содержание российско-китайского сотрудничества и очертить круг проблем приграничного развития с точки зрения совместных проектов, вниманию читателей предлагается статья Д. А. Изотова и С. Е. Юна «Приграничное сотрудничество как объект исследования». Авторы вводят две ключевые характеристики приграничного сотрудничества и, исходя из них, анализируют его механизм и проблемы взаимодействия. В работе на конкретных примерах доказывается, что за два неполных десятка лет российско-китайских приграничного взаимодействия наблюдаются диаметрально противоположные эффекты в плане создания торговой, транспортной и жилой инфраструктуры в населённых пунктах, расположенных в приграничной зоне. Кроме того, авторы указывают на снижение интереса к российско-китайскому приграничному сотрудничеству в российских научных журналах, что объясняется, во-первых, уходом «эйфории» от активизации экономических взаимодействий в результате урегулирования проблем, связанных с размежеванием государственной границы; во-вторых, гораздо большей ориентацией российской экономики (ввиду исторических причин) на страны Европейского Союза и ближнее зарубежье.

Нужно также отметить, что российско-китайские проекты, такие как строительство моста через р. Амур, формирование модели городов-близнецов Хэйхэ-Благовещенск, создание приграничного торгово-экономического комплекса «Пограничный – Суйфэньхэ», проект «Дальний Восток» и другие, находятся в компетенции местных органов власти и в их развитии заинтересованы, прежде всего, регионы. Поэтому управление региональным сотрудничеством должно быть динамичным, чут-

ким. Но, как указывают авторы статьи, российские муниципальные образования до сих пор не наделены реальными правами на участие в этой деятельности. Закон о приграничном сотрудничестве мало влияет на позицию осторожного выжидания с российской стороны. По словам М. Терского, директора Тихоокеанского центра стратегических разработок, «Сегодня большинство представителей приграничных муниципальных образований, отвечая на вопрос «Приграничье – это бремя или конкурентное преимущество?», пока склоняются к первому варианту. О чём можно говорить, если сегодня на долю региональных властей приходится менее 5% управленческих решений, касающихся приграничного сотрудничества, а на долю местных властей и вовсе – 0,4%?!»¹.

Китайская сторона придерживается практически противоположной позиции. Китай смело продвигает и апробирует инициативы и заявляет о расширении внешней открытости своих регионов, предоставляя им полномочия для реализации регионального сотрудничества с соседними странами. Эта позиция отражена в статье У Хао и Янь Тао «Пилотная зона Чаньчунь – Цзилинь – Тумэнь: новая модель открытости и освоения приграничных регионов» В работе авторы очень детально рассказывают о новой инициативе в области регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии и активизации процесса восстановления старых промышленных баз северо-восточного региона. Эта инициатива является не только реанимацией проекта развития в регионе Тумэньцзян, но и попыткой апробировать новый режим освоения и открытости приграничных территорий. Кроме того, авторы делают акцент не на двусторонних отношениях со странами СВА, в частности с Россией, а на многостороннем международном координационном механизме. В статье красной нитью проходит идея о необходимости внешнего импульса для запуска и развития внутренних интеграционных процессов в масштабе провинции Цзилинь, Северо-Восточного Китая в целом, с возможным включением в этот процесс развитых приморских провинций Юго-Востока страны. Такой проект кажется практически неосуществимым, но сама заявка на решение этой задачи и ряд практических шагов позволяют говорить о том, что в этой стране умеют использовать стратегию внешней открытости для решения внутренних проблем. Авторы детально рассматривают внешнюю стратегию провинции Цзилинь в контексте расширения регионального сотрудничества, но не проецируют эту концепцию на две другие провинции Северо-Востока, что косвенно указывает на отсутствие единого видения сотрудничества Северо-Востока с соседними странами. Хотя в нашем сознании Северо-Восток КНР воспринимается как целостность.

В заключительной статье рубрики, написанной С.Ю. Вradiем, автор, опираясь на свои многолетние исследования проекта Туманган и опыт участия в нём, даёт характеристику этого проекта, определяет его значение, как для российской, так и для китайской сторон, обрисовывает перспективы двустороннего сотрудничества. Необходимо подчеркнуть, что проект Туманган показателен для российско-китайских отношений. Этот проект является, в отличие от всех вышеперечисленных, многосторонним, в нём участвуют Россия, КНР, Монголия, КНДР и Республика Корея. Несмотря на то, что российские исследователи считают его провальным для России, у этого проекта есть и положительные следствия, вытекающие из его многосторонности. Во-первых, он многовариантен – например, российская и китайская стороны, не договорившись о сотрудничестве в использовании портов, нашли другие решения своих проблем:

¹ Закон о приграничном сотрудничестве даст «зелёный свет» международным проектам XXI века // Ежедневные новости Владивостока [Электронный документ]. URL: <http://novostivl.ru/msg/8735.htm>. [Дата обращения: 15.11.11].

ими была построена железная дорога Камышовая – Хуньчунь, Китай сумел взять в аренду порт Раджин, а Россия провела железнодорожную ветку Хасан – Раджин. Во-вторых, этот проект имеет много уровней – если страны не способны наладить механизм двустороннего сотрудничества, то можно попытаться создать многосторонний координационный механизм. В-третьих, проект инициативен – он образует платформу для реализации других региональных инициатив, например, под его влиянием сформировалось «Совещание глав правительств регионов бассейна Японского моря» и т. д.

Кроме того, в своей статье автор ясно позиционирует регионы Северо-Восточного Китая, характеризует по отдельности проекты сотрудничества каждой их трёх провинций – Хэйлунцзян, Ляонин и Цилинь и определяют их роль в российско-китайском сотрудничестве. Эксперт приходит к выводу, что в приграничных интеграционных проектах с Китаем ведущую роль среди дальневосточных регионов играет Приморский край, который, активно развиваясь, может стать ключевым центром развития приграничного сотрудничества с КНР.

Г.В. Кондратенко

УДК 339.926

Изотов Д.А., Юн С.Е.

Приграничное сотрудничество как объект исследования

Cross-border cooperation as an object of scientific research

Выявлено снижение интереса к российско-китайскому приграничному сотрудничеству в российских научных журналах, что объясняется, во-первых, снижением «эйфории» от значительного увеличения экономических взаимодействий в результате снятия проблемных областей связанных с размежеванием государственной границы; во-вторых, гораздо большей ориентацией российской экономики на страны Европейского Союза и Ближнее зарубежье (ввиду исторических причин). Доказывается предположение, что приграничное сотрудничество между двумя странами будет сокращаться усилиями сетевых взаимодействий российских и китайских фирм.

Ключевые слова: *Приграничное сотрудничество, Россия, Китай, Дальний Восток, Восточная Сибирь, Хэйлунизян, Цзилинь, Ляонин*

Showed a reduction of interest in Russian-Chinese border cooperation in the Russian scientific journals, due to, firstly, reduction of «euphoria» of a significant increase in economic interactions as a result of removing the problem areas associated with the demarcation of state borders, and secondly, a much greater orientation of the Russian economy on the EU and neighboring countries (due to historical reasons). The author proves the assumption that cross-border cooperation between these two countries will be reduced to increase networking of Russian and Chinese firms.

Key words: *Cross-border cooperation, Russia, China, Far eastern region, Eastern Siberia, Heilongjiang, Jilin and Liaoning*

Территории, прилегающие к границам, всегда были в сфере пристального внимания государств. Россия с этой точки зрения является уникальной страной, поскольку имеет самые протяжённые границы в мире (как сухопутные, так и морские). Особенность её географического расположения способствовала концентрации населения в приграничных территориях на юге страны (что наиболее отчётливо проявляется

ИЗОТОВ Дмитрий Александрович, к.э.н., научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** izotov@ecrin.ru
ЮН Сергей Евгеньевич, старший лаборант Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** yunsergey@gmail.com

Выполнено при поддержке Гранта РГНФ № 11-32-00240а1 и Гранта Президента РФ № МК-4765.2011.6.

в азиатской части). Безусловно, это обстоятельство не является сугубо российским феноменом и тем более, каким-либо сдерживающим экономическое развитие фактором. Опыт некоторых стран с подобным размещением населения в пространстве (например, Канады) указывает на то, что ряд приграничных регионов имеют более крепкие экономические связи с соседней территорией зарубежной страны, чем с национальной экономикой [3].

В последние два десятилетия укрепились межрегиональные внешнеэкономические связи России с территориями соседних государств. Внешнеэкономическое сотрудничество российских приграничных регионов (имеющих государственную границу) осуществляется на общей правовой основе (регулируется Федеральным законом № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» 1999 г.). Вместе с тем, федерального законодательства, регулирующего вопросы приграничного взаимодействия российских регионов с соседними зарубежными территориями, не существует. Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве» [16] с 2004 г. находится в стадии разработки и согласования. Параллельно с этим, идёт широкое обсуждение Проекта данного закона [14]. Поэтому, в российском законодательстве в настоящее время отсутствуют такие базовые понятия как: приграничное сотрудничество, территория и участники приграничного сотрудничества и т.д. Исходя из этого, не разграничены полномочия федеральных, региональных и местных властей в процессе осуществления приграничного сотрудничества.

Несмотря на то, что Россия в 2003 г. присоединилась к Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве [17], российские муниципальные образования до сих пор не наделены реальными правами на участие в этой деятельности. Подчёркивается, что одним из главных условий существования, а также повышения эффективности приграничного сотрудничества является отказ от чрезмерной централизации и наделение регионов и муниципальных органов власти достаточно широкими полномочиями [4].

Исходя из этого, необходимо выделить две ключевые, с нашей точки зрения, характеристики приграничного сотрудничества:

1) Территория, в рамках которой осуществляется данное сотрудничество. При этом следует иметь в виду, что существуют разные нормативы приграничной территории: норматив ВТО рассматривает данную территорию в пределах 15 километров по обе стороны государственной границы, Европейский союз – 10 километров, Китай – 20, Россия – 5 километров, но, в любом случае, это узкая полоса, пролегающая вдоль государственной границы [5; 19].

2) Полнота правомочий принятия решений местными органами власти.

Ввиду того, что не существует каких-то жёстких понятий приграничного сотрудничества в российском законодательстве, но оно довольно часто обсуждается в средствах массовой информации, количество публикаций по данной тематике в российских журналах довольно многочисленно. На первый взгляд, в этом нет ничего предосудительного, поскольку отсутствие нормативной базы вовсе не означает того, что процесса приграничного сотрудничества не существует, и что имеются какие-то жёсткие формальные рамки, препятствующие его изучению. Судя по многочисленным публикациям, создаётся впечатление, что, несмотря на формальное отсутствие, в данном случае в российском законодательстве, такого понятия как приграничное сотрудничество, на неформальном уровне этот процесс российским научным сообществом успешно и всесторонне изучается.

В таком случае, можно задаться следующим вопросом: а как этот процесс исследуется российским научным сообществом? Для этого необходимо получить ответы на следующие вопросы: какова структура массива публикаций по приграничному сотрудничеству в российских научных журналах, каковы тенденции её изменения и какой смысл вкладывается авторами в приграничное сотрудничество (что собой представляет территория приграничного сотрудничества)?

Здесь же следует чётко зафиксировать основные понятия, которые будут использоваться для дальнейшего терминологического соответствия. Безусловно, базовым понятием является территория приграничного сотрудничества. Существует вполне устоявшееся определение: приграничная территория включает в себя пограничную зону, часть вод пограничных рек, озёр и иных водоёмов, внутренних морских вод и территориального моря, где установлены пограничный режим, пункты пропуска через государственную границу, а также территории административных районов и других территорий, прилегающих к государственной границе, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озёр и иных водоёмов, побережью моря или пунктам пропуска [15]. Ещё более конкретное определение дано в вышеупомянутом Проекте Федерального закона [16], в котором под территорией приграничного сотрудничества понимается часть территории приграничного региона в границах его приграничных муниципальных образований, территории которого прилегают к государственной границе. Трансграничное сотрудничество (во всяком случае, согласно Рамочной Европейской конвенции) более широкое понятие, чем приграничное сотрудничество. Под ним понимается любая совместная акция между территориально-административными единицами или властями в рамках юрисдикции двух или более участников. Говоря упрощённо, трансграничное сотрудничество представляет собой общие действия, направленные на установление и углубление двусторонних или многосторонних взаимоотношений между территориально-административными единицами двух и более стран.

В зарубежных странах довольно распространённым является выявление тех или иных научных связей и процессов в различных областях знаний, в том числе, в экономической науке, при помощи анализа научных статей¹. Имея определённый опыт анализа публикаций², для получения ответов на сформулированные выше вопросы, необходимо осуществить обзор научных статей, а также научных журналов, в которых данные исследования публикуются.

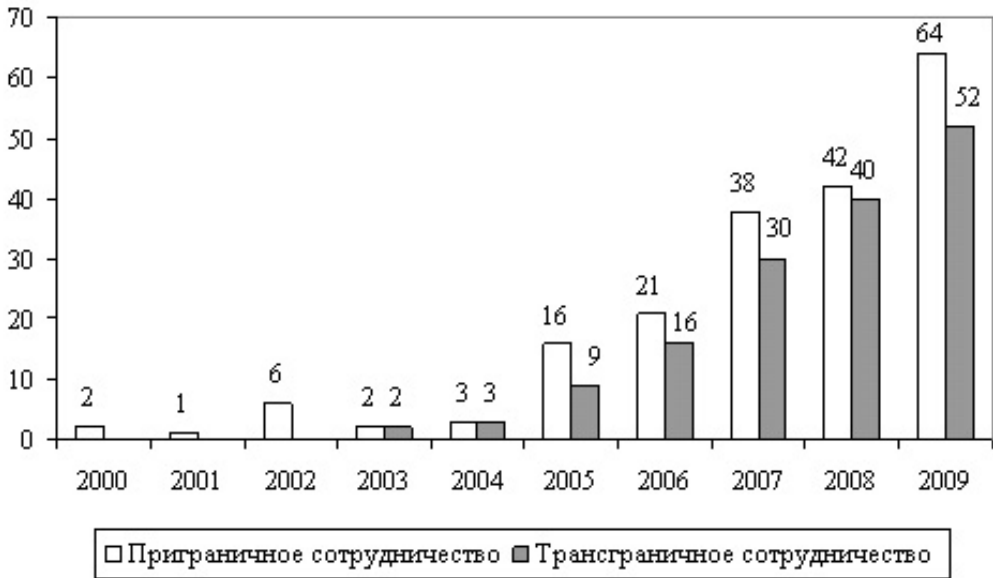
В качестве исходной информационной базы для изучения данного процесса, как и в исследовании, проведённом автором ранее, выступит массив публикаций электронной библиотеки eLIBRARY.RU³, являющейся крупнейшим российским информационным порталом в области науки, технологии, медицины и образования, содержащий рефераты и полные тексты более 13 млн научных статей и публикаций в более чем 6500 российских научных журналах, включённых в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

В данном информационном ресурсе был сформулирован поисковый запрос, в котором использовались такие понятия как «приграничное и трансграничное сотрудничество» с временным горизонтом в десять лет (2000 – 2009 гг.), тематика включала в себя все общественные науки. Поиск осуществлялся по аннотациям, ключевым словам и названию статей

¹ См., например: [1; 18].

² Которые, в принципе, переключаются по своей сути с недавно опубликованным исследованием автора: [7].

³ Подробно: [13].

Рис. 1. Динамика количества статей по приграничному и трансграничному сотрудничеству

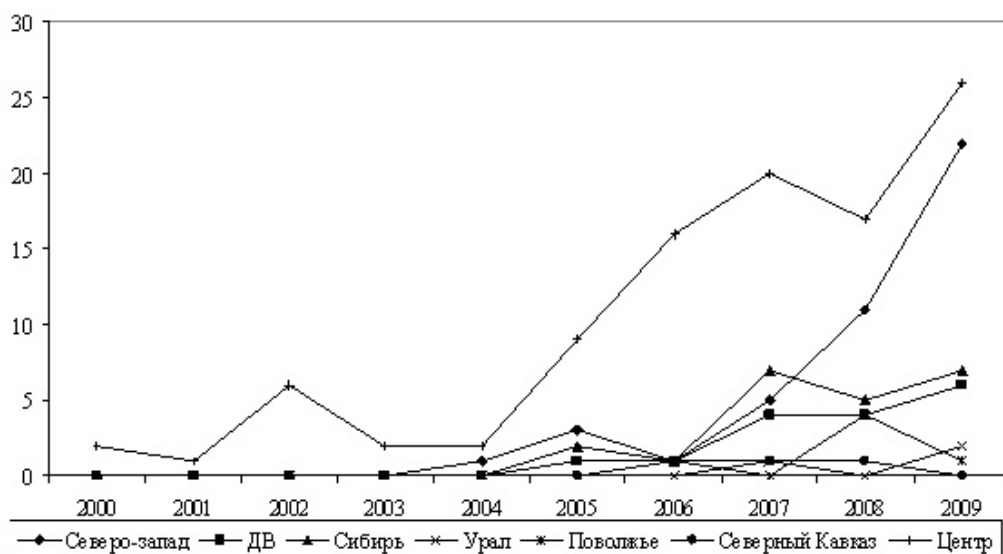
с учётом морфологии.

Поисковой запрос научных статей выявил 347 публикаций по приграничному (195) и трансграничному (152) сотрудничеству в научных журналах России. Примечательным фактом является то, что во второй половине 2000-х гг. наблюдается резкое увеличение публикаций по приграничной и трансграничной проблематике: только в 2005 г. было опубликовано больше статей по данным темам, чем за период 2000 – 2004 гг. Примечательно, что довольно резкое увеличение работ по приграничной и трансграничной тематике начинается с момента обсуждения проектов Федерального закона России «О приграничном сотрудничестве» (рис. 1).

Далее, рассмотрим территориальную структуру распределения количества журналов и статей по приграничной проблематике. Поскольку в России насчитывается довольно много регионов, в которых издаются журналы, в которых публикуются статьи по приграничному сотрудничеству, для удобства иллюстрации агрегируем их по федеральным округам. Распределение публикаций указывает на то, что основная масса статей по данной тематике публикуется в Центральном федеральном округе (51% всех статей), а конкретно – в г. Москва.

Причём за все рассматриваемые годы (2000 – 2009 гг.) массив статей по приграничному сотрудничеству, который издавался в московских журналах, занимал лидирующее положение (рис. 2). Вслед за Центральным федеральным округом следуют: Северо-западный (22% – г. Санкт-Петербург и г. Калининград), Сибирский (11% – сосредоточения в каком-либо конкретном городе не выявлено), Дальневосточный (8% – в основном, г. Владивосток), Приволжский (4%), Южный и Северокавказский и Уральский (по 2%) федеральные округа.

Может показаться на первый взгляд, что распределение статей по приграничной проблематике находится в прямой зависимости от количества журналов, в которых они публикуются, т.е. в наибольшей степени специализирующимися в рассмотрении приграничной проблемати-

Рис. 2. Распределение публикаций по приграничному сотрудничеству по федеральным округам России

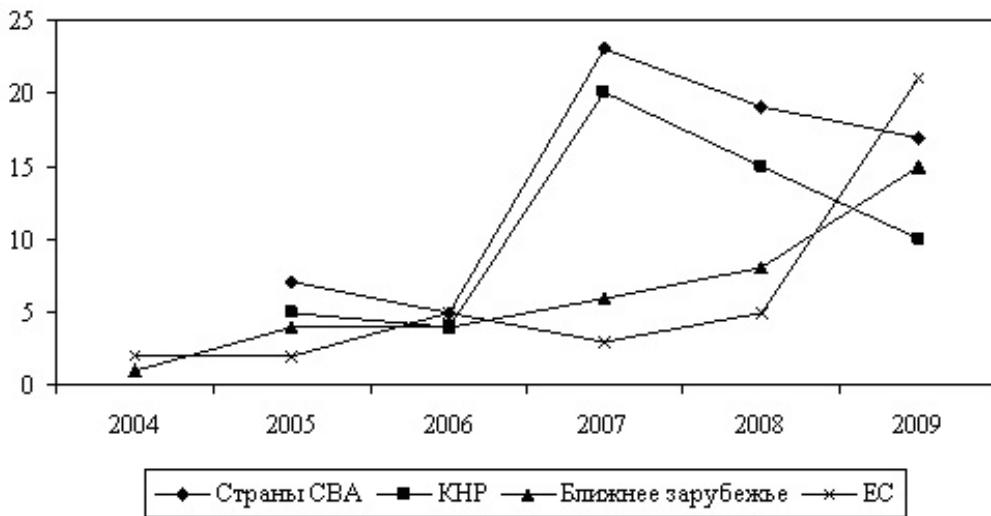
ки являются журналы Центрального федерального округа. Однако это не совсем соответствует действительности, поскольку если задать более «жёсткий» параметр, а именно отношение количества статей, приходящихся в рассматриваемом периоде в среднем на один журнал, то ситуация будет иной: для Центрального федерального округа характерна лишь массовость журналов, а не специализация в изучении приграничного сотрудничества.

Так, среднее число статей по приграничному сотрудничеству, приходящееся на один научный журнал, составило для Северо-западного федерального округа – 2,7; для Дальневосточного и Центрального – 1,8; Сибирского – 1,7; Приволжского – 1,2; а для Уральского и Южного и Северо-кавказского – всего лишь по одной статье. Таким образом, лишь за некоторым исключением (Санкт-Петербург и Калининградская область), не наблюдается реального сосредоточения статей по приграничью в российских журналах, которые издаются в том или ином субъекте Федерации.

Что касается географического объекта приграничья, состояние которого описывается в той или иной статье, то в наибольшем числе публикаций рассматриваются восточные рубежи страны – конкретно, приграничное сотрудничество со странами Северо-восточной Азии (39% исходного массива статей), в большей степени – с КНР. Причём заметный интерес проявляется преимущественно к северо-восточным китайским провинциям¹. Следует заметить, что пик публикаций по российско-китайскому приграничному сотрудничеству пришёлся на 2007 г., после чего наблюдается некое угасание интереса исследователей к этому объекту (рис. 3).

Другая картина наблюдается по приграничному сотрудничеству со странами Европейского союза (Финляндия, Польша, страны Прибалти-

¹ Причины этого см. подробно: [9; 11].

Рис. 3. Распределение публикаций по приграничному сотрудничеству по группам стран

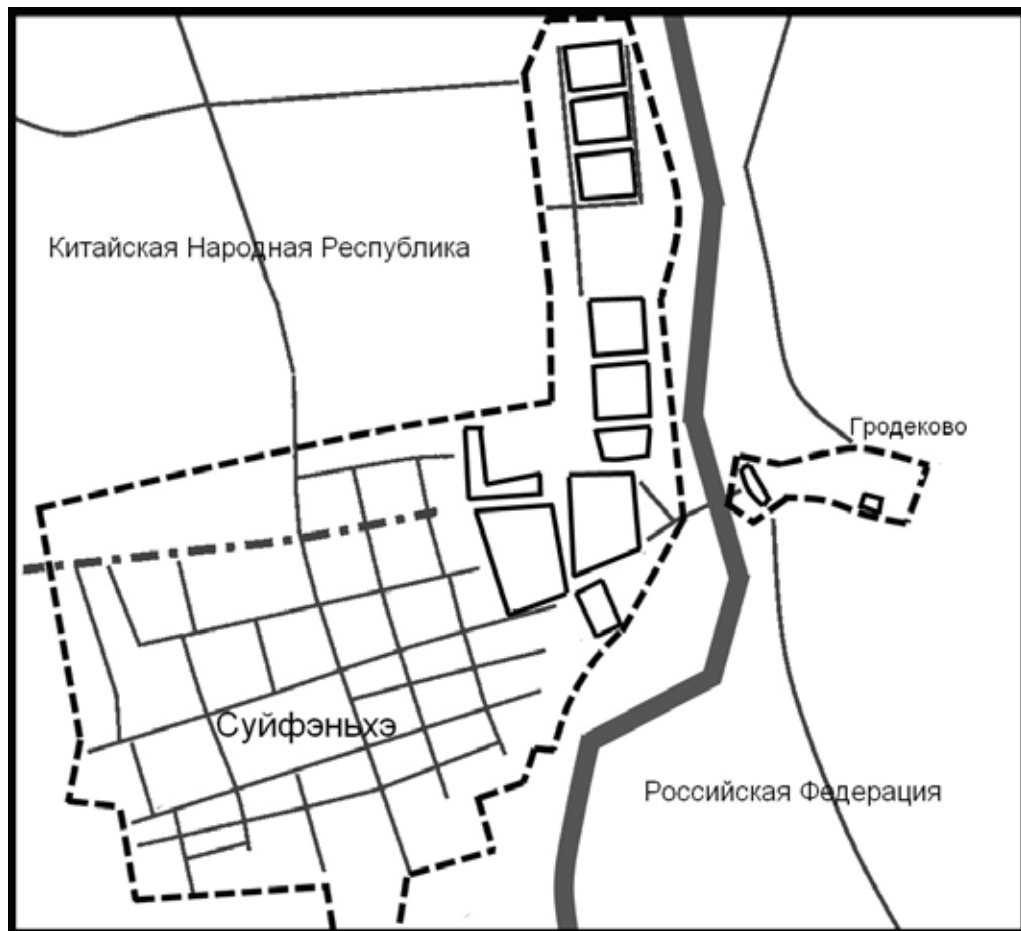
ки) и со странами Ближнего зарубежья (Казахстан, Беларусь, Украина и Азербайджан): резкий рост публикаций по ним с 2007 г. Их совместная доля составляет 41%, что выше, чем по странам СВА. Этот процесс объясняется, прежде всего, реальными интеграционными процессами ряда стран на постсоветском пространстве, а также политическим и экономическим сближением России со странами Европейского союза.

Анализ содержания статей указывает на то, что фактор наличия государственной границы практически всеми авторами статей по экономике рассматривается как некая данность, которая в перспективе должна вызвать экономический рост и увеличение масштабов международного сотрудничества. Параллельно с такой позитивной позицией рассматривается только положительный опыт зарубежных стран, без учёта особенностей, которые присущи каждому рассматриваемому случаю. Очевидно, такой подход большинства исследователей приграничного и трансграничного сотрудничества выглядит как минимум необоснованным, поскольку ими не рассматриваются (и тем более не учитываются) транзакционные издержки, агломерационные, сетевые и прочие эффекты, заложенные в классических работах по экономической и новой экономической географии¹. Также, многочисленные факты указывают на то, что наличие государственных границ в целом ряде стран вовсе не является неким гарантом быстрого развития приграничных территорий, а, зачастую, негативно влияет на развитие национальной экономики².

В данном случае, нельзя не согласиться с Баклановым П.Я. и Ганзеем С.С., утверждающими, что теоретически «на приграничных территориях растёт эффект трансграничности, различные его проявления. Они во многих случаях выступают важными факторами регионального развития, однако изучены ещё недостаточно» [2, с. 201].

¹ С кратким перечнем этих эффектов можно ознакомиться подробно в: [12; 20].

² Подробно: [1; 9].

**Рис. 4. Российско-китайское приграничье:
Суйфэньхэ (слева) и Гродеково (в правом верхнем углу)**

Поэтому, исходя из недостаточности изученности объекта (а это, в случае с экономическими публикациями, создаёт ряд проблем для исследователя, поскольку необходимо самостоятельно производить сбор фактологического и статистического материала в пределах приграничной территории), подавляющее большинство исследований по приграничной и трансграничной проблематике являются весьма «поверхностными».

Выполненный анализ распределения статей даёт основание утверждать, что приграничная проблематика привлекает преимущественно экономистов, а по трансграничью – специалистов из самых разных научных отраслей. Причём рост публикаций не является результатом формирования научных сообществ, специализирующихся в изучении приграничного проблем. Было обнаружено, что по большому счёту, только в академических журналах публикуемые статьи по приграничной проблематике имеют некую обратную связь, выраженную наличием цитирований со стороны других исследователей. Вместе с тем, было бы несправедливым говорить о специализации какого-либо академического журнала в области приграничной проблематики. Более 70% научных статей по приграничной проблематике публикуются в вузов-

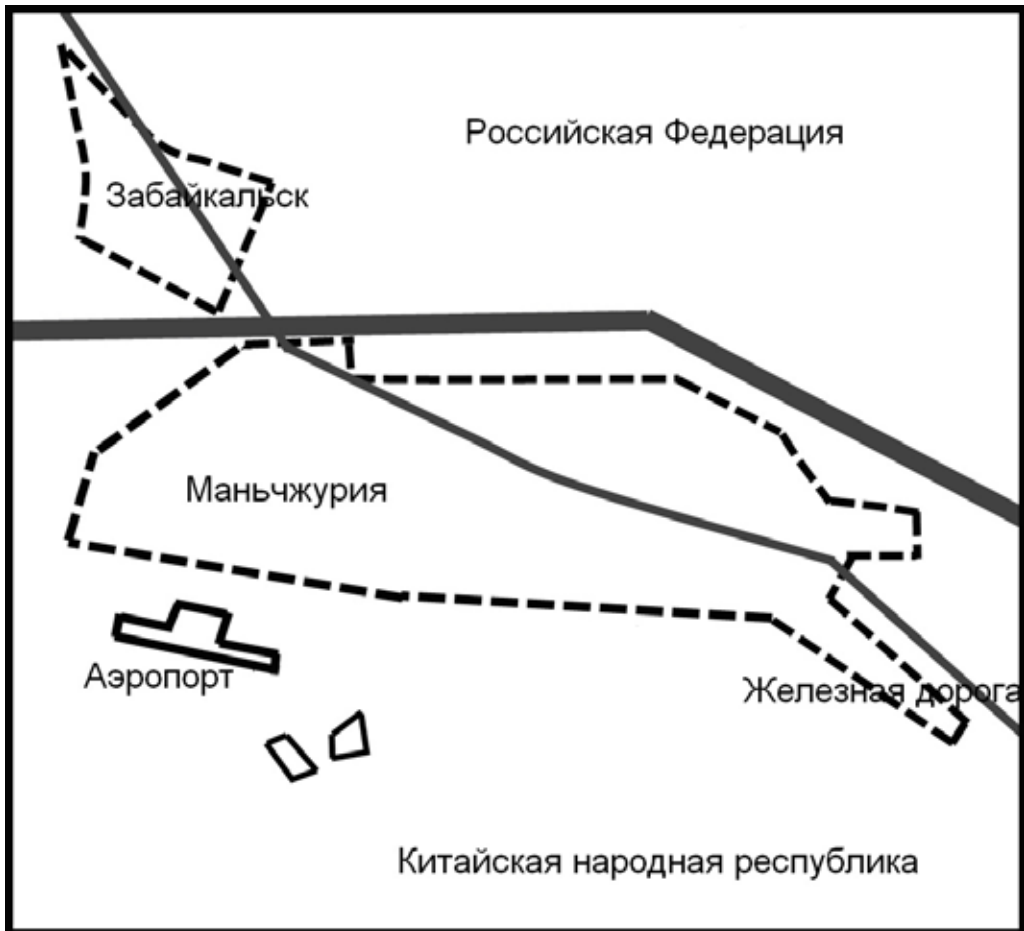

Рис. 5. Российско-китайское приграничье: Забайкальск и Маньчжурия

ских и прочих журналах. Главным же двигателем роста публикаций по приграничью к концу 2000-х гг. стали вузовские журналы, причём для изданий Санкт-Петербурга и Калининграда свойственна определённая, во всяком случае, видимая концентрация статей по приграничной проблематике. Большая доля публикаций статей в московских журналах объясняется лишь их массовостью.

Если говорить об изучении российско-китайского приграничного сотрудничества, то угасающий интерес к нему может быть объясним несколькими причинами. Во-первых, снижение «эйфории» от значительного увеличения экономических взаимодействий в результате снятия проблемных областей связанных с размежеванием государственной границы. Иначе говоря, оптимистические оценки двустороннего сотрудничества значительно ограничиваются отсутствием какого-либо значимого прогресса в экономических взаимодействиях на региональном уровне. Во-вторых, гораздо большей ориентацией российской экономики на страны Европейского Союза и Ближнее зарубежье (ввиду исторических причин). Также можно добавить, что к странам СВА применяется иная модель приграничного сотрудничества (связанная с более жёстким режимом охраны государственной границы), в отличие от стран Ближнего зарубежья и Европейского союза.

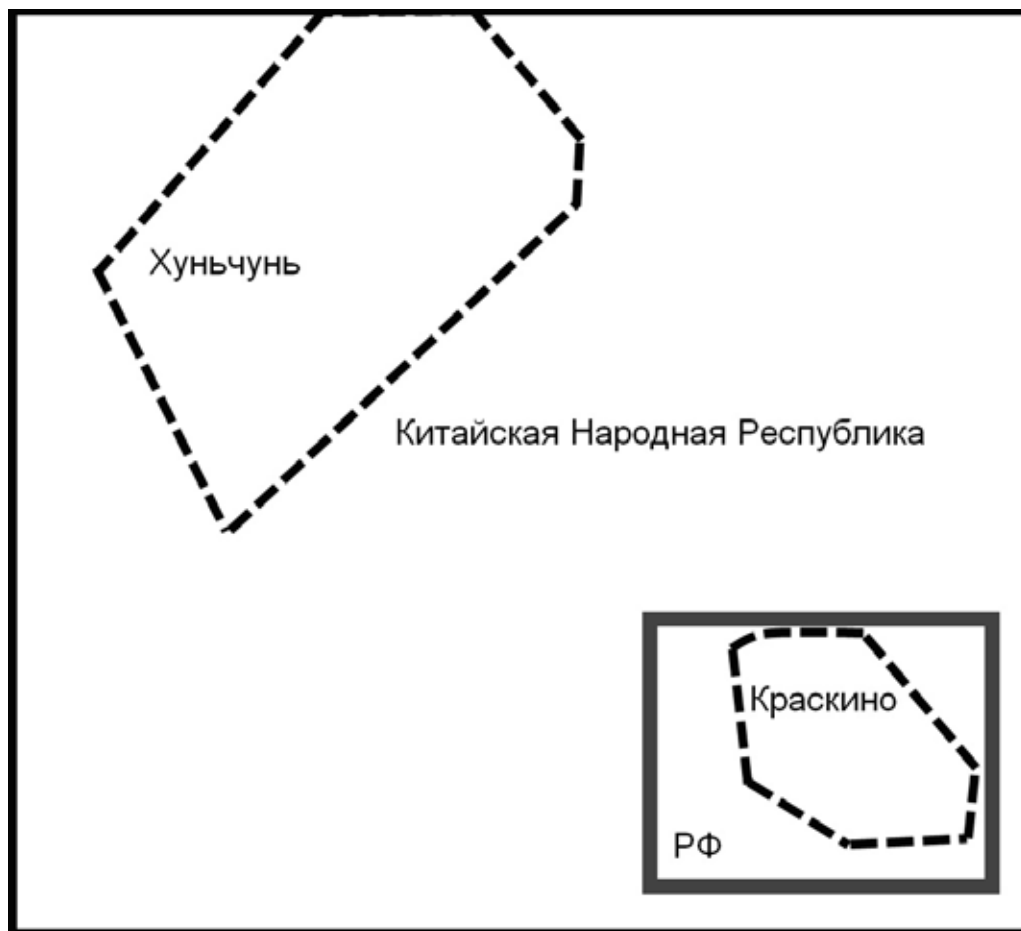
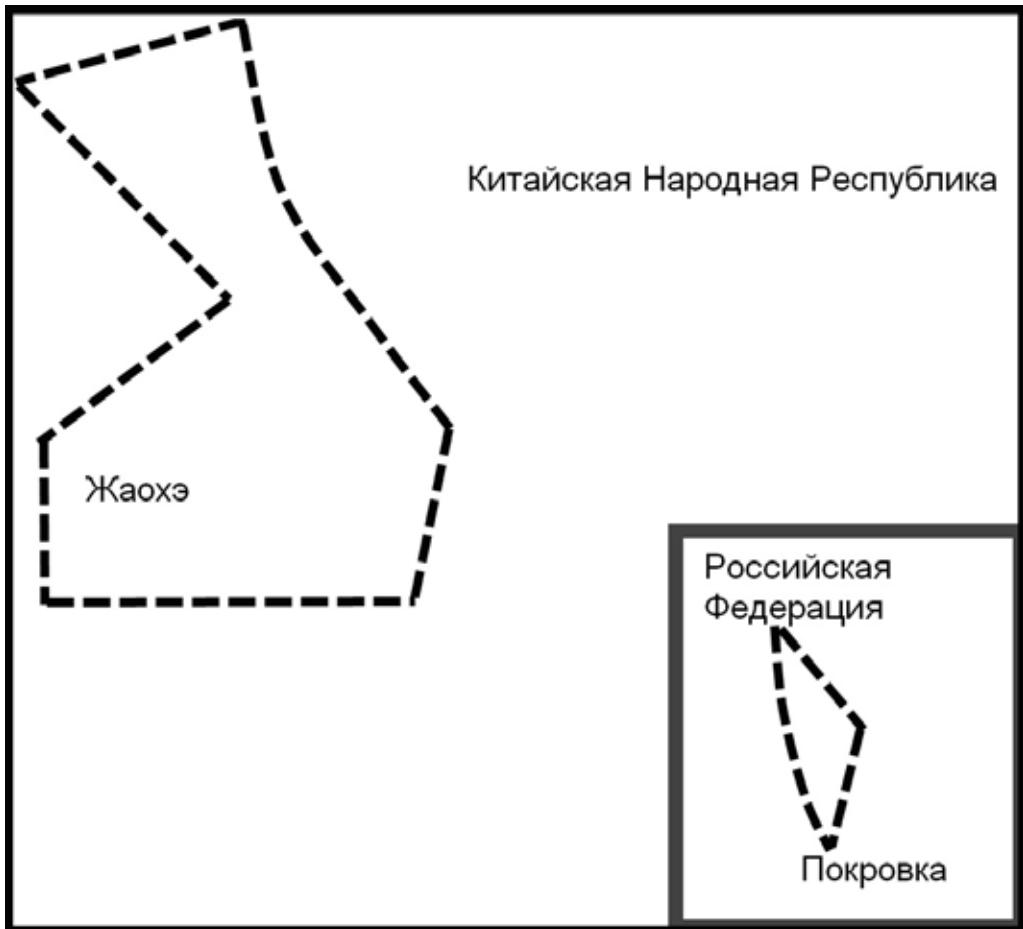

Рис. 6. Хуньчунь (КНР) – слева, Краскино (Россия) – справа

Анализ содержания экономических публикаций по приграничной проблематике указывает на то, что практически повсеместно, лишь за некоторым исключением, объект исследования – территория приграничного сотрудничества – выбран авторами не корректно: как правило, рассматривается торгово-экономическое сотрудничество приграничного российского региона с сопредельным зарубежным государством в целом. Было обнаружено, что в конце 2000-х гг. происходит некоторое «замещение» авторами экономических статей по приграничью публикациями по трансграничным взаимодействиям (т.е., наблюдается увеличение масштаба объекта исследования). Как представляется, большинство авторов идёт по пути наименьшего сопротивления, вследствие того, что в противном случае им необходимо было бы самостоятельно организовывать полевые исследования тех территорий, которые именуются приграничными (как минимум, на уровне муниципальных образований), и, в рамках этих мероприятий осуществлять (весьма трудоёмкий) сбор статистической информации.

Вследствие этого, до сих пор не дан полный ответ на принципиальный, во всяком случае, для Дальнего Востока и Восточной Сибири, вопрос: почему в приграничной полосе китайские населённые пункты развиваются гораздо быстрее, чем российские? И что нужно сделать в

Рис. 7. Жаохэ (КНР) – слева, Покровка (Россия) – справа

России для того, чтобы эффекты от приграничной торговли были бы также видны, как и в Китае?

Справедливо отметить, что почти за два десятка лет российско-китайских приграничных взаимодействий наблюдаются диаметрально противоположные эффекты в плане создания торговой, транспортной и жилой инфраструктуры в населённых пунктах, расположенных в приграничной зоне, которые, пусть косвенно, можно обнаружить на снимках с космоса (например, с помощью программы googlemap).

На рисунке 4 представлена приграничная инфраструктура китайского города Суйфэньхэ и российского Гродеково.

На рисунке 5 представлены российский Забайкальск, расположенный в Читинской области (в верхнем левом углу) и китайская Маньчжурия (внизу). Причём дифференциация между этими двумя населёнными пунктами уже наблюдается на качественном уровне: в Маньчжурии имеется свой аэропорт, развитая городская инфраструктура.

На рисунке 6 показаны масштабы инфраструктуры китайского города Хуньчунь и российского Краскино. Как говорится, сравнение не в пользу последнего.

Ещё большая разница – между российской Покровкой и китайским Жаохэ (рис. 7).

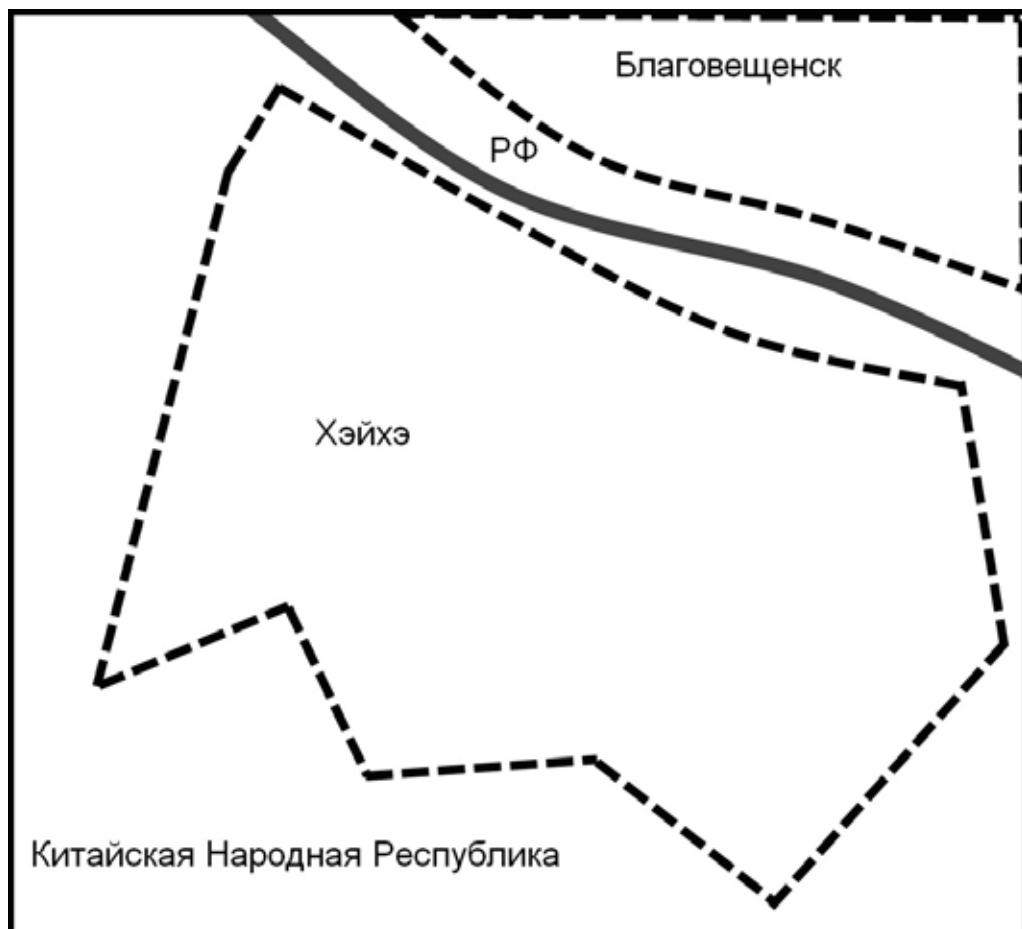

Рис. 8. Благовещенск (часть города – в верхнем правом углу снимка) и Хэйхэ

Как показано, разница в масштабах возведённой для приграничной торговли инфраструктуры между российскими и китайскими населёнными пунктами просто несопоставима. Единственным населённым пунктом в России, примыкающим к российско-китайской государственной границе и являющимся больше по масштабам находящегося через границу китайского города, является Благовещенск. Однако, если судить о темпах заселения и возведения инфраструктуры в Хэйхэ, то в долгосрочной перспективе китайский населённый пункт по указанным показателям может превзойти Благовещенск (рис. 8).

К отмеченному нужно добавить, что в КНР реализуется План развития экономики северо-восточных провинций. Анализ данного Плана, а также документов провинциального уровня, разработанных в его русле, свидетельствует о том, что указанные документы закрепляют видение китайской стороной взаимодействия с сопредельными российскими территориями в качестве одного из ключевых инструментов стимулирования собственного экономического развития. Сопредельные российские регионы в руководящих китайских документах рассматриваются, в первую очередь, в качестве рынков сбыта продукции китайского производства, а также поставщика товаров ресурсной группы. Кроме того,

российские регионы активно используются в целях трудоустройства китайских рабочих и производства сельскохозяйственной продукции для последующей её продажи на территории России. Можно констатировать, что масштабные преобразования, осуществляемые в настоящее время в северо-восточном Китае, могут отразиться на его торгово-экономических взаимоотношениях с сопредельными российскими регионами и будут в значительной мере определять внешние условия развития их экономики в обозримой перспективе¹.

Среди северо-восточных провинций Китая Хэйлунцзян, вследствие территориальной близости и наличия протяжённой границы, наиболее тесно связана с российским рынком. В рамках Плана возрождения экономики провинциальными властями разработан «Комплексный план восстановления старой промышленной базы провинции Хэйлунцзян». Реализация указанных планов напрямую затрагивает все сопредельные с северо-восточным Китаем российские регионы. Провинция Хэйлунцзян стремится стать центром научно-технического, информационного, индустриального и сельскохозяйственного сотрудничества с Россией. Этого китайская сторона планирует добиться, укрепляя и расширяя масштабы приграничного экономического сотрудничества с сопредельными российскими территориями. По идее руководства провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, а также Внутренней Монголии, открытая пограничная зона в бассейне реки Амур должна быть построена по линии государственной границы, а центральные города будут её опорными базами. В этой пограничной зоне будут построены базы обрабатывающей промышленности, ориентированные на экспорт в приграничные российские регионы, а также глубокой переработки сырьевых товаров из России. Для ускоренного роста экономики открытой пограничной зоны предполагается привлечение инвестиций из развитых регионов Китая для создания промышленно-торговой инфраструктуры, совместное инвестиционное сотрудничество в объектах по добыче и первичной переработке российских природных ресурсов. Большие надежды также возлагаются на рост посреднической торговли и предоставления посреднических услуг [10].

Одновременно можно сделать несколько общих выводов, касающихся современной политики Китая в отношении развития экономических взаимоотношений с российскими приграничными регионами. Данная политика является частью общей, хотя и слабо формализованной, но, тем не менее, чётко просматривающейся стратегической линии. Российские регионы в течение ближайших лет продолжат рассматриваться в Китае как поставщик природных ресурсов, прежде всего леса; как динамично развивающийся регион, предоставляющий возможность для трудоустройства китайских рабочих; а также как транзитный пункт для поставок китайских товаров в европейскую часть России, причём структура этих поставок будет меняться в пользу преобладания товаров с более высокой добавленной стоимостью.

Однако, на сегодняшний день в северо-восточных провинциях КНР испытывают всё меньше иллюзий относительно перспектив приграничного сотрудничества с Россией, чему есть одна достаточно веская причина. В приграничных китайских городах в основном реализуется продукция с южных провинций Китая, а в последнее время «набирают обороты» прямые поставки товаров с юга Китая в Восточные регионы России, исключая из этой схемы посредников из северо-восточных провинций. Этот факт вероятно способен достаточно сильно поколебать сложившуюся за двадцать лет специализацию приграничных с Россией городов КНР и поставить под сомнение реализацию плана возведения открытой зоны на северо-востоке Китая. Иначе говоря, российско-китайское пригра-

¹ Подробно: [9; 11].

ничное сотрудничество возможно будет сокращаться усилиями сетевых взаимодействий российских и китайских фирм.

Другой вопрос касается полноты правомочий местных органов власти в России и Китае. Несмотря на то, что Россия в 2003 г. присоединилась к Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве, российские муниципальные образования до сих пор не наделены реальными правами на участие в этой деятельности. Подчеркивается, что одним из главных условий существования, а также повышения эффективности приграничного сотрудничества является отказ от чрезмерной централизации и наделение муниципальных органов власти достаточно широкими полномочиями. Высказываются мнения, что в Китае существует советская система, в которой степень свободы у местных органов власти гораздо выше, чем в России. Поэтому и видны совершенно другие результаты по ту сторону границы.

Литература

1. Абрё М., Де Гроот А. и Флора Р. Пространство и экономический рост: обзор результатов исследований // *Пространственная экономика*. 2008. № 2.
2. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008.
3. Бородаевский А.Д. США-Канада: региональный хозяйственный комплекс. М.: Мысль, 1983.
4. Вардомский Л. Приграничное и трансграничное сотрудничество в программах сотрудничества ЕС и стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: <http://analyticmz.ru/?p=706> [Дата обращения: 20.11.2011]
5. Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество: теоретические и правовые истоки изучения // *Известия ИГЭА*. 2006. № 1.
6. Демьяненко А.Н. Устойчивое природопользование на трансграничных территориях: вопросы теории и практики // *Пространственная экономика*. 2009. № 3.
7. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А., Демьяненко Н.А., Украинский В.А. Распределение статей по «кластерной» тематике в научных журналах России // *Пространственная экономика*. 2011. № 1.
8. Изотов Д.А. Пространственная дифференциация в контексте теорий регионального экономического развития // *Прогнозирование эффективности социально-экономических преобразований в территориальных системах*. / Под ред. д.э.н. А.Г. Шеломенцева, д.э.н. В.Д. Калашникова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008.
9. Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях кризисных тенденций в мировой экономике // *Экономика региона*. 2010. № 4.
10. Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // *Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сборник статей / Отв. Ред.: В.Л. Ларин, В. Фудзимото, В.В. Кожевников*. Владивосток: Дальнаука, 2010.
11. Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // *Пространственная экономика*. 2009. № 2.
12. Йоханссон Б., Куигли Д.М. Агломерации, сети и экономические эффекты

// *Пространственная экономика*. 2008. № 4.

13. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> [Дата обращения: 20.11.2011]

14. Приграничное сотрудничество в Российской Федерации: проблемы законодательного обеспечения. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/files/journalsf/number/20080331103507.pdf> [Дата обращения: 20.11.2011]

15. Приграничное сотрудничество. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/activities/international_relations/Cross-border_coop/ [Дата обращения: 20.11.2011]

16. Проект ФЗ о приграничном сотрудничестве. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2010/03/proekt-fz-o-prigranichnom-sotr-.doc> [Дата обращения: 20.11.2011]

17. Рамочная Европейская Конвенция о Трансграничном Сотрудничестве между Территориальными Административными Единицами или Местными Органами Власти. Мадрид, 1980 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/euro/Rets106.html> [Дата обращения: 20.11.2011]

18. Рэй С. Дж., Анселин Л. Структура публикаций региональных исследований в 1990-х гг. // *Пространственная экономика*. 2009. № 3.

19. ФЗ № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://femida.info/11/fzogrrf004.htm> [Дата обращения: 20.11.2011]

20. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // *The Journal of Political Economy*. 1991. June. Vol. 99. № 3.

УДК 332.122 (511)

У Хао, Янь Тао

**Пилотная зона Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь:
новая модель открытости и освоения
приграничных регионов**

**Changchun – Jilin – Tumen Pilot Zone:
A New Initiative for the Development and Opening up of Border Area**

Утверждение Госсоветом Китая создания пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь является не только шагом в направлении дальнейшего вовлечения страны в региональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и активизации процесса восстановления старых промышленных баз северо-восточного региона, но и попыткой апробировать новый режим освоения и открытости приграничных территорий.

Ключевые слова: *Пилотная зона Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь, модель развития, содержание развития, региональное сотрудничество, международный координационный механизм*

Approval of “Changchun – Jilin – Tumen Pilot Zone” by the State Council is not only a initiative for China to participate in the regional cooperation of Northeast Asia, and to revitalize the old industrial bases of the northeast region; but also an attempt to explore a new mode for development and opening up of border area.

Key words: *Changchun – Jilin – Tumen Pilot Zone, mode of development, content of development, regional cooperation, international coordinating mechanism*

Постепенное расширение освоение приграничных городов Китая и расширение всесторонней открытости прилегающих районов страны происходило в течение более чем тридцатилетнего периода реформ, особенно с 90-х годов XX века. Если сравнивать уровни освоения внутриконтинентальных приграничных регионов и прибрежных юго-восточных провинций с проведением предварительного сопоставления уровня жизни всех слоёв общества, то между этими регионами ещё существует значительная разница. Последовательное изучение подходящей новой модели расширения открытости приграничных регионов, стимулирующую

У ХАО, сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии при Цзилиньском Университете (г. Чанчунь, КНР)

ЯНЬ ТАО, сотрудник Академии изучения Северо-Восточной Азии при Цзилиньском Университете (г. Чанчунь, КНР)

Перевод – Кондратенко Галина Викторовна – м.н.с. Отдела востоковедения ИИАЭ ДВО РАН.

щей быстрое развитие этих территорий, по-прежнему является одной из самых трудных задач, стоящих перед экономическим строительством в Китае. Недавно Госсовет КНР опубликовал «Программный перспективный план развития сотрудничества в регионе Тумэньцзян – Пилотная зона Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь». Этот план был разработан с целью повышения роли региона Тумэньцзян в национальной стратегии, поскольку Китай активно участвует в региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии, последовательно инициирует новые действия для возрождения старой промышленной базы Северо-Востока страны, и одновременно апробирует и изучает модель расширения открытости прилегающих территорий. В основном тексте документа намечено создание пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь (ЧанЦзиТу) как воплощение инновационной модели расширения открытости. Ниже приведён анализ нескольких первых пунктов этого «Плана».

1. Модель открытости: от открытости ключевых приграничных городов к открытости, связывающей прилегающие и внутренние территории.

После окончания холодной войны проблема обеспечения безопасности границ для КНР отошла на второй план. Стало очевидно стремительное возникновение внутренних и внешних условий для быстрого освоения и открытости приграничных регионов. Исходя из этих обстоятельств, в начале 90-х годов XX века Госсовет КНР объявил города Хэйхэ, Суйфэньхэ пров. Хэйлуцзян, город Хунчунь пров. Цзилинь, города Маньчжоули, Эрэн-хото во Внутренней Монголии, города Инин, Болэ и Тачэн в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, города Пинсян и Дунсин в Гуанси, города Хэкоу и Жуйлин в пров. Юннань, город Даньдун в пров. Ляонин (всего 14 приграничных городов) открытыми, предоставив им право вести внешнюю торговлю на уровне провинции и разрешив самостоятельно определять участки для создания районов приграничного экономического сотрудничества. В районах приграничного сотрудничества планировалось и осуществлялось строительство и разворачивалась хозяйственная деятельность, проводилась многоплановая поддерживающая политика, включающая предоставление ссуд, налоговые преференции и возвращение финансовых квот. Кроме того, постепенно сформировалась приграничная модель открытости (приграничный пояс открытости) с ключевыми приграничными городами и сформированными вокруг них районами приграничного экономического сотрудничества. По прошествии 20 лет эволюции ключевая модель освоения и открытости путём развития узловых приграничных городов достигла определённого прогресса, к тому же эта модель сыграла важную роль в сохранении социальной стабильности в приграничных регионах. Если говорить конкретно, то показательны три момента. 1. В приграничных городах идёт ускоренное масштабное строительство, и это зримо меняет их облик в лучшую сторону. До принятия стратегии приграничного сотрудничества абсолютному большинству городов не хватало инвестиций в строительной сфере и поэтому их инфраструктура и облик были в крайне изношенном состоянии. С началом реализации стратегии открытости поток инвестиций в капитальное строительство непрерывно возрастает. Например, в период 1992 – 2006 гг. сумма постоянных вложений в капитальное строительство города Хуньчуня достигла 1 млрд. 290 млн. долл., коренным изменениям подверглись системы коммуникаций, водоснабжения и энергетики, и с этого момента началось превращение отсталого городка в современный приграничный город [1, с. 172-189]. 2. Приграничная торговля играет важную роль в ускоренном развитии торгово-экономической деятельности, так как торгово-экономические связи с соседними государствами становятся всё

более тесными. Торговая деятельность приграничных регионов занимает особое место во внешней торговле Китая, разница в удельном весе такой торговли среди трёх провинций страны – Синьцзян, Внутренняя Монголия и Хэйлунцзян, – достигла 70, 40 и 30%, и большая часть торговых операций осуществлялась в ключевых приграничных городах. Например, в 2008 г. экспорт г. Суйфэнхэ составил 350 млн. 400 тыс. долл., оборот приграничной торговли составил 210 млн. 300 тыс. долл., разница в суммарном обороте между провинцией Хэйлунцзян и Россией и в приграничной торговле в целом составили 32 и 64,4% [2]. 3. Экономическое развитие приграничных территорий является важным условием сохранения социальной стабильности этих территорий. Из 14 городов, объявленных в 90-е гг. XX века открытыми, 11 является районами совместного проживания национальных меньшинств. В течение долгого времени, принимая условия природной среды, базу экономического развития, экологическую обстановку в соседних странах, экономика регионов проживания национальных меньшинств сознательно консервировалась, а уровень жизни населения был очень низким. С принятием стратегии приграничной открытости, многие приграничные города оказались заинтересованы в ускоренном развитии близлежащих (окрестных) территорий. В свою очередь, ускоренное социально-экономическое развитие способствовало сплочению национальных меньшинств в этих районах и сохранению социальной стабильности.

В целом можно отметить, что ключевые приграничные города стали ядром модели освоения и открытости, они играют важную роль в росте благосостояния населения, сохранении стабильности и укреплении добрососедских отношений с соседними странами. Несомненно, что ограничения этой модели открытости в ближайшее время станут очевидными. Самыми важными пунктами ограниченности являются три показателя: 1. Как правило, приграничные города небольшие и им очень трудно эффективно аккумулировать ресурсы для экономического развития с целью превращения в сильный региональный экономический центр. Конечной целью создания приграничных городов и районов приграничного экономического сотрудничества является предельный рост экономического потенциала близлежащих территорий, но реальная ситуация показывает, что маленьким и средним приграничным городам очень трудно за короткое время накопить экономические ресурсы и привлечь рабочие руки (мигрантов), поэтому потенциал социально-экономического развития этих районов ограничен. 2. Производственная база этих территорий очень слабая и очевиден недостаток потенциала для переноса производства. Несмотря на то, что каждый приграничный город и район сотрудничества ускоренно развивают производство и экспортируют всё необходимое для его развития, считать их ключевыми пунктами модели открытости нельзя. Они создают экспортные районы переработки (толлинг-торговля 1) с налоговыми преференциями и с привлечением торгового капитала, но в целом очевидно, что результаты реализации каждого пункта этой стратегии не ясны; имеет значение, что большая часть земельных участков в приграничных районах сотрудничества приобретается и долгое время не используется, а некоторые районы ещё выступают против индустриализации [3]. 3. Некоторые приграничные города и районы приграничного сотрудничества из-за недостаточной поддержки внутри государства и из-за трудностей с эффективным продвижением сотрудничества с соседними странами оказываются в состоянии «экономики изолированного острова». В этом отношении нагляден пример города Хуньчунь и прилегающего к нему района экономического сотрудничества. Несмотря на то, что Хуньчунь пользуется преференциями в рамках трёх программ – стратегии открытости приграничных

городов, программы освоения и открытости западных регионов Китая и проекта развития районов проживания национальных меньшинств, его экономические связи с территориями центрального Китая, такими как Чанчунь, Цзилинь и Яньцзи, очень слабые и отношения с соседними государствами тоже не столь оживлённые, а так как издержки межгосударственных торговых операций сравнительно высокие, то в результате промышленное развитие этого региона сталкивается с большими трудностями [4].

Принимая во внимание вышеуказанные факторы ограничения развития и учитывая, что ключевые приграничные города и районы экономического сотрудничества играют главную роль в модели освоения окрестных регионов, нужно эффективно преодолевать трудности в освоении этих территорий. В сложившихся обстоятельствах многие регионы ищут новую модель освоения и открытости. Например, г. Маньчжоули предложил новый путь освоения и открытости – «экспериментальная зона приграничной открытости» [5]. Город Муданьцзян тоже выдвинул предложение о разработке пилотной зоны приграничной открытости с целью расширения освоения Муданьцзяна и окрестных территорий посредством создания пояса открытости вдоль шоссе 301. Суйфэнхэ и Дунин – два города, обеспеченные сильной поддержкой, вместе занимаются развитием открытости приграничных и внутренних районов [2].

Создание национальной пилотной зоны освоения и открытости Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь (ЧанЦзиТу) в большой степени зависит от решения многих проблем, с которыми сталкиваются эти районы и от необходимости реализации инновационного развития приграничных регионов. В соответствии с базовым курсом, выдвинутым в плане развития пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь, постепенное социально-экономическое развитие двух крупных городов – Чанчуна и Цзилиня и повышение их внешнего потенциала может сформировать сильную внутреннюю поддержку развитию региона Тумэньцзян, и впоследствии эффективно стимулировать освоение и открытость соседних территорий. В свою очередь расширение открытости региона Тумэньцзян, в особенности успешное продвижение создания международных магистралей также может повысить статус экономического региона Цзилинь – Чанчунь на Северо-Востоке Китая и в Северо-Восточной Азии, что в свою очередь, будет способствовать развитию городов Чанчуна и Цзилиня. В реализации совместного освоения экономического района Чанчунь – Цзилинь и региона Тумэньцзян самым важным является интеграция Чанчуна, Цзилиня и региона Тумэньцзян, чтобы они выступали в качестве единого района международного экономического сотрудничества. Это может привести к снятию ограничений в развитии сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян, включая автономный округ Яньбянь и город Хунчунь, и от комплексного развития региона к ускоренному освоению окрестных территорий.

Создание пилотной зоны открытости Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь может не только решить проблемы развития экономических кластеров провинции Чанчунь и проблемы развития связанных с ними близлежащих территорий, но и будет способствовать ускорению освоения внутренних районов приграничных провинций и содействовать изучению накопленного опыта существования новой модели.

2. Содержание открытости: от экономики пропускных пограничных пунктов к комплексному развитию производства и оптимизации его пространственного размещения.

Говоря об экономике пунктов въезда в страну, нужно отметить, что приграничные пункты въезда в особых районах обладают преимуществами в ведении экономической деятельности. Если говорить конкрет-

нее, то среди приграничных регионов пункты въезда в страну занимают важнейшее место в каждом из перечисленных ниже видов деятельности: приграничная торговля, трансграничный туризм, экспертиза товаров, перемещение товаров через границу для участия в выставках, перевозка грузов и людей, банковские переводы, гостиничный сервис, индустрия питания и др. Начиная с 90-х годов XX века от экономического роста приграничных районов, в особенности приграничных городов, и особенно от развития приграничной торговли большую часть прибыли получили пункты въезда в страну. Например, г. Суйфэнхэ в пров. Хэйлунцзян и г. Маньчжоули в автономном районе Внутренняя Монголия являются примерами этой модели расцвета приграничной торговли.

Этот компонент будет долго оставаться главным содержанием освоения и открытости приграничных регионов и особенно приграничных городов. Но стоит обратить внимание, что, опираясь только на развитие экономики пунктов въезда, невозможно достичь эффективного и всестороннего развития окрестных территорий. Необходимо выяснить причину такого явления характерного для приграничной торговли современного Китая как «южный товар – северный сбыт», т. е. приграничные города экспортируют товары, большая часть которых привезена из юго-восточных приморских провинций, а не произведена на местных предприятиях, и особенно эта ситуация характерна для пунктов въезда в страну. Согласно данным статистики, доля местной продукции в экспорте пров. Хэйлунцзян не достигает и 1/3, а 2/3 экспорта – это продукция других регионов, особенно высока доля юго-восточных приморских провинций [5]. В экспорте Синьцзяна доля внешней продукции тоже высока, эта ситуация подробно описана в детальном докладе, посвящённом развитию Жуйлиня. В этом докладе подробно описана типичная ситуация с «Приграничным отелем», который в 1991 г. начал принимать гостей и делать закупки товаров для стран СНГ. С развитием приграничной торговли этот отель стал комплексным предприятием внешней торговли и услуг – сейчас он представляет собой отель, торговый центр и склад и стимулирует развитие индустрии питания и развлечений. Основным видом хозяйствования этого отеля в городе-пункте въезда в страну стал экспорт одежды, шапок и обуви, причём 95% товаров произведена во внутренних районах, что является специфической чертой производства в Синьцзяне – автономном районе проживания национальных меньшинств [6]. Очевидно, что хотя экономика пунктов въезда в страну играет важную стимулирующую роль в росте экономики окрестных районов, особенно в развитии сферы услуг, но их эффективность в развитии современного производства не ясна.

Таким образом, в ближайшее время будет всё отчётливее проявляться ограниченность пространственного фактора в развитии приграничной торговли. Главные ограничения проявляются в трёх нижеследующих аспектах. 1. Вслед за постоянным снижением ставок таможенных пошлин постепенно произойдёт уменьшение налоговых преференций, которыми пользовалась приграничная торговля, а главным изменением станет нарастающая тенденция делать заказы на закупку экспортных товаров на месте их производства. Эта проблема постепенно проявится для юго-западных приграничных регионов. Вслед за созданием торговой зоны между КНР и АСЕАН и взаимной ликвидацией таможенных барьеров и отменой таможенных пошлин, уменьшаются, а скоро и совсем исчезнут, налоговые преференции при ведении внешней торговли. 2. Относительное снижение темпов экономического роста в соседних государствах и приграничных регионах, сравнительной небольшой масштаб предприятий, занимающихся этой деятельностью, возможное снижение платёжеспособности, примитивная инфраструктура пограничных

пунктов въезда в страну и их низкая пропускная способность – все эти факторы непосредственно ограничивают развитие приграничной торговли. Например, российские предприятия при экспорте своих товаров в Китай требуют заранее выплачивать их полную стоимость, но при импорте из Китая производят платежи только после получения товара. С одной стороны, это увеличивает себестоимость производства для китайских предприятий (в стоимость включаются издержки), с другой стороны – возникают конфликты по поводу задолженности и это увеличивает риски китайских предприятий. 3. У средних и мелких предприятий и индивидуальных хозяйств, ведущих внешнеэкономическую деятельность, масштаб деятельности сравнительно небольшой, уровень качества товаров невысокий и низкий потенциал адаптации к изменениям, происходящим на рынках соседних стран. Проблема низкого потенциала предприятий, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, проявляется именно после неблагоприятного сценария развития событий в экономике соседних стран.

Исходя из вышеописанных факторов и, несмотря на то что экономика пунктов въезда в страну выполняет функции первопроходца в развитии открытости близлежащих районов, её роль в дальнейшем развитии экономики приграничных районов имеет чёткие ограничения. Поэтому для будущего курса освоения и открытости приграничных территорий следует не только продолжать стимулировать и поддерживать развитие экономики пунктов въезда в страну, но и следует как можно быстрее связать освоение и пространственные преимущества размещения производства. В этом случае государство вместе с региональными администрациями изучает новую модель и новый способ производственной открытости. Например, в апреле 2009 г. Госсовет обнародовал план создания в Суйфэньхэ комплексной беспошлинной зоны. Эта зона в Суйфэньхэ является шестой подобной зоной в Китае и первой и пока единственной приграничной внутриконтинентальной комплексной беспошлинной зоной. Такие зоны в Китае – это самый высокий уровень внешней открытости, с самой быстрой операционной системой и самой масштабной политикой предоставления преференций. Строит комплексную зону Суйфэньхэ самостоятельно, но город надеется заручиться особой политической поддержкой, повысить уровень открытости всего региона Суйфэньхэ и продвинуть комплексное освоение и развитие производства в своём регионе. Всё это делается чтобы, развивая экспортно-импортную торговлю и беспошлинную обработку товаров, организовывая промышленные выставки, вывести экономический рост этого приграничного региона на качественно новый уровень. В г. Муданьцзян тоже избрали новый подход к интеграции источников городских финансов, оптимизации производственной структуры и ускорению развития производственного комплекса, были выдвинуты пять предложений – создать базу обрабатывающей промышленности, базу для экспортно-импортной обработки товаров с Россией, базу по аккумулярованию российско-северокорейско-китайских трансграничных инвестиций, базу зимнего и загородного отдыха и базу экологичного сельского хозяйства. Задачами создания пяти баз являются полное использование преимуществ географического положения региона, ускорение комплексного освоения и промышленного развития и всестороннее развитие экономики и одновременно закладывание фундамента для перехода экономики пункта въезда в страну на новый уровень [2].

Результаты создания комплексных беспошлинных зон в приграничных городах-пунктах въезда в страну мотивируют одних следовать их примеру открытости производства, а других – продолжать изучать эту модель. Раньше приграничные регионы демонстрировали несколько

позитивных примеров стимулирования промышленного освоения региона, но в настоящее время, исходя из ситуации слабости их собственной промышленной базы и недостатка поддержки, перспективы промышленного освоения приграничных регионов нельзя назвать оптимистичными. В 90-х годах XX века приграничная торговля между Синьцзяном и странами СНГ развивалась очень быстро, но, хотя несколько предприятий и индивидуальных предпринимателей инвестировали средства в расширение производства, большая часть инвестиций не дала ожидаемого результата, а остальные вообще не дали никакого эффекта. Исследуя причины и опираясь на конкретные случаи, в детальном докладе о Жуйлине эта ситуация описана очень показательно. Несмотря на то, что в приграничных районах есть источники сырья для производства одежды и обуви и единичных деталей, в провинциях Цзянсу и Чжэцзян сформированы производственные цепочки, основанные на разделении труда и это приводит к тому, что при производстве товаров есть возможность выбора источников сырья и гибкой системы ценообразования. В итоге это приводит к тому, что здесь достигаются самые благоприятные условия производства, притом, что стоимость товара вместе с затратами на его перевозку ниже, чем стоимость тех товаров, которые произведены в Синьцзяне [6].

Принимая во внимание вышеизложенную ситуацию, приграничным регионам необходимо в полной мере учесть опыт рационального пространственного размещения производства в тех регионах. В плане создания пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь обращено внимание на эту проблему и это выражено в регламенте оптимизации размещения производства. 1. Исходя из выгодного расположения г. Хуньчунь, отдавая приоритет и определяя его роль как «окно внешней открытости», здесь следует развивать обработку экспортных товаров, инвестиционную открытость, производственный сервис, логистику, трансграничный туризм и т. д., то есть всего того, что соответствует развитию производственных преимуществ Хуньчуна. 2. Исходя из выгодного расположения автономного округа Яньбянь, акцентируя его роль как «проводника» (связующего звена) и учитывая потенциал земельных ресурсов Чанчуна и Цзилиня, здесь следует развивать обрабатывающую промышленность, высокотехнологичное производство, логистику и туризм. Это в полной мере учитывает особое расположение района Яньлуньту, сохранение людских ресурсов, потенциал научно-технического освоения и развитие производства. 3. Исходя из выгодного расположения экономического района Чанчунь – Цзилинь и учитывая непосредственную роль внутренних районов в создании пилотной зоны, здесь необходимо создание зоны комплексного промышленного освоения и главного пункта экономической конструкции региона, в котором должны развиваться автомобилестроение, нефтехимическая промышленность, пищевая и лёгкая промышленность, производство фотоэлементов, металлургия, производство оборудования и т. д. Все эти отрасли промышленности можно разместить в двух городах – Чанчуне и Цзилине, это повысит уровень производственной структуры и активизирует процессы развития Яньбяня и Чаньчуна, постепенно вовлекая в процесс развития и перемещения производства города, связанные с Яньбяньским автономным округом. Впоследствии сформируется модель размещения производства, в которой сотрудничество двух городов Чаньчуна и Цзилиня будет основано на разделении труда, и это в конечном итоге даст новый импульс освоению близлежащих территорий.

Новое всестороннее исследование комплексного промышленного освоения и оптимизации размещения производства в пилотной зоне ЧанЦзилиньТу можно использовать не только для развития экономики

этих регионов, но можно учесть этот опыт и не повторить ошибок, которые происходили при создании зон комплексного промышленного освоения в других приграничных регионах.

3. Региональное сотрудничество: от участия и продвижения международного сотрудничества к созданию единой стратегии сотрудничества внутри государства и между странами.

С принятием стратегии развития приграничных регионов, государство само активно участвовало и продвигало региональный аспект сотрудничества с соседними странами, прямо обозначая приграничные регионы как центры внешней открытости. Например, пров. Юннань, надеясь напрямую установить сотрудничество с компаниями города Ланьцаньцзяна с целью повышения открытости приграничных городов провинции; в провинции Хэйлуцзян города Хэйхэ, Суйфунхэ и Дуннин имеют прямые связи с российскими регионами и играют роль центров регионального сотрудничества. Регион Тумэньцзян тоже занимает важное место в развитии регионального сотрудничества между государствами, особенно активно показывая сотрудничество с соседними регионами России и КНДР, сотрудничество в создании большой трансграничной магистрали между Китаем и Монголией и строительстве трансграничной торгово-экономической зоны. Напрямую развивают и активно стимулируют межгосударственное сотрудничество Яньбяньский автономный округ и город Хуньчунь в провинции Цзилинь.

При признании высокой степени важности продвижения регионального сотрудничества с соседними странами, возникают очевидные контрасты, например приграничные регионы, развивая внешнюю открытость, мало обращают внимания на региональное сотрудничество внутри государства. Это демонстрируют три основных показателя. 1. Вышеприведённый анализ показывает, что в модели открытости приграничных городов и районов приграничного экономического сотрудничества отсутствует кооперация между приграничными и внутренними территориями в разделении труда, а в продвижении расширения открытости приграничных регионов отсутствует аспект комплексного регионального развития. 2. При развитии многопланового регионального международного сотрудничества возникает конкуренция между приграничными регионами соседних стран, между приграничными городами, которые не являются партнёрами, и даже между регионами-партнёрами, развивающими всестороннее сотрудничество – существует проблема взаимной острой конкуренции. Например, провинции Хэйлуцзян и Цзилинь развивают трансграничное экономическое сотрудничество с Россией, регион Тумэньцзян является важным посредником в создании международной магистрали, и поэтому провинции Хэйлуцзян и Цзилинь должны координировать свои действия и вместе двигаться вперёд. На самом деле, между этими двумя провинциями, также как и между городами Суйфэнхэ и Хуньчунь очень мало общего для совместного участия в обсуждении регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии и мало координации и взаимопонимания по вопросам открытости региона Тумэньцзян. 3. Во внутренних районах очень остро стоит проблема взаимного отчуждения местных администраций и процесс региональной интеграции серьёзно затягивается. В последнее время всё чаще звучат призывы к ликвидации разделения между региональными рынками и продвижению региональной экономической интеграции внутри страны и уже проводятся мероприятия по интеграции северных приморских регионов – дельты реки Янцзы, дельты реки Чжуцзян (Жемчужная) и региона Пекин – Тяньцзинь – провинция Хэбэй. Но мероприятия, направленные на интеграцию между местными администрациями всех уровней в подчинённых районах внутренних приграничных провинций

ещё редки, коммуникационная инфраструктура между ними не налажена, экономическая и социальная политики не скоординированы, в привлечении инвестиций существует острая конкуренция.

Приграничные регионы, в полной мере используя своё выгодное географическое положение, постоянно расширяют региональное сотрудничество с соседними странами и это является одним из путей расширения открытости и экономического развития, хотя приграничные регионы зачастую достигают разных результатов. Необходимо отметить, что политика регионального сотрудничества направлена только на переоценку международного регионального сотрудничества и пренебрежение регионального сотрудничества внутри государства, и порочность этой практики очевидна. Говоря конкретнее, у этой ущербной политики есть три показателя. 1. Невозможно создание индивидуального для каждого региона комплекса конкурентных преимуществ. В прошлом, эксперты при анализе региональных конкурентных преимуществ стремились рассматривать каждый регион отдельно, а сейчас сравниваются абсолютные и относительные запасы экономических источников регионов в целом. На самом деле любой регион не является единым целым, пространственное размещение экономических объектов внутри региона очень сильно отражается на конкурентных преимуществах этой территории. Например, в 90-е гг. XX века шло ускоренное развитие и повышались конкурентные преимущества районов в дельте реки Янцзы, и с целью получения выгоды Шанхай и пров. Чжэцзян и Цзянсу создали взаимозависимую систему разделения труда. Для создания конкурентных преимуществ внутренним провинциям тоже необходимо укреплять взаимное сотрудничество и координацию. 2. Невыгодно формирование тесного сотрудничества между приграничными провинциями и сравнительно хорошо развитыми внутренними провинциями и городами. Некоторые исследователи, проводя сравнительный анализ выгодности географического расположения, промышленной базы и источников природных ресурсов регионов в дельтах рек Янцзы и Чжунцзян и западных регионов, приходят к выводу, что выбор места расположения для развития экспортоориентированного производства и их сравнительные преимущества находятся в полном противоречии друг с другом, и остаётся только надеяться, что ситуацию можно исправить с помощью привлечения внешних инвестиций в коммерцию и производство, кроме того, в восточных регионах стоимость интеграции коммерческих цепочек ниже, чем в западных [7]. Некоторые учёные, проводя эмпирические исследования, показывают, что экономика в западной части страны развивается быстро, а строительство коммуникаций приведёт к установлению связей между западными регионами и экономически развитыми восточными регионами [8]. Но приграничные регионы не придают значения отношениям и сотрудничеству с внутренними экономически развитыми регионами и это может серьёзно отразиться на их экономическом росте. 3. Невозможно активно продвигать международное региональное сотрудничество. С началом реформ открытости, приграничные регионы Китая и особенно приграничные города активно продвигали региональное сотрудничество с соседними государствами, но сейчас, говоря откровенно, их результаты далеки от идеала. В четвертой части данной статьи проведён анализ причин их неудач. Но если приграничные регионы и города укрепляли сотрудничество, согласовывая вопросы регионального взаимодействия с местными администрациями, то план сотрудничества составлялся в регионе и у него были шансы получить поддержку центральных правительств всех стран-участниц.

Поэтому, при расширении открытости приграничных регионов следует придавать значение не только международному регионально-

му сотрудничеству с соседними государствами, но необходимо повышать уровень межрегионального сотрудничества и внутри страны. При создании пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь планируется расширить границы открытости региона Тумэньцзян от Яньбяньского автономного округа до г. Хуньчунь, подразумевается, что не только города Чанчунь и Цзилинь и Яньбяньский автономный округ составят единый комплекс освоения, но и усилится региональное сотрудничество внутри страны на трёх уровнях. 1. Установление органичных связей между зоной Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь и внутренними регионами провинции Цзилинь. В соответствии с планом строительства пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь, её создание приведёт к постепенной оптимизации размещения производства и разделения труда между пилотной зоной и южными, северными и западными районами пров. Цзилинь, к рациональным мероприятиям по строительству трансграничных дорог и инфраструктуры. И тогда повышение консолидированного внутреннего потенциала и накопленного внешнего приведёт к обоюдному развитию всех частей пров. Цзилинь. Одновременное усиление комплексного хозяйствования в регионе реки Сунхуа (Сунгари) и интеграция Чанбайшаня в систему бережного экологичного хозяйствования приведёт к формированию в масштабах провинции рациональной, последовательной и экологичной структуры открытости. 2. Скоординированное развитие пилотной зону освоения и открытости Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь и всех северо-восточных провинций страны. В плане создания пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь также в полной мере показана важность укрепления сотрудничества с Ляонином, Хэйлуцзяном и Внутренней Монголией. В регионе формируются интеграционная инфраструктура, рациональное размещение промышленности и система разделения труда, возрастает роль интеграции, которая обеспечивает обоюдную выгоду новой структуры освоения и открытости. В связи с этим обостряются проблемы объединения коммуникационных сетей, сотрудничества приморских и внутренних (речных) портов, энергетической кооперации, строительства системы водоснабжения, система разделения труда в промышленности и т. д., и в плане чётко определены основные пункты транспроvincialного сотрудничества. 3. Углубление сотрудничества между пилотной зоной Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь и приморскими восточными провинциями. В Китае восточные провинции являются регионами экономической мобилизации всей страны, этот регион обладает преимуществами в привлечении инвестиций, технологий и кадров и развитии пилотных зон экономической взаимодополняемости. Укрепление экономического взаимодействия с восточными прибрежными провинциями, ускорение создания межпровинциальной зоны сотрудничества – важного района привлечения зарубежных инвесторов и мировых брендов, перемещение производства между регионами может привести к активной циркуляции коммерческих цепочек между пилотной зоной и ключевыми пунктами восточных приморских провинций, эффективно стимулировать развитие экономики провинции Цзилинь и расширить региональное сотрудничество в районе Тумэньцзян. Планирование регионального сотрудничества открытого района Чанчунь, открытого района Цзилинь, приграничного региона экономического сотрудничества Хуньчунь и района сотрудничества в прибрежной восточной части страны привело к возникновению многих конкретных соображений.

Вышеописанная ситуация показывает, что пилотная зона расширения сотрудничества Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь не только участвует в региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и расширении регионального взаимодействия района Тумэньцзян, но и развивает связи с передовыми приморскими регионами. Эффективное стимулирова-

ние создания пилотной зоны ЧанЦзиТу поможет получить важный опыт изучения новой модели регионального сотрудничества внутри страны и международного взаимодействия при едином планировании развития внутренних приграничных регионов страны.

4. Международный координационный механизм: от территориального сотрудничества к созданию многоуровневой платформы сотрудничества.

Механизм координирования субрегионального сотрудничества между Китаем и соседними странами несбалансирован, с некоторыми странами довольно быстро сформировался эффективный механизм сотрудничества, с другими – механизм создаётся очень медленно и не очень эффективный. Схема взаимодействия в бассейне рек Ланьцанхэ и Меконг уже сложилась, и она включает отношения между центральными правительствами двух стран и отношения региональных администраций, которые совместно участвуют в многоуровневом консультировании и координировании. Между Китаем и странами Центральной Азии, которые являются мостом между Азией и Европой, тоже формируется механизм субрегионального сотрудничества, уже достигнуты важные результаты и начал создаваться многосторонний механизм координации в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Но есть и обратная ситуация, когда между многими районами пока ещё не действует эффективный механизм координации, региональное сотрудничество в районе Тумэньцзян относятся к таким примерам.

В декабре 1995 г. в рамках Программы развития, разработанной ООН (UNDP), правительства Китая, России и КНДР ратифицировали «Соглашение о создании координационного комитета по освоению региона Тумэньцзян», пять государств – Китай, Россия, Южная Корея, Монголия и КНДР ратифицировали «Соглашение о создании консультационного комитета по экономическому освоению региона Тумэньцзян» и «Меморандум о взаимном понимании экологических норм экономического освоения региона Тумэньцзян». Два ратифицированных соглашения и меморандум показывают, что период исследовательских изысканий в налаживании регионального сотрудничества в регионе Тумэньцзян сменился периодом реализации официальных мероприятий, а сформированные трёхсторонний координационный комитет между Россией, Китаем и КНДР и пятисторонний консультационный комитет между Китаем, Россией, Южной Кореей, Монголией и КНДР создают двухуровневый координационный механизм. Кроме того, два комитета стимулируют сотрудничество в освоении региона Тумэньцзян, поскольку играют определённую активную роль, но одновременно проявляются внутренние недостатки их деятельности.

Несмотря на то, что указанные комитеты являются международными организациями под эгидой ООН, у них есть организационная структура, определены их основные обязанности, модель и программа действий, сформулированные в пунктах соглашений, но на самом деле эти комитеты являются лишь международными форумами, а не эффективно работающими международными организациями сотрудничества. Из вышеизложенного можно сделать два главных вывода: 1) с самого основания комитетов принимаемые юридические документы для развития сотрудничества в регионе Тумэньцзян имеют ограниченную силу, а многоуровневый механизм выработки решений не соответствует ожиданиям; 2) конкретные действия комитетов по развитию сотрудничества в регионе Тумэньцзян не играют подлинную координирующую роль и нет примера международной организации, которая обладает функциями координации договорённостей. Учитывая эти обстоятельства, можно отметить, что региональное сотрудничество в регионе Тумэньцзян не вступи-

ло в период многостороннего координирования и оказалось в ситуации, когда каждая сторона самостоятельно развивает сотрудничество.

Исходя из этой ситуации, обязательства основных промоутеров сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян берут на себя региональные администрации, развивающие отношения со всеми государствами, а сотрудничество в регионе Тумэньцзян воплощается во взаимодействии местных администраций. Например, ключевые центры региона – пров. Цзилинь, в Китае, префектура Тоттори в Японии, пров. Канвондо в Республике Корея, Приморский край в России основали «Совещание глав правительств регионов бассейна Японского моря» и проводят один раз в году совещание глав правительств регионов, на этом совещании проходят совместные консультации по вопросам сотрудничества и совместного развития. В 2000 г. к этому «Совещанию» присоединилась Монголия [9, с. 98]. Среди всех региональных правительств наиболее активную позицию в стимулировании ускорения сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян занимают пров. Цзилинь, Яньбяньский автономный округ и г. Хуньчунь. Например, для создания международной магистрали и ускорения трансграничного экономического сотрудничества пров. Цзилинь и Россия договорились о создании транснациональной зоны экономического сотрудничества Хуньчунь – Хасан, а с КНДР договорилась о создании транснациональной зоны экономического сотрудничества Хуньчунь – Расон.

Региональные правительства всех стран играют важную роль в стимулировании сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян, но их компетенция ограничена и их старания не достигают ожидаемых результатов. Режим прохождения таможенного контроля, режим торговых инспекций, создание трансграничных зон экономического сотрудничества и инфраструктуры между государствами находятся в ведении центральных правительств. В ситуации недостаточного участия центрального правительства и отсутствии чёткого разграничения полномочий, пространство для манёвра у региональных администраций очень ограничено. Например, китайская сторона продвигает сотрудничество с КНДР по линии проекта «дорога – порт» и администрация северокорейского города Расон проявляет в этом вопросе большую заинтересованность, но центральное правительство КНДР не оказывает чёткой поддержки, и этот проект реализуется очень медленно. На самом деле проблема заключается не только в том, что механизм сотрудничества не до конца сформирован, существует и проблема свободного прохождения международного коридора в регионе Тумэньцзян, но этот вопрос эффективно не решается. В России не создана полноценная юридическая база сотрудничества, существует проблема монополизации рынков, пропускная способность пограничных пунктов низкая, есть серьёзные противоречия в совместной эксплуатации между центральными, региональными и частными дорогами. Например, несмотря на то, что международная железная дорога Хуньчунь – Камышовая между Китаем и Россией действует уже более 10 лет, суммарный объём грузоперевозок за этот период составил только 5486 тонн, а с 2005 г. эта дорога вообще перестала функционировать. Внешнее освоение КНДР по-прежнему остаётся в зачаточном состоянии, режимы регулирования прохождения таможи, пошлин, проктов сотрудничества с зарубежными государствами ещё полностью не сформированы, инфраструктура транзитной зоны Расон крайне отсталая, стоимость перевозки товаров высокая, а сама перевозка неудобная. Поэтому исходя из реальной ситуации, опираясь только на содействие администраций пров. Цзилинь, автономного округа Яньбянь и г. Хуньчунь очень трудно придать новый импульс сотрудничеству в освоении региона Тумэньцзян, а план «выхода к морю» очень трудно претворять

в жизнь [10].

Таким образом, инновации в механизме координации сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян заключаются в переходе от сотрудничества между местными администрациями к совместному многоуровневому взаимодействию центральных и местных правительств, поскольку важно сохранить реальные достижения сотрудничества в освоении этого региона и придать новый импульс медленно развивающемуся региональному сотрудничеству в Северо-Восточной Азии. Раньше у китайского правительства не было новых возможностей для развития инновационного механизма международного координирования освоения региона Тумэньцзян. С принятием «Тезисов перспективного плана сотрудничества в освоении региона Тумэньцзян» чётко обозначились базовые направления нового механизма международного сотрудничества в освоении этого региона. К ним относятся инициативы проведения регулярных встреч глав правительств и заместителей глав правительств стран-участниц; на основании уже имеющегося механизма сотрудничества нужно согласовать регулярное проведение форума по экономическому сотрудничеству Северо-Восточной Азии, форума городов региона Тумэньцзян, создать платформу для взаимного обмена информацией и установления контактов между специалистами; расширить полномочия региональных правительств, участвующих в сотрудничестве по освоению региона Тумэньцзян.

Исходя из трёх составляющих обновления международного механизма координации регионального сотрудничества при активном участии государства и стимулировании регионального сотрудничества, проблемы развития региона Тумэньцзян должны стать главной темой двусторонних встреч лидеров Китая и России, Китая и государств Кореянского полуострова, Китая и Монголии, а способность координации повышения уровня регионального сотрудничества и создание международных коммуникаций помогут сохранить проект сотрудничества и достичь реальных результатов принимаемых решений.

Учитывая реальные трудности со сложным и постоянно изменяющимся механизмом координации сотрудничества между регионами Северо-Восточной Азии, создание за короткий срок системы эффективного многостороннего сотрудничества сопряжено с довольно большими трудностями. Кроме того, Китаю необходимо, начиная с активного продвижения двустороннего сотрудничества, постепенно создавать схему многостороннего взаимодействия по освоению региона Тумэньцзян. В настоящее время в отношениях с Россией следует воспользоваться выгодной возможностью, которую представляет стратегия великого освоения восточной части России (Дальнего Востока и Забайкалья), решить проблемы функционирования российско-китайской железной дороги Камышовая – Хуньчунь, создания инфраструктуры российских пограничных пунктов въезда, увеличить их пропускную способность, вынести на повестку дня встреч лидеров двух государств разработку совместного плана действий [11]. В отношениях с КНДР необходимо вести переговоры на уровне МИДов двух стран о предоставлении КНДР помощи, договориться о заседаниях комитета по китайско-северокорейским связям в области экономики, торговли и техники, напрямую с центральным северокорейским правительством провести консультации о помощи в строительстве прямой дороги Раджин – Юаньгинли, модернизации пограничного перехода Цюаньхэ, совместного использования портов Раджин и Тяньцзинь. В отношениях с Монголией следует решить вопрос о строительстве железной дороги между Аэршань и монгольской Чойбалсан и выстроить повестку дня встреч глав правительств двух стран. После решения этих проблем Китаю необходимо активно симулировать

создании координационной структуры в регионе Тумэньцзян и постепенно обновлять механизм международного взаимодействия, а для этого следует сохранять и изучать опыт приграничного субрегионального сотрудничества..

Литература

1. 朱显平, 廉晓梅. 图们江开放开发及珲春边境经济合作区建议经验教训. 吉林省发展和改革委员会. 长吉图开放带动先导区专题研究报告. 2007. 10. (Чжу Сяньпин, Лянь Сяомей. Уроки создания зоны освоения и развития Тумэньцзян и района приграничного экономического сотрудничества Хуньчунь // Комитет по реформам и развитию пров. Цзилинь. Доклад о специальном исследовании пилотной зоны Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь. 2007. 10 с.)
2. 陆南泉. 中俄区域经贸合作发展趋势分析. 俄罗斯人中亚东欧市场. 2009 (9): 7-22. (Лу Наньцюань. Анализ тенденций развития китайско-российского торгово-экономического регионального сотрудничества // Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2009. № 9. С. 7-22.)
3. 李红. “两廊一圈”的困境与出路. 创新. 2007, (2): 17-22. (Ли Хун. «Два коридора одного района»: тупик и выход // Инновации. 2007. № 2. С. 17-22.)
4. 朴承宪. 图们江开发所面临的新形势与课题. 延边大学学报 (社会科学版). 2006, (1): 58 – 63. (Пяо Чэнсянь. Новая ситуация и новые задачи освоения Тумэньцзян // Журнал Яньбяньского Университета (общественные науки). 2006. № 1. С. 58-63.)
5. 吴昊, 刘丹. 中国东北地区与周边国家的贸易和投资关系. 东北亚论坛. 2005, (6): 46 – 50. (У Хао, Лю Дань. Торгово-экономические и инвестиционные отношения Северо-Востока Китая с соседними государствами // Форум Северо-Восточной Азии. 2005. № 6. С. 46-50.)
6. 朱玲. 新疆印象之一: 活跃的口岸贸易. 经济学家茶座. 2007, (5): 45-50. (Чжу Лин. Одно из впечатлений от Синьцзяна: оживлённая приграничная торговля // Кафе экономистов. 2007. № 5. С. 45-50.)
7. 马科斯托比. 中国区域发展中的外投资: 沿海地带的经验和对西部地区的政策挑战. 发展经济论坛. 2003 (3): 86-115. (Маркс Тоби. Привлечение иностранных инвестиций для развития китайских регионов: опыт прибрежных провинций бросает вызов западным регионам // Форум экономического развития. 2003. № 3. С. 86-115.)
8. 骆许蓓, 朱农. 中国西部落后地区发展与目标性交通运输基础设施. 沙安文, 沈春雨, 邹恒甫主编. 中国地区差异的经济分析. 北京: 人民出版社, 2006. (Ло Сюйбэй, Чжу Нун. Отсталые западные регионы развиваются и целенаправленно создают транспортную инфраструктуру. Экономический анализ неравенства китайских регионов. Под. ред. Ша Аньвэнь, Шень Чуньли, Чжоу Хэнфу. Пекин: Народное издательство. 2006. 243 с.)
9. 王胜令, 于肃. 图们江跨国经济合作压研究. 长春: 吉林人民出版社. 2006. (Ван Шэнлин, Юй Су. Изучение транснационального экономического сотрудничества в регионе Тумэньцзян. Чанчунь: Цзилиньское народное издательство. 2006.)
10. 朱显平, 李天籽. 新形势下中国东北振兴战略同俄罗斯东部发展战略的互动合作. 东北亚论坛. 2009, (4): 46-52. (Чжу Сяньпин, Ли Тяньцзы. Взаимодополняющее развитие новой стратегии возрождения Северо-Востока Китая и новой стратегии развития Российского Дальнего Востока // Форум Северо-Восточной Азии. 2009. № 4. С. 46-52.)

11. 金向东, 金奇宪。图们江地区开发开放再度升温。东北亚论. 2008, (4): 20-26. (Цзинь Сяндун, Цзинь Цисянь. Повторное «потепление» в освоении и открытости района Тумэньцзян // Форум Северо-Восточной Азии. 2008. № 4. С. 20-26.)

УДК 339.9(571:510)

Врадий С.Ю.

Региональный аспект российско-китайских отношений

Regional aspect of the Russian-Chinese relations

Статья посвящена рассмотрению динамики торгово-экономического сотрудничества Приморского края и провинций Северо-Восточного Китая в контексте общего развития российско-китайских отношений с конца 80-х гг. XX в. по настоящее время.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Приморский край, российско-китайские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, Туманган*

Article is devoted consideration of dynamics of trade and economic cooperation of Primorski Territory and provinces of Northeast China in a context of the general development of the Russian-Chinese relations from the end of 80th XX century to the present.

Key words: *Russia, China, Primorski Territory, the Russian-Chinese relations, trade and economic cooperation, Tumangan*

Всестороннее сотрудничество России и Китая в XX – XXI в. стало неотъемлемой частью внешней политики двух стран. За последние годы Россией и Китаем были достигнуты определенные успехи в плане активизации партнерства.

По итогам недавних переговоров президента РФ Дмитрия Медведева и председателя КНР Ху Цзиньтао, состоявшихся в июне 2011 г., было подписано совместное заявление по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам, а также ряд документов. В частности, Дмитрий Медведев и Ху Цзиньтао приняли совместное заявление в связи с десятилетием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Был подписан меморандум о сотрудничестве между Внешэкономбанком и государственным банком развития Китая, меморандум о взаимопонимании между ВЭБ и Торгово-промышленным банком Китая. Руководителем российского правительства поставлен ряд задач по расширению сфер торгово-экономического сотрудничества с КНР.

По оценкам российских специалистов, роль и место Приморского края в реализации наметок правительства в значительной степени бу-

---

ВРАДИЙ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vradis@yandex.ru

дет определяться подходом приграничных провинций КНР к развитию торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Анализ материалов китайской и российской прессы свидетельствуют о том, что планы приграничных провинций КНР по развитию двусторонней торговли тесно увязаны с ходом реализации принятой в 2003 г. Программы возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая [2, с. 3]. При этом Приморскому краю отводятся функции обеспечения сбыта продукции китайских предприятий и импорта ими сырья, а также рынка экспорта китайской рабочей силы. Китайские исследователи отмечают, что развитие Северо-Восточного Китая является стратегической для КНР задачей. Под развитием, как явствует из опубликованных материалов, понимается, прежде всего, перевооружение технически отсталых предприятий и изменение форм и методов управления экономикой региона.

Как и любой другой приграничный субъект Российской Федерации, Приморский край имеет свои особенности, определяющие его роль и место в реализации планов местного и центрального правительств КНР.

Развитие торгово-экономических связей Приморского края с различными районами КНР, главным образом северо-восточными провинциями, проходит в разных формах. Преобладающей из них остается торговля, объем китайских инвестиций в край пока низок и имеет специфическую отраслевую структуру.

Относительно перспектив сотрудничества между Россией и Китаем в области энергетики речь идет в первую очередь о возможности поставок энергоносителей из России, в частности нефти и газа Сибири в Китай или через его территорию. Между тем для Приморского края перспективно и обратное направление движения энергоносителей – транзит высококачественного каменного угля Лаоелинского бассейна через морские порты юга Приморского края, прецедент которого уже был создан. Не исключено использование продукции угольного комплекса востока провинции Хэйлунцзян и на российском рынке. При этом поставки могут предполагать не только уголь или кокс, но и продукцию Цзисинского завода угольного машиностроения и других многочисленных предприятий комплекса. Возможны совместные разработки угольных месторождений на территории КНР и их использование.

Перспективы сотрудничества в агропромышленном комплексе связаны со схожестью природных условий по обе стороны границы при разности в подборе сельскохозяйственных культур и агротехнике их возделывания. Возможно сотрудничество по обмену опытом агротехники и селекции между Уссурийской сельхозакадемией, опытными хозяйствами Приморского края с одной стороны, Мишаньским сельскохозяйственным университетом, китайскими аграриями в приграничной полосе – с другой.

Дальнейшее развитие приграничной торговли связано не только с транзитным положением региона, но и с разностью в ресурсной и отраслевой структуре хозяйствования между северо-востоком КНР и сопредельными районами Дальнего Востока России. С китайской стороны возможна активизация поставок угля, оборудования для горной промышленности, потребительских товаров, с российской – морепродуктов, минерального сырья, продукции деревообрабатывающей промышленности.

Определенные перспективы сохраняются в развитии туризма, использования рекреационных ресурсов края. Они актуальны и пока не в полной мере реализованы.

Однако наибольшие перспективы в экономическом взаимодействии между провинциями северо-востока КНР и Приморским краем, как и по-

явление значительных международных проектов, связаны с транспортной составляющей. Ее международная направленность относится, как правило, к Северо-Восточной Азии в целом. Например, проекты кольца Японского моря или соединения различных региональных торговых коридоров предусматривает подписание отдельного межправительственного Соглашения о транзите китайских товаров через Приморский край. Это касается также и деятельности конкретных пограничных переходов [3, с. 11-12].

Аналогичные проблемы и перспективы имеются в сотрудничестве Приморского края с провинцией Цзилинь. Они связаны с деятельностью торгово-промышленной зоны г. Хуньчунь, возможностью транзита грузов провинции через порты Зарубино, Посьет и проч.

В этой связи следует обратить внимание также на проявление интереса и усилий народного правительства провинции Цзилинь, способного поддержать не менее значительные проекты, касающиеся Хасанского района и всего Приморского региона.

В целом, в силу своего географического положения, экономических перспектив, сложившегося потенциала в международном взаимодействии, интереса со стороны северо-восточных провинций КНР, Приморский край среди всех субъектов Федерации в отношении планов развития сотрудничества между РФ и КНР занимает одно из ведущих мест. Это предполагает более пристальное внимание ко всему, что связано с данной проблематикой.

Оценивая перспективы модернизации индустриальной базы на Северо-Востоке КНР и участия в ней российской стороны, следует отметить несколько важных моментов.

Помощь, оказанная СССР Китаю в 50-е годы в создании тяжелой промышленности в северо-восточном регионе, была направлена на создание базовых отраслей. Для выполнения этой задачи были привлечены соответствующие министерства и ведомства СССР. Часть предприятий, участвовавших в индустриализации КНР, ныне находятся на территории стран СНГ. Вероятно, придется сотрудничать с ними в осуществлении конкретных проектов в Китае. Объекты сотрудничества, работа по которым будет выгодна российской стороне, могут быть приняты к конкретному рассмотрению. В провинции Ляонин – это предприятия металлургии, энергетики, машиностроения. В провинции Цзилинь – Чанчуньский автозавод. Заслуживает внимания проработка вопроса о сборке здесь российских автомобилей КАМАЗ, хорошо известных в КНР и на мировом рынке, или других форм производственной кооперации и технического сотрудничества. В провинции Хэйлунцзян СССР в свое время помогал развитию электротехнической промышленности. В настоящее время продолжается российско-китайское научно-техническое сотрудничество в данной области. В случае необходимости, оно может быть расширено.

Такое сотрудничество может быть взаимно полезным в части обмена опытом, поиска конкретных научных и технических решений. Возможно расширение сфер взаимного сотрудничества. В частности, в вопросах экологии, – это комплексная переработка отходов, очистка сточных вод, газовых выбросов реконструируемых предприятий.

Так как объем предстоящей реконструкции очень большой, то она неизбежно растянется по времени, и ее ежегодные объемы будут не слишком велики. Российская сторона сможет регулировать и корректировать свое участие в процессе модернизации в зависимости от конкретных условий и складывающихся обстоятельств.

Отдельно хотелось бы затронуть вопрос о международном проекте сотрудничества в регионе Туманган, в котором принимают участие как

Россия, так и Китай, обратив внимание на некоторые проблемы, связанные с перспективами реализации данного проекта.

По мнению экспертов, развитие мировой экономики все более отчетливо приобретает интеграционный характер. Северо-Восточная Азия обладает огромным потенциалом для экономического развития в новом столетии, а освоение зоны «Туманган», в свою очередь, положительно скажется на развитии всего региона.

Идея широкомасштабного проекта создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой экономической зоны, получившего название «Туманган», возникла в конце 80-х – начале 90-х гг., ее стали рассматривать на международном уровне. Проект был поддержан Программой развития ООН.

Инициатором идеи совместного освоения судоходной части реки Туманган считается Китай. При этом основой проектируемой свободной экономической зоны китайцами выделялся Хуньчунь и Яньбянь-Корейский автономный округ (ЯКАО). Предполагалось, инвестируя 30 млрд долларов, развить здесь инфраструктуру, создать транспортную сеть, которая бы соединила АТР и Евразию, превратить район во второй Гонконг/Роттердам.

Первоначально основная идея проекта «Туманган» заключалась в том, чтобы создать в устье названной реки, на стыке территорий России, Китая и КНДР зону свободного предпринимательства и торговли, тем самым объединить экономические интересы России, Китая, КНДР, Монголии, Южной Кореи и Японии в деле расширения их рынков.

Проект рассматривался как бы в трех уровнях. Первый уровень – экономическая зона реки Туманган, общей площадью примерно 1 тыс кв км, включает китайский город Хуньчунь, северокорейский г. Раджин и русский Посьет на юге Приморского края. Как видно, центр зоны расположен почти на стыке трех государств, а круг, очерченный из центра, охватывает названные территории трех стран.

Второй уровень – зона экономического развития Туманган. Ее площадь – около 10 тыс кв км. В пределах Китая в зону входят ЯКАО, включая города Яньцзи, Лунцзин, Тумэнь и Хуньчунь (2,2 млн чел); в России – Хасан, Краскино, Посьет, Зарубино, Славянка, Владивосток, Находка и порт Восточный (1,2 млн чел); в КНДР – Чхонджин, Хверен, Намьен, Онсон, Сэбель, Ундок, Раджин, Сонбон и Унсан (1,1 млн чел).

Третий уровень – зона регионального развития Северо-Восточной Азии. Она охватывает приграничные административно-территориальные единицы трех государств общей площадью более 370 тыс кв км.

Развитая транспортная инфраструктура, особые правила торговли, налоговые и инвестиционные льготы должны были привлечь капиталовложения со всего региона. Однако реализации этого проекта воспрепятствовали многочисленные экономические и политические трудности, обусловленные, в том числе, и некоторыми особенностями региона:

Стратегическая значимость прежде закрытого трансграничного региона, долгое время бывшего зоной перманентной напряженности и конфликтов, соперничества держав вследствие противоречий, недоверия и культурных различий между странами

◆ Удаленность от правительственного центра управления. Регион долгое время находился вне, либо на одном из последних мест в национальных планах развития, как следствие – регионализм местных правителей и экономическая отсталость

◆ Преобладание государственного сектора в экономике, предполагающее приоритеты централизованного планирования

◆ Милитаризация экономики региона

◆ Наличие богатых природных ресурсов

♦ Не реализованный должным образом транспортный узел в системе глобальной торговли, недостаточное развитие автомобильных и железных дорог, портового хозяйства

III пленум ЦК КПК 1978 г. инициировал курс на модернизацию страны. При этом китайские руководители исходили из того, что при ограниченных финансовых и материальных ресурсах невозможно модернизировать сразу всю экономику. Поэтому приступили к экономическому развитию наиболее перспективных регионов, вкладывая имеющиеся средства в быстро окупаемые проекты. В 80-е годы китайские власти приступили к реализации программы экономического развития южных районов Китая, где локомотивами стали первые СЭЗ, развивавшиеся при участии иностранного капитала.

Неравномерность планов экономического развития болезненно воспринималась регионами, в частности в Северо-Восточном Китае. При наличии производственной базы, создававшейся с участием Японии и Советского Союза, к концу XX столетия здесь обнаружилось существенное отставание в развитии по сравнению с южным, центральным и восточным Китаем. Сформировалось своего рода понятие об «отстающем Северо-Востоке» страны.

В конце 80-х – начале 90-х годов (практически одновременно с появлением программы «Туманган») китайские власти объявили о намерении экономического развития Северо-Восточного Китая, где также при участии иностранного капитала предполагалось создать зоны технико-экономического освоения, привлечь специалистов, направить поток государственных инвестиций.

Необходимость создания оптимальных условий для дальнейшего продвижения реформ, проведения политики расширения внешних связей определила направления деятельности руководства провинции Цзилинь, граничащей с дальневосточным регионом России. Одним из них стало создание специальных экономических зон и зон технико-экономического освоения. Одной из зон, которой было придано общегосударственное значение, стала экономическая зона Туманган.

В 1992 г. правительство Китая официально включило зону Туманган в долгосрочный план экономического развития КНР до 2010 г. В нем Тумангану, в отличие от других экономических зон Китая, был предоставлен статус наибольшего благоприятствования. В январе 2000 г. Госплан КНР утвердил «План развития зоны Туманган», в котором было обосновано развитие региона. В апреле того же года Госсовет КНР вынес постановление об открытии Хуньчуньской зоны переработки экспортной продукции (г. Хунчунь, пров. Цзилинь). Для ускорения развития, а также с целью привлечения инвестиций, на нее были распространены методы управления, действующие в свободных экономических зонах. В феврале 2001 г. китайские власти приняли решение об открытии российско-китайского рынка приграничной торговли как составной части Хуньчуньской экономической зоны.

Постановлением Госсовета КНР Яньбянь-Корейскому автономному округу был предоставлен режим наибольшего благоприятствования, аналогичный условиям освоения западных регионов Китая. Таким образом, с китайской стороны были созданы приоритетные условия для развития экономической зоны Туманган. На территории зоны действует международный аэропорт, находящийся в 70 км от г. Хунчунь, имеются десятки современных отелей со всеми необходимыми средствами коммуникации, в том числе спутниковой связью, построена железная дорога, соединяющая г. Хунчунь с приморским портом Зарубино.

Завершено строительство железной дороги Хунчунь-Махалино. Построены российско-китайский Хуньчуньский и китайско-северо-

корейский Цюаньхэский автодорожные погранпереходы, пропускная способность каждого составляет 600 тыс. тонн грузов и 600 тыс. человек в год [3, с. 14].

Правительство России постановлением от 17 июля 1995 г. № 732 «Об участии Российской Федерации в реализации проекта Программы развития ООН «Программа развития бассейна реки Туманная», а также постановлением № 1245-р от 25.08.2008 г. признало значение этой программы для «расширения экономического сотрудничества Российской Федерации со странами АТР и ускорения социально-экономического развития Приморского края».

Соотнося эту задачу со стратегией Программы TRADP, выработанной UNDP, можно выделить основные направления и факторы, способствующие оптимальному сочетанию интересов международного сообщества с интересами России и интересами развития Приморского края.

Если для России в целом одной из основных целей международного сотрудничества со странами АТР является повышение своего авторитета в регионе, пополнение финансовых ресурсов, то для Приморского края участие в международном сотрудничестве в рамках Программы TRADP является важнейшим фактором, компенсирующим отрицательные последствия удаленности края от основных экономически развитых регионов страны, дающим возможность создания дополнительных рабочих мест и загрузки конверсируемых предприятий военно-промышленного комплекса, обеспечение потребительского рынка товарами, не производимыми на Дальнем Востоке, включая продукты питания.

Позиция федеральных органов России, выраженная в свое время представителями МВЭС РФ, обозначалась как «в меру активная». Осторожные действия российской стороны определялись ее стремлением не допустить таких бы то ни было соглашений и обязательств в рамках программы Туманган, которые бы повлекли нарушение территориальной целостности, малейшую утрату суверенитета и контроля за процессами на российской территории, негативное влияние на экологическую обстановку на российской территории [1, с. 65]. Опасение экономической, этнической и иной экспансии со стороны стран-участниц в отношении России в совокупности с вышеизложенными факторами, определили отрицательное отношение российской стороны к идее создания интернационального города¹, стали причиной блокирования деятельности международной Корпорации по реализации TRADP, хотя эти действия

---

¹ Наиболее рекламировался многочисленными зарубежными специалистами (в том числе и экспертами UNDP) вариант создания на стыке границ России, Китая и Северной Кореи международного города, обладающего статусом экстерриториального. Город должен стать крупнейшим в Азии, а затем и во всем мире транспортным и финансово-экономическим центром. Проект вызвал серьезные возражения российских политиков, экономистов, как неявно, но по существу направленный на ограничение суверенных интересов РФ и уменьшение ее политико-экономического веса в СВА в перспективе. Было показано, что такой проект, предусматривавший активное освоение устьевой зоны реки Туманной путем создания здесь наднационального мегаполиса (с компактным строительством промышленных, портовых, жилых, сервисных и прочих сооружений, а также объектов разветвленной инфраструктуры), привел бы к преимущественному развитию промышленно-инфраструктурного потенциала КНР, нанес бы непоправимый урон геополитическим и долгосрочным экономическим интересам как Приморья, так и России в целом, вызвал бы необратимые отрицательные изменения в уникальной природной среде юга Дальнего Востока России и другие негативные последствия. В случае создания международного мегаполиса в устье реки Туманная как Россия, так и КНДР постепенно утрачивали бы контроль и суверенитет над передаваемыми в аренду территориями, а этническая китайская экспансия создала бы в этом регионе многомиллионный анклав, значительно превышающий по численности населения весь Приморский край и даже ДВ. В перспективе это могло бы привести к естественному отторжению от России и КНДР сданных в аренду под мегаполис территорий. Против такого варианта выступила и КНДР.

и не согласовывались с принципами международного экономического сотрудничества и международными договорами, к которым присоединилась Россия.

Роль и значение Приморского края в развитии зоны достаточно велики по следующим основным причинам:

- ◆ близость японскому, корейским и китайскому рынкам;
- ◆ наличие железных дорог и незамерзающих портов;
- ◆ выход транспортной инфраструктуры на транссибирскую магистраль, что делает Приморье воротами в Сибирь и западную часть России;
- ◆ наличие разносторонних экономических связей с городами и провинциями Японии, США, Кореи и Китая;
- ◆ высокий образовательный уровень населения и специальной подготовки рабочих и инженерно-технического персонала;
- ◆ высокий потенциал рыбодобывающей и рыбообрабатывающей индустрии;
- ◆ большие запасы деловой древесины (хотя и со слабо развитой деревообрабатывающей промышленностью);
- ◆ существенные запасы уникального растительного и животного сырья для фармацевтической промышленности (около тысячи видов растений и несколько десятков видов животных могут найти применение как в европейской, так и в восточной медицине);
- ◆ значительные запасы полезных ископаемых (их свыше 200 видов, включая олово, вольфрам, цинк, бор, висмут, фторсодержащее минеральное сырье, а также бурый уголь, граниты, мрамор и другие строительные минералы);
- ◆ высокий рекреационно-туристический потенциал (наличие первоклассных пляжей, естественных лечебных грязей, природных малонарушенных территорий).

К сожалению, в силу ряда причин единого проекта или концепции участия российской стороны в программе Туманган пока не выработано, не созданы организационные структуры по воплощению этой Программы (хотя российские представители принимают участие в заседаниях межправительственных органов стран-участниц, созданных в рамках этой Программы). Как следствие нет единой стратегии и тактики поведения федеральных и региональных органов власти по вопросам сотрудничества в регионе.

Приморский край, являясь самым заинтересованным регионом России в Программе развития бассейна реки Туманная, выступил инициатором разработки концепции участия России и, в частности, Приморского края, в указанной программе международного сотрудничества. При этом основными приоритетами экономического развития юга Приморья могут быть нижеследующие:

- ◆ Опережающее комплексное развитие транспортной инфраструктуры края, позволяющей обеспечить нарастающие потоки грузов и пассажиров в рамках экономического, культурного и политического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии.
- ◆ Развитие топливно-энергетического комплекса, как важной отрасли, обеспечивающей функционирование всего хозяйственного комплекса и социальной инфраструктуры края и зоны TREDA.
- ◆ Конверсия оборонных предприятий с развитием гражданских производств для судостроения, судоремонта, приборостроения, потребительских товаров и сложной бытовой техники.
- ◆ Использование высокого потенциала академической, прикладной и вузовской науки Владивостока для создания наукоемкой высокотехнологичной продукции на базе конверсируемых и вновь создаваемых

предприятий, в том числе с участием иностранных партнеров.

◆ Дальнейшее развитие рыбопромышленного комплекса на базе использования новых технологий для производства высококачественной экспортной продукции.

◆ Развитие индустрии иностранного туризма на базе использования природно-рекреационных комплексов края и Дальнего Востока.

◆ Создание современной инфраструктуры (бизнес-центров, выставочных залов, гостиничных комплексов, и т.п.) для международного экономического, культурного и политического сотрудничества России на Дальнем Востоке.

◆ Развитие и модернизация систем телекоммуникационных связей.

◆ Подготовка и переподготовка специалистов в области менеджмента, бизнеса и обслуживания с учетом современного передового опыта мировой науки и практики.

◆ Либерализация и гармонизация налогового, таможенного и иммиграционного правового регулирования деятельности иностранных инвесторов и компаний на территории края и его отдельных зон с целью создания здесь благоприятного инвестиционного климата для развития взаимовыгодного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

◆ Жесткие экологические ограничения на производственную деятельность и урбанизацию Хасанского района, особенно в низовьях реки Туманная и в районах заповедников и заказников, согласованность развития смежных районов КНР, КНДР и России в процессе их сотрудничества. Специализация юга Хасанского района только на транзитно-транспортных функциях и рекреации населения без сколько-нибудь существенного развития промышленности. Допустимость создания экологически лояльных производств в районе бухты Троица с возможностью создания здесь небольшой СЭЗ, промпарков и технопарков.

Основной целью КНР в планах реализации программы Туманган и возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая становится привлечение иностранных инвестиций для ускоренного экономического развития региона. Стратегически Северо-Восточный Китай, в том числе и провинция Цзилинь, рассматривается как зона переработки сырьевых запасов России.

Понимая, что без его участия проект неосуществим, Китай предлагает Японии и Южной Корее инвестиционные проекты, «затягивая» их капитал.

Китай все более усиливается политически, экономически и в военном плане. Страна стремится к развитию транспортной инфраструктуры, прилегающей к югу ДВ России, оказывая огромное давление на Российский ДВ своим чудовищным перевесом в населении.

Немаловажное значение приобретает вопрос – кто станет хозяином будущей транспортной артерии. Что важнее – быть владельцем инвестиций или хозяином территории?

За последние годы позиция Китая изменилась от идеи «собственного» выхода к морю к созданию «двухоконного» выхода экспортно-импортных грузопотоков Китая в Японское море через порты КНДР Раджин, Сонбон и Хчонджин и российские порты Посьет, Зарубино, Владивосток и Находка. Конкурентная борьба за возможность получать и перерабатывать китайские грузы обостряется, при этом Китай приобретает возможность выбора.

Ныне действующая т.н. Расширенная Туманганская Инициатива – РТИ (Greater Tumen Initiative – GTI) является механизмом межправительственного сотрудничества в СВА, действующим при поддержке

Программы развития ООН (ПРООН), с участием четырех стран: КНР, Республики Корея, Монголии и России (в 2009 г. из состава участников вышла КНДР). РТИ была учреждена в 2005 г. путем преобразования Программы развития зоны р. Туманная (Tumen River Area Development Programme – TRADP), финансировавшейся ПРООН с 1991 по 2005 гг.

В качестве ключевых секторов для развития многостороннего сотрудничества под эгидой РТИ утверждены транспорт, энергетика, инвестиции, туризм и окружающая среда. Географический мандат РТИ охватывает три северо-восточные провинции (Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин) и Внутреннюю Монголию КНР, три восточных аймака Монголии (Дорнод, Хентий и Сухбаатар), восточные порты Республики Корея и Приморский край РФ.

Российско-китайское региональное сотрудничество набирает темпы развития, проявляющееся в увеличении объема оборотов торговли, расширении сферы сотрудничества, увеличении количества его участников. Граница между Россией и Китаем должна стать рубежом мира, дружбы и сотрудничества. Будем надеяться, что как Приморский край РФ, так и провинции СВК КНР, являясь добрыми соседями, хорошими друзьями и надежными деловыми партнерами, приложат максимум усилий для реализации планов по расширению взаимовыгодного сотрудничества.

Литература

1. Верхотуров Д.Н. Туманганский проект: нынешнее состояние и перспективы // Россия и Корея: проблемы улучшения отношений России и государств Корейского полуострова. Доклады, представленные на научной конференции корееведов. Москва, 29 ноября 2007 г. / РАН, Институт Дальнего Востока. М.: «Русская панорама», 2008. 160 с. С.64-70.

2. У Хао, Янь Тао 吴昊, 闫涛. 长吉图先导区: 探索沿边地区开发开放的新模式 Чан-Цзи-Ту сяньдаоцю: таньсо яньбянь дицю кайфа кайфан ды синь моши = Пилотная зона Чан(чунь)-Цзи(линь)-Ту(мэнь): изучение новой модели развития и открытости приграничных районов // 东北亚论坛 Дунбэйя луньтань = Форум СВА. 2010, март. Т. 19, № 2. С. 3-10.

3. Ю Сяо 于潇. 长吉图先导区与国际大通道建设研究 Чан-Цзи-Ту кайфа кайфан сяньдаоцю юй гоцзи да тундао цзяньшэ яньцзю = Пилотная зона Чан(чунь)-Цзи(линь)-Ту(мэнь) и анализ создания международной транзитной артерии // 东北亚论坛 Дунбэйя луньтань = Форум СВА. 2010, март. Т. 19, № 2. С. 11-17.

УДК 314,1 (511)

Веремейчик А.С.

Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949 – 2010 гг.)

Demographic development in Northeast China (1949 – 2010)

Статья посвящена основным тенденциям в демографическом развитии Северо-Восточного Китая с 1949 г. по настоящее время. Рассматриваются те изменения, которые произошли под влиянием социально-экономических факторов и демографической политики. Показано, что в результате осуществления целенаправленной политики планирования рождаемости на северо-востоке удалось достигнуть значительных результатов в сдерживании численности населения. Однако, успехи в планировании рождаемости привели к возникновению новых демографических трудностей, в частности, к старению населения.

Ключевые слова: *Северо-Восточный Китай, демографическое развитие, демографическая политика, планирование рождаемости, старение населения.*

The article is devoted to major trends in the demographic development in Northeast China from 1949 to the present. We consider the changes that have occurred under the influence of socioeconomic factors and population policies. As a result of deliberate policy of birth planning in the north-east significant results in curbing the population could be achieved. However, advances in birth planning led to the emergence of new demographic challenges, in particular, to an aging population.

Key words: *Northeast China, population development, population policy, birth planning, population aging*

До 1949 г. воспроизводство населения Китая определялось высокой рождаемостью, высокой смертностью и низким естественным приростом населения. Образование КНР и проведение социально-экономических преобразований оказали положительное влияние на демографические процессы. С определённым повышением материального благосостояния, улучшением системы здравоохранения, установлением относительной социальной стабильности создавались благоприятные условия для роста численности населения. В воспроизводстве населения начался переход к высокой рождаемости, низкой смертности и высокому естественному приросту. Вышеперечисленные процессы особенно динамично развивались на северо-востоке страны. В 1954 г. при общей численности населения региона – 44,13 млн человек, составляющей 7,2% от общей численности КНР, показатель рождаемости был одним из самых высоких по стране и достигал 44,78 ‰, коэффициент смертности, наоборот был

ВЕРЕМЕЙЧИК Андрей Сергеевич, старший лаборант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** remey2007@yandex.ru

одним из самых низких – 9,64 ‰ [20, с. 274].

Поскольку на данном этапе сохранялись особенности экономической и социальной жизни, характерные для старого Китая, такие как отсталая структура промышленности и сельского хозяйства, важным было проведение политики народонаселения, направленной на сбалансирование экономического и демографического роста.

Следует отметить, что политика КПК в области народонаселения не всегда была последовательной. Изначально власти страны высказывали мнение «...о необходимости решительных мер по обузданию процесса бурного роста населения» [4, с. 37]. В сентябре 1956 г. в докладе VIII съезду КПК Чжоу Эньлай официально подтвердил новое направление демографической политики, которое было сформулировано следующим образом: «В целях охраны материнства и младенчества, хорошего воспитания нового поколения и заботы о здоровье и процветании нации мы положительно относимся к соответствующему ограничению деторождения. Органы здравоохранения совместно с заинтересованными организациями должны надлежащим образом проводить пропаганду ограничения деторождения и принимать эффективные меры в этой области» [6, с. 162].

На практике это выразилось в создании органов по контролю над рождаемостью: на государственном уровне – Управление по контролю над рождаемостью; на уровне провинции, уезда, волости – комитеты по контролю над рождаемостью; на уровне народных коммун, производственных бригад – медицинские пункты [1, с. 79].

Однако, к началу политики «большого скачка» в 1958 г. многочисленное население вновь стало рассматриваться как преимущество для экономического развития страны и многие реализуемые программы были закрыты. Провал «большого скачка» и последовавший за ним продовольственный кризис вызвали в стране в целом, и на Северо-Востоке в частности, резкое сокращение рождаемости и рост смертности. В 1961 г. общий коэффициент рождаемости в регионе упал до 23,66 ‰, коэффициент смертности при этом вырос до 13,43 ‰ [20, с. 281]. Однако как только ситуация стала несколько меняться, вновь начался резкий рост рождаемости и её коэффициент к 1964 г. увеличился до 42,12 ‰ (табл. 1).

Резкий скачок обусловлен компенсационным ростом населения, после его абсолютного сокращения в годы «большого скачка». Средний ежегодный прирост в этот период в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян достигал 3,4, 3,0 и 5,2 % соответственно. Коэффициент естественного прироста в регионе в целом держался на достаточно высоком уровне, лишь незначительно упав с 35,16 ‰ в 1954 г. до 30,97 ‰ в 1964 г. (табл. 2).

Таблица 1. Динамика коэффициента рождаемости населения трёх северо-восточных провинций КНР, ‰

Регион	1954 г.	1961 г.	1964 г.	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Северо-Восток	44,78	23,66	42,12	18,02	15,97	10,53	7,31
Ляонин	43,70	17,28	39,56	18,85	10,30	10,7	6,68
Цзилинь	48,14	26,45	44,19	16,76	19,49	10,31	7,91
Хэйлунцзян	42,51	27,25	42,61	18,45	18,11	10,58	7,35
В целом по КНР	37,97	18,13	39,34	18,53	21,06	14,03	11,90

Источник: [21, с. 274, 284, 302; 14, с. 81; 20, табл. 1-12; 18, табл. 3-4].

Таблица 2. Динамика коэффициента естественного прироста населения трёх северо-восточных провинций КНР, %

Регион	1954 г.	1964 г.	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Северо-Восток	35,16	30,97	12,63	11,46	4,33	2,07	1,59
Ляонин	35,76	30,24	13,41	9,71	4,0	0,97	0,42
Цзилинь	37,76	31,57	10,93	12,93	4,46	2,57	2,03
Хэйлунцзян	31,97	31,11	13,57	11,76	4,55	2,67	2,32
В целом по КНР	24,79	27,78	12,42	14,39	7,58	5,89	4,79

Источник: [21, с. 274, 284, 302; 14, с. 82; 20, табл. 1-12, 1-13; 17, табл. 3-4; 18, табл. 3-4].

Согласно данным 2-й Всекитайской переписи общая численность населения трёх северо-восточных провинций по сравнению с 1954 г. увеличилась в 1,2 раза и достигла 62,75 млн человек, что составило 9,07 % от общей численности населения страны.

Во время «культурной революции» установки по планированию рождаемости хотя и не отменялись, в связи с дезорганизацией деятельности государственных учреждений, занимающихся планированием семьи, работа в этом направлении практически не велась. Лишь к 1971 г., когда Госсоветом КНР был принят документ № 51, естественный прирост населения вновь был взят под контроль. В документе отмечалось: «На всех уровнях руководство должно работать более интенсивно, вести широкую пропаганду, проводить воспитательные меры, для того чтобы добровольное планирование рождаемости и позднее вступление в брак получили распространение среди широких масс населения в городах и сельских районах» [9, р. 354. Цит. по 1, с. 83]. На данном этапе демографическая политика стала выражаться лозунгом: «Позже, реже, меньше», что означало откладывание вступления в брак; 4-5 – летний интервал между рожденьями детей; уменьшение размера семьи. Результатом реализации этих мер на северо-востоке стало значительное снижение коэффициента суммарной рождаемости (число рождённых детей на одну женщину) с 5,09 в 1970 г. до 1,92 в 1980 г. [10, с. 79].

Несмотря на это, увеличение общей численности населения региона продолжалось, в период с 1954 по 1982 гг. тенденции его роста особенно сильно проявились в пров. Хэйлунцзян. Можно наблюдать увеличение населения территории более чем в 2,5 раза (табл. 3).

Главным образом это связано с процессом освоения района, проходившего в экстенсивной форме путём расширения производства. Например, чтобы упорядочить размещение промышленности региона, из

Таблица 3. Динамика численности населения трёх северо-восточных провинций КНР, млн человек

Регион	1954 г.	1964 г.	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Северо-Восток	44,13	62,75	90,95	99,3	106,55	107,57	109,55
Ляонин	19,60	26,95	35,72	39,46	42,38	42,21	43,75
Цзилинь	11,77	15,67	22,56	24,66	27,28	27,16	27,47
Хэйлунцзян	12,76	20,13	32,67	35,21	36,89	38,20	38,33

Источник: [21, с. 4; 19, с. 16; 16, табл. 4-10; 17, табл. 4-3; 18, табл. 3-4].

Ляонин в Хэйлунцзян были перемещены 24 средних предприятия. Разработка Дацинских нефтяных месторождений, освоение лесного массива Большой Хинган, а также Саньцзянской равнины требовали расширения производства, что вело к увеличению спроса на рабочую силу и, как следствие, притоку мигрантов в провинцию. Согласно статданным, в период с 1949 по 1982 годы в Хэйлунцзян из других районов въехало более 7,3 млн человек, или около одной трети общего прироста населения, составлявшего 22,7 млн человек [12].

Во второй половине 1970-х годов, в связи с тяжёлым экономическим и продовольственным положением, которое осложнялось внутриполитической нестабильностью, регулирование динамики роста населения становится одним из основных факторов, определяющих стратегию социально-экономического развития страны. Понимания значимость регулирования демографических процессов, руководство страны закрепило (впервые в истории КНР) в статье 53 Конституции 1978 г. систему планирования рождаемости. В ней указывалось: «Государство поощряет плановое деторождение и ведёт работу в этом направлении» [5, с. 65]. Тем самым, политика планирования рождаемости получила законодательное оформление. С этого момента больший уклон делается в сторону ограничения числа детей в семье. В конце 1978 г. ЦК КПК принимает документ № 69, ознаменовавший начало политики однодетной семьи, выражающейся лозунгом «Лучше всего один ребёнок, максимум двое» [11, Цит. по 1, с. 84].

Таким образом, на данном этапе руководством КНР в качестве основного способа оптимизации воспроизводства населения рассматривалось максимальное увеличение числа однодетных семей, а также «моральное и материальное поощрение родителей, принявших обязательство иметь только одного ребёнка» [2, с. 63].

С начала действия установки «одна семья – один ребёнок» центральные и региональные власти начали осуществлять плановый контроль над ростом населения, политика планирования рождаемости вступила в эффективную фазу. Следует отметить, что в КНР в 1980-е годы политика однодетной семьи пользовалась в основном поддержкой в городе, а в деревне, где проживало подавляющее большинство населения страны, она встретила сопротивление. Поскольку по доле городского населения Северо-Восточный Китай занимал одно из первых мест, мероприятия по планированию рождаемости здесь приживались легче. Это выражалось в существенном снижении в регионе суммарного коэффициента рождаемости, достигшего в 1985 г. цифры 1,49, что было значительно ниже среднего показателя по стране – 2,20, а также ниже уровня замещения [10, с. 79].

В конце 1970-х годов планирование демографических процессов становится составной частью программы «четырёх модернизаций». В 1979 г. в выступлении Дэн Сяопина отмечалось, что «...в условиях недостаточно развитой экономики обостряются проблемы питания, образования и трудоустройства, необходимо усилить меры по планированию рождаемости» [8, с. 15]. Это было законодательно закреплено в Конституции КНР 1982 г. В 25-й статье говорится: «Государство проводит плановое деторождение, с тем, чтобы рост населения соответствовал плану социально-экономического развития»; в 49-й статье предусмотрено: «Оба супруга должны осуществлять плановое деторождение» [11, с. 79, 84].

В 1984 г. ЦК КПК опубликовал документ № 7, в котором особое внимание обращалось на то, чтобы «...работники органов планирования семьи тщательно изучали местные условия при проведении демографической политики». Выдвигался ряд новых требований, в числе которых выделялся запрет внеплановых рождений второго и нескольких детей,

а также установление соответствующей политики для национальных меньшинств [3, с. 80]. После распространения этого документа во многих провинциях были пересмотрены временные положения по планированию рождаемости. Изменения в основном касались расширения перечня случаев, при которых супружеским парам разрешалось иметь второго ребёнка. Согласно ему, в пров. Цзилинь, например, городские и сельские жители имели право обзавестись вторым ребёнком в следующих случаях: 1) если первый ребёнок вследствие заболевания стал инвалидом; 2) если бесплодные (диагноз подтверждён медицинским учреждением) в течение пяти и более лет супруги взяли на воспитание ребёнка, а потом наступила беременность; 3) если в браке состоят единственная дочь и единственный сын; 4) если супруги – вернувшиеся на родину эмигранты, либо соотечественники с Тайваня, из Гонконга или Макао; 5) если один из супругов при повторном браке уже имеет двоих детей, а другой впервые вступает в брак, либо не имел детей от предыдущего брака [3, с. 81].

Таким образом, основой демографической политики во второй половине 1980-х годов была выработка дифференцированного подхода к планированию семьи, учитывающего конкретные условия жизни супружеских пар. Политика стала более гибкой и приспособленной к особенностям того или иного района страны.

В 1990-е годы политика однодетной семьи продолжала осуществляться, однако её методы несколько изменились. Если ранее акцент делался на административных и различного рода социальных ограничениях, то теперь больше усилий направлялось на разъяснительную работу среди населения, цель которой «довести до сознания каждого китайца..., что планирование семьи – не искусственная мера, а условие повышения жизненного уровня, личного процветания» [7, с. 284].

В период 5-й Всекитайской переписи коэффициент естественного прироста населения на Северо-Востоке значительно снизился с 11,46 % в 1990 г. до 4,33 % в 2000 г. Средний ежегодный прирост в этот период в Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян составлял 0,69%, 0,98% и 0,45 % соответственно, что ниже среднего показателя по стране – 1,07 % [16, табл. 4-10]. Это было обусловлено, с одной стороны, успешной реализацией политики в области планирования рождаемости, с другой – миграционной убылью населения из провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, среднегодовой отток которого в этот период достигал 30 и 60 тыс человек соответственно.

Ещё одним критерием эффективной реализации мер по планированию рождаемости стало сокращение на северо-востоке средних размеров семьи с 4,3 человек в 1982 г. до 3,23 – в 2000 г. (табл. 4).

Таблица 4. Среднее число членов семьи в трёх северо-восточных провинциях КНР, человек

Регион	1982 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Северо-Восток	4,3	3,23	3,01	2,86
Ляонин	4,1	3,15	2,92	2,78
Цзилинь	4,4	3,32	3,14	2,94
Хэйлунцзян	4,5	3,23	2,97	2,85
В целом по КНР	4,4	3,44	3,13	3,10

Источник: [16, табл. 4-5; 17, табл. 4-8; 18, табл. 3-8].

Данные таблицы показывают, что показатели размеров семьи по трём провинциям несколько варьируют, что зависит от уровня экономического развития района проживания, тенденций естественного прироста населения и интенсивности проведения демографической политики. В целом, показатели среднего числа членов семьи на Северо-Востоке ниже средних по стране, что вполне характерно для территории с большей долей городского населения.

29 декабря 2001 г. на 25-м заседании Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва был принят Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости, который обозначил новый этап и создал условия для реализации демографической политики в дальнейшем. Статья 18 Закона предусматривает, что «осуществляемая государством политика плановой рождаемости поощряет граждан к позднему браку и позднему рождению ребёнка, выступает за рождение одной супружеской парой одного ребёнка, вместе с тем, в условиях, отвечающих правовым актам, можно ходатайствовать о рождении второго ребёнка. В этой же статье закреплено, что «национальные меньшинства тоже обязаны осуществлять плановую рождаемость» [22].

В первое время после принятия государственного закона все местные положения продолжали сохраняться, однако затем перед законодательными органами провинциального уровня была поставлена задача проверить действующие на местах положения и привести их в соответствие с государственным законом.

27 сентября 2002 г. на заседании Собрания народных представителей (СНП) пров. Цзилинь 9-го созыва было принято Положение о народонаселении и планировании рождаемости в пров. Цзилинь. Аналогичные документы по провинциям Хэйлуцзян и Ляонин были приняты 1 и 16 января 2003 г соответственно. Местные нормативные акты в основном дублировали положения основного закона, различия касались лишь тех статей, которые на основании определённых условий предоставляли супружеским парам право на рождение второго ребёнка [13].

С 2000 по 2010 гг. в Северо-Восточном Китае наблюдались следующие демографические тенденции: численность населения региона увеличивалась (в среднем ежегодно на 0,25 %), но коэффициенты его естественного движения стабилизировались, достигнув умеренных величин (2,07 ‰ – в 2005 г, 1,59 ‰ – в 2010 г.), средние размеры семьи постепенно снижались (с 3,01 человек в 2005 г до 2,86 – в 2010 г.).

Достаточно успешная реализация политики планирования рождаемости привела к возникновению другой проблемы – старению населения. В 1950 – 1960 гг. для Северо-Востока была характерна молодая возрастная структура, в которой не было признаков старения – доля населения старше 65 лет составляла 3,4 и 3,13 % в 1953 и 1964 гг. соответственно (табл. 5).

В 1970-е годы началось постепенное снижение показателей рождаемости и возрастная структура стала меняться от молодого к более взрос-

Таблица 5. Возрастная структура населения Северо-Восточного Китая, %

Годы	1953	1964	1982	1994	2000	2010
0-14 лет	39,0	45,37	31,94	22,85	18,52	11,79
15-64 года	57,6	51,5	64,01	71,73	75,12	79,21
65 лет и старше	3,4	3,13	4,05	5,42	6,36	9,0

Источник: [21, с. 508-519, с. 648-659, с. 790-801; 15, с. 63; 16, табл. 4-6; 18, 3-9].

лому типу. Доля детских возрастов (0 – 14) лет значительно уменьшилась, а удельный вес пожилых старше 65 лет вырос. Согласно данным переписей и текущего учёта населения (1982 г., 1994 г., 2000 г. и 2010 г.) удельный вес пожилых (65 лет и старше) увеличился с 3,1 до 4,0, 5,4, 6,4 и 9,0 % соответственно.

Только с 2000 по 2010 гг. доля пожилых в регионе выросла в 1,4 раза, составляя среднегодовой темп роста – 4,1%, что значительно выше среднего годового темпа прироста населения за этот же период, составляющего 0,26 %. Среди основных факторов старения населения можно выделить политику ограничения рождаемости, значительное снижение смертности и рост средней продолжительности жизни.

Итак, курс на сдерживание роста народонаселения, принятый в начале 1970-х годов, привёл на Северо-Востоке к очевидным результатам. Так, если за 28 лет (с 1954 по 1982 гг.) население региона увеличилось в 2 раза, то за последующие 28 лет (с 1982 по 2010 гг.) лишь в 1,2 раза. В целом произошёл демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, которому присуще низкие показатели смертности, рождаемости и естественного прироста населения. С одной стороны, были созданы благоприятные условия для последующего социально-экономического развития, с другой – возникли новые демографические трудности, одной из которых является старение населения.

Литература

1. Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении. М.: Наука, 1992. 143 с.
2. Демографическая ситуация в Китае // Китай (по материалам иностранной печати). Ежемесячный реферативный сборник. М., 1985. № 2. С. 58-71.
3. Дикарев А.Д. Демографическая политика в Китае // Демографическая политика в современном мире. М., 1989. 180 с.
4. Коновалов Е.А. Социально-экономический аспект народонаселения КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 1. С. 35-43.
5. Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов. М.: Наука, 1983. 111 с.
6. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М.: Политиздат, 1956. 535 с.
7. Селиванова Е.Ф. Демографическая ситуация // Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М., 1999. С. 282-290.
8. Тяжёлые демографические проблемы // Народонаселение и экология – ключевые факторы реформ: информ. материалы ИДВ РАН. Сер. Д. М., 2003. 160 с.
9. Studies in Family Planning. 1975. Vol. 6. № 10.
10. Ван Шэнцзинь. Дунбэйя цюйюй жэнькоу юй фачжань = Развитие народонаселения Северо-Восточной Азии. Чанчунь, 2001. 402 с.
11. Жэньминь жибао. 11.08.1979.
12. Хэйлуңцзян люши нянь жэнькоу фачжань цюйбянь = Кардинальные изменения в шестидесятилетнем развитии народонаселения пров. Хэйлуңцзян, [Электронный ресурс]. URL: <http://ztpd.nmgnews.com.cn/system/2009/09/25/010290585.shtml> [Дата обращения: 26.07.2011 г.].

13. Цзилиньшэн жэнькоу юй цзихуа шэньюй тяоли = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в пров. Цзилинь, [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinapop.gov.cn/zcfg/dffg/201003/t20100326_199589.html [Дата обращения: 26.07.2011 г.]; Хэйлунцзян шэн жэнькоу юй цзихуа шэньюй тяоле = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в пров. Хэйлунцзян, [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinapop.gov.cn/zcfg/dffg/201003/t20100326_199588.html [Дата обращения: 26.07.2011 г.]; Ляонин шэн жэнькоу юй цзихуа шэньюй тяоле = Положение о народонаселении и планировании рождаемости в пров. Ляонин, [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinapop.gov.cn/zcfg/dffg/201003/t20100326_199590.html [Дата обращения: 26.07.2011 г.].

14. Чжунго тунци няньцзянь – 1991 = Статистический ежегодник Китая – 1991. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1991. – 857 с.

15. Чжунго тунци няньцзянь – 1995 = Статистический ежегодник Китая – 1995. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1995. – 810 с.

16. Чжунго тунци няньцзянь – 2001 = Статистический ежегодник Китая – 2001. [Электронный ресурс] – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2001. Электрон. опт. диск (CD-ROM) – Загл. с коробки диска.

17. Чжунго тунци няньцзянь – 2006 = Статистический ежегодник Китая – 2006. [Электронный ресурс] – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2006. Электрон. опт. диск (CD-ROM) – Загл. с коробки диска.

18. Чжунго тунци няньцзянь – 2011 = Статистический ежегодник Китая – 2011. [Электронный ресурс] – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2011. Электрон. опт. диск (CD-ROM) – Загл. с коробки диска.

19. Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы Всекитайской переписи населения 1982 года. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1985. 674 с.

20. Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо = Материалы Всекитайской переписи населения 2000 года. – Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2002. Электрон. опт. диск (CD-ROM) – Загл. с коробки диска.

21. Чжунхуа жэньминь гунхэго жэнькоу тунци цзыляо хуйбянь – 1949-1985 = Сборник статистических материалов по народонаселению КНР – 1949-1985 гг. Пекин: Чжунго цайчжэн цзинци чубаньшэ, 1988. 1008 с.

22. Чжунхуа жэньминь гунхэго жэнькоу юй цзихуа шэньюй фа = Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21content_25059.htm [Дата обращения: 07.07.2011 г.].

УДК 343.23 (09)(571.63)

Крушанова Л.А.

Уголовная преступность и борьба с ней в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг.

The criminality and struggle against it in Primorski Territory
in the mid-fifties – mid-sixties XX

В статье рассматривается уголовная преступность в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х годов. Автор на историческом фоне «хрущёвского» правления анализирует такие виды преступлений как хулиганство, кражи, грабежи, разбои, изнасилования и убийства, а также используемые властью методы в борьбе с перечисленными видами преступлений. Приводятся определения рассмотренных преступлений, видов и сроков наказания исходя из статей Уголовного кодекса 1960 г. В работе используется историко-социологический подход.

Ключевые слова: *Преступность, преступление, правонарушение, Приморский край, население, общество, власть, хулиганство, кражи, грабежи, разбои, уголовный кодекс.*

The author on a historical background Khrushchev's boards analyzes such kinds of crimes as hooliganism, thefts, robberies, rapes and murders, and also methods used by the power in struggle against the listed kinds of crimes. Definitions of the considered crimes are resulted, kinds and terms of punishment proceeding from articles of the Criminal code of 1960. In work the historic and sociological approach is used.

Key words: *Criminality, a crime, an offence, Primorskiy kray, the population, a society, the power, hooliganism, thefts, robberies, the criminal code*

Преступность является зеркальным отражением состояния общества. В данной работе будет дан анализ преступности в Приморском крае в рамках теории «географии» преступности. Региональная преступность рассматривается как интегративный результат сложного взаимодействия всех социальных явлений и процессов, протекающих не только в обществе в целом, но и имеющих территориальную специфику. Применительно к указанному хронологическому периоду авторы выделяют политическую обстановку в стране и регионе, ход развития и направ-

КРУШАНОВА Лариса Александровна, к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** larrie@list.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН № 09-III-A-11-550 «Стратегия обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке во второй половине XX в.»

ленность социально-экономических и государственно-правовых преобразований, эффективность деятельности правоохранительных органов, особенности дальневосточного менталитета и социальной психологии, а также национальные, религиозные и семейно-бытовые традиции и обычаи и другие факторы.

Имея порог количественного и качественного насыщения, преступность из криминологической, правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую [15], иногда даже угрожая стабильности государства. Поэтому для властей всех уровней важно сосредоточиться на задаче снижения темпов прироста и удержания преступности под контролем на социально терпимом уровне.

Тема преступности, как в зарубежной историографии, так и в отечественной, интересна различным специалистам, но в первую очередь криминологам и социологам. Криминологи предметом своего исследования выделяют четыре основных блока: преступность со всеми её признаками и показателями; причины и условия преступности, иные её детерминанты; личность тех, кто совершает преступления; а также систему мер их предупреждения. Социологи же изучают преступность как социальную аномалию в обществе и среди отдельных индивидов.

Рассматривая преступность, криминологи традиционно её подразделяют на такие виды как государственная (политическая), общеуголовная (кражи, грабежи, убийства, мошенничество и т.д.) и экономическая. Мы же остановимся на общеуголовной преступности.

В данной работе будет предпринята попытка рассмотреть в исторической ретроспективе отношение органов власти к решению задачи снижения преступности в Приморском крае.

Для достижения цели автором были определены следующие задачи: 1) выявить характер и специфику приморской уголовной преступности; 2) выявить комплекс предпринятых властью мер, направленных на борьбу с ней. В силу поставленных задач мы обратимся к пониманию преступности, принятому у социологов.

С момента зарождения социологии как науки проблема преступности стала одним из ключевых вопросов, отражающих характер общественного развития. Общее, что объединяло взгляды социологов, это то, что преступность – социальное явление, порождённое самим обществом. При этом часть из них считали её нормальным явлением, отмечая её и отрицательное, и положительное влияние.

Один из основателей социологии, Э. Дюркгейм отмечал, что не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни. Он подчёркивал, что «преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ» [6]. Л. Кетле утверждал, что любой социальный строй предполагает определённое количество и определённый порядок преступлений, вытекающий из его организации [15].

В дальнейшем были предприняты попытки объяснить причины преступности. Так, Ф. Лист¹ основными социальными условиями развития преступности называет бедность и нищету. Поэтому в качестве основного направления борьбы с преступностью определял необходимость ликвидации экономического неравенства и улучшение положе-

---

¹ Лист Франц фон (1851 – 1919 гг.) является одним из основателей международного союза криминалистов. Считал необходимой координацию действий правоохранительных органов разных стран с целью борьбы с преступниками, которые перемещаются из одного государства в другое с целью уйти от правосудия. В 1893 г. впервые выдвинул идею создания организации, которая занималась бы этими вопросами – аналога нынешнего Интерпола.

ния трудящихся [22].

Э. Ферри считал, что преступность оказывает некоторое позитивное влияние на общество. Она «высвечивает» его болевые проблемы и помогает вырабатывать пути «излечения от них», подобно тому, как боль или даже болезнь могут быть полезны для человека как индикаторы его нездоровья [4].

По мере изучения проблем преступности всё большее количество факторов, воздействующих на её динамику, попадает в поле зрения исследователей. К ним можно отнести: социальное положение, род занятий, образование, нищету как самостоятельный фактор. Выявлено также особое значение деклассирования, т.е. разрушения или ослабления связей между индивидами и социальной группой [15].

В нашей стране в течение длительного времени закономерности и тенденции развития преступности рассматривались преимущественно исходя из теории последовательного освобождения общества в условиях социализма от различных форм социальной патологии. Обратимся к цифрам. Данные о судимости за неополитические преступления, начиная с 1922 г., показывают сокращение её уровня. Так, на 100 тыс. населения коэффициент судимости в РСФСР сократился с 2 508 в 1922 г. до 909 в 1935 г. [3]. Несомненно, что в эти годы фактором снижения уголовной преступности, с одной стороны, был страх населения при наличии огромного числа политических заключённых. С другой – широкое распространение безнаказанной преступности, вплоть до уголовной, среди многих власть придержащих. Не случайно и то, что во времена социальных катаклизмов и трансформаций (напр., период Великой Отечественной войны и последующий переход советского общества к мирным условиям жизни) и политических оттепелей происходило увеличение неополитической преступности [15].

В отечественной литературе число работ советского периода, посвящённых анализу отношений власти и преступности в рассматриваемые годы, ограничено. Как правило, они посвящены только одной из сторон этих отношений – борьбе правоохранительных органов с преступностью [13]. Другая сторона этих взаимоотношений – реакция населения на различные государственные решения – оставалась вне поля советских исследователей. И только во второй половине 1980-х гг. стали появляться отдельные работы, а в 90-х гг. их количество увеличивается в геометрической прогрессии. Наибольший вклад в изучение проблемы отношений власти и общества внесли В.А. Козлов [8; 9], Р.А. Медведев [12] В.В. Лунев [11], Ш. Бриман [1].

Что касается работ, посвящённых преступности на Дальнем Востоке, то нами обнаружено три работы: две статьи – А.С. Ващук [2] и Д.А. Кузнецова [10], в которых рассматривается преступность в регионе в послевоенные годы. Третья – монография В.Ж. Дорохова, где рассматривается влияние реформы системы МВД на динамику преступности в Хабаровском крае. Автор уделяет внимание процессу вовлечения ответственности в борьбу с мелким хулиганством и пьянством [5].

Выбор территориальных рамок связан с тем, что в середине 1950-х – 1960-х гг. Приморье занимало особое место в политике руководства страны. Край был, и остаётся до сих пор, стратегической территорией. Важность сохранения контроля властей над населением Приморского края была обусловлена сохранением стабильного населения в приграничных районах.

Хронологические рамки обусловлены следующим. В это десятилетие советское правительство столкнулось с ростом криминальной преступности, которую руководство страны пыталось обуздать различными методами, одним из которых являлась либерализация уголовного за-

конодательства. Но подобная практика не дала желаемых результатов. Регионы пионерного освоения – Сибирь, Казахстан и Дальний Восток – в милицеских сводках выступали «лидерами» по хулиганству, кражам и другим видам преступлений. Поэтому другим методом борьбы с преступностью стало усиление репрессивности за отдельные виды преступлений (нападение на сотрудника милиции, изнасилование и др.)

Для понимания специфики приморской преступности в рамках общеуголовной, мы рассмотрим: 1) хулиганство (против общественного порядка), 2) кражи, грабежи и мошенничество (против собственности), 3) тяжкие (убийства и попытки убийства, тяжкие телесные повреждения и изнасилования) преступления (против жизни и здоровья).

С ослаблением тотального контроля за деятельностью и поведением людей во второй половине 1950-х гг. уголовная преступность в СССР начала изменяться не по «нашим», а по общемировым законам, открытым ещё К. Марксом, т.е. стала расти быстрее, чем численность населения. Если принять за базу 1956 г., то в 1957 г. преступность возросла на 16,9%, в 1958 г. – на 29,9%. Закономерный в те годы рост преступности увеличился в результате широкой амнистии уголовных преступников 1953 г., большинство из которых в последующие годы вновь оказались в местах лишения свободы [21].

В рамках продолжения курса либерализации общественной жизни в 1958 г. вышли Основы уголовного законодательства Союза ССР, которые заменили собой действовавшие с 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик». Особенностью «Основ...» являлось сужение и смягчение ответственности за деяния, не представляющие большой опасности для общества и государства. В результате этого произошло сужение сферы действия уголовного закона, а следовательно привело к сокращению учтённой преступности в 1959 г. на 30,2%. Дальнейший её рост в 1960 г. – на 5,9%, а в 1961 – на 34,7% был вызван отсутствием следственно-судебной практики по новому законодательству, перегибами в исполнении новых законов, недостаточной осведомлённостью граждан о новых запретах [21].

Одновременно с началом либерализации уголовного законодательства, в стране в конце 1950-х гг. власть в лице союзного МВД приступила к борьбе против «воров в законе». Началась кампания по их дискредитации. В 1956 г. была образована экспериментальная колония ИТК-6 в г. Соликамске, именуемая в народе «Белый лебедь», где содержались только «воры в законе». После проведения ряда мероприятий¹ к началу 1960-х гг. в местах заключения осталось всего 3% тех, кого администрация лагеря так и смогла дискредитировать, и сохранили статус «вора». Правоохранительные органы отрапортовали об окончательном разрушении этой преступной организации. Разгромленное сообщество «отлёживалось» в течение 10 лет, и только в 1970-х гг. стало возрождаться ся [14, с. 16-17].

Одним из результатов проведения мероприятий, направленных на борьбу с преступностью во второй половине 50-х гг., в начале следующего десятилетия стал самый низкий её уровень за всю историю советского периода. В 1961 г. в СССР регистрировалось 406 преступлений и 370 осуждённых на 100 тыс. населения. В 1965 г. эти показатели оказались ещё ниже – 328 преступлений и 249 осуждённых на 100 тыс. населения. Некоторая демократизация правосудия в этот период сочеталась с идеологическими заявлениями об «искоренении» преступности, что привело

¹ Главной задачей создания колонии «Белый лебедь» была дискредитация «воров в законе»: их заставили работать. В дальнейшем лагерная администрация «обеспечивала» утечку информации на волю, что тот или иной вор работал и/или сотрудничал с администрацией, или, говоря лагерным языком, «сучился».

к устойчивому росту коэффициента преступности, при этом коэффициент судимости, за исключением некоторых лет, изменялся мало [11].

Следующий шаг в борьбе с преступностью был зафиксирован в курсе, взятым XXII съездом КПСС (1961 г.) на ускоренное построение коммунистического общества и полную ликвидацию преступности и причин, её порождающих. Но реализовались эти планы в виде реформирования МВД, приведшее к уходу десятков тысяч профессионалов. Суды же, пытаясь шагнуть в ногу с либеральным временем, старались не заводить уголовных дел по многим преступлениям, ограничиваясь передачей провинившихся на поруки общественности. В итоге это привело к увеличению преступности и разгулу хулиганства. «Взлёты» преступности наблюдались в 1958 г. (+29,9%), 1961 г. (+34,7%) и в 1966 г. (+18,1) [18].

Хулиганство. Впервые в мире хулиганство как преступление, упомянутое в законодательстве, появилось в СССР¹. В Уголовном кодексе 1922 г. хулиганство определялось как «озорные, бесцельные, сопряжённые с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия» (ст. 176). Сохранившееся явление продолжало оставаться в уголовном и административном праве и в последующие годы.

После вступления в силу Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. хулиганство определялось как «любое преднамеренное поведение, нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу» (ст. 206). Под хулиганство подпадал широкий спектр правонарушений, в том числе оскорбительное приставание и грязная ругань. Различалось злостное хулиганство, хулиганство, и мелкое хулиганство. Выражение «мелкое хулиганство» применялось в основном для мелких уличных беспорядков и драк среди городской молодёжи. Злостное хулиганство определяется как правонарушение, совершённое с исключительным цинизмом, с оказанием сопротивления работникам правоохранительных органов, с применением предметов, используемых в качестве оружия, или их попытку, или совершённое рецидивистом.

Хулиганство как социально-опасное явление имеют свои особенности. Ему подвержены молодые люди в возрасте от 14 (возраст, с которого подростки привлекаются к уголовной ответственности) до 25 лет, совершается группой, чаще в небольшой степени алкогольного опьянения. Зачастую хулиганство приводит к совершению других тяжких преступлений.

С середины 1950-х гг. в СССР наблюдался рост хулиганства. Среди факторов мы отметим демографический (выросло довоенное поколение и послевоенное поколение чаще всего в неполных семьях), экономический (освоение целины, жилищное строительство), социальный (нарушение традиционных связей через оргнаборы и сельскохозяйственное переселение) и политический (либерализация общественной жизни).

К концу 1950-х гг. хулиганство охватило районы целины и массового строительства, в том числе на Дальнем Востоке. Между местным и пришлым населением постоянно возникали зоны напряжённости. Криминализация группового поведения (массовое хулиганство, групповые драки, волнения и беспорядки) стали неотъемлемой составляющей районов освоения. Пытаясь работать на опережение, 19 декабря 1956 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство». К мелкому хулиганству были отнесены «...нарушения общественного порядка и спокойствия, проявление оскорбительного неуважения к гражданам, сквернословие и другие непристойные поступки». Указом предусматривалось, что мелкое хулиганство влечёт за собой арест от 3 до 15 суток [16].

¹ Аналогичное утверждение высказывается в Википедии (статья «Хулиганство»).

Однако принятие указа желаемых результатов не принесло. В июле 1958 г. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко в своём письме обращал внимание ЦК КПСС на тот факт, что массовые стройки были охвачены волной практически безнаказанного хулиганства, всплески которого приходились на дни выплат заработной платы и прибытия новичков [9].

В 1960 г. с принятием Уголовного кодекса РСФСР хулиганство преследовалось по ст. 206. Незначительные по степени тяжести наказания и по указу 1956 г. и вышеназванной статье, не позволили взять под контроль этот вид преступления. Спустя десятилетие, в 1966 г. вновь вышел Указ Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», в котором усиливалась репрессивная составляющая. Теперь виновных наказывали лишением свободы от шести месяцев до одного года или штрафом. Злостное хулиганство, содеянное с сопротивлением органам милиции, влекло наказание в виде лишения свободы от 1 до 5 лет, особенно злостное хулиганство с применением оружия – от 3 до 7 лет [16].

В Приморском крае хулиганство было весьма распространённым явлением. В борьбе с ним местные правоохранительные органы опирались не только на уголовный кодекс и указы Верховного Совета СССР и РСФСР, но и разрабатывали собственные постановления. Например, 6 октября 1961 г. вышло Постановление бюро крайкома КПСС «О мерах по усилению борьбы с проявлениями хулиганства, туеядства, воровства и другими преступлениями» (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 648, л. 17).

Если говорить о проявлении хулиганства в крае, то картина была следующей. В 1957 г. органами милиции за мелкое хулиганство привлечли 13 889 чел. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 3, 6) В 1963 г. за этот же вид правонарушения было задержано 15 188 чел., из них арестовано 8 061 чел. (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 41, л. 9).

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на смену мелкому приходит более тяжкий вид – злостное хулиганство, что было связано с массовым завозом орграбочих на предприятия края. За период с января 1960 г. и 5 месяцев 1961 г. за нарушение общественного порядка в отделения милиции было доставлено 5 674 чел. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 552, л. 5) Массовость и частота хулиганских проявлений порой удивляют. Во Владивостоке 14 и 22 августа 1960 г. произошли массовые драки, зачинщиками которых стали недавно прибывшие строители. В каждой из них участвовало свыше 100 чел. (АУВД ПК. Ф. 12, оп. 1, д. 293, л. 178; ГАПК, ф. П-68, оп. 30, д. 550, л. 1-8).

Борьба с хулиганством в середине 1960-х гг. принесла результаты только в трёх крупных городах края – Владивостоке, Находке и Уссурийске: 5 140 случаев в 1964 г. против 4 781 случая в 1965 г., т.е. сокращение на 7% или 359 проявлений. В то же время всплеск произошёл в отдельных районах края. Общее количество правонарушений составило в 1964 г. 13 194 случая, в 1965 г. – 13 612 (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 41, л. 11). «Лидировали» Михайловской район, где хулиганских проявлений стало больше в 5,5 раз, увеличившись с 12 случаев в 1965 г. до 64 – в 1966 г., и Пограничный – почти в 3 раза, 11 и 30 случаев соответственно (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 51, 87).

Что же касается раскрываемости, то в 1963 г. она составила 99,4%, в 1965 г. – 100% (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 279). В структуре общеуголовной преступности правонарушения против общественного порядка составляли более 50% (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 96; АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 39, л. 1-8).

Кражи, грабежи, разбои. Во все времена и эпохи (исключая, конечно, первобытно-общинный строй) государство защищало собственность

как гражданско-правовыми способами, так и мерами уголовно-правового характера. Законодатель всегда исходил из того, что отношения собственности представляют собой сердцевину экономики, важнейшую социальную ценность. В советском уголовном праве вопрос о важности преступлений против собственности граждан не был столь значительным по сравнению с кражами государственной и общественной собственности. Это видно из того, что в Особенной части УК РСФСР 1960 г. глава о преступлениях против социалистической собственности стоит на втором месте, а глава о преступлениях против личной собственности – на пятом. Такие виды преступлений как кража, грабёж, разбой и мошенничество предусмотрены статьями соответственно 144, 145, 146 и 147 УК РСФСР 1960 г.

Как указывает А. Гуров, в конце 1950-х гг. две трети преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, составили имущественные. При этом самыми распространёнными оказались кражи. Их удельный вес превышал 40%. В числе краж доминирующее положение занимали кражи личного имущества (выше 65%), среди которых более 30% – кражи из квартир [4]. Как нам представляется, примерно схожая картина имела место и в Приморском крае.

В основе движущего мотива подобного вида преступлений чаще лежала нужда, что не могло не влиять на избираемость предметов посягательства. Причём, если в центральной части страны послевоенные последствия были в большей или меньшей степени преодолены, то на Дальнем Востоке, в том числе и в Приморском крае, уровень материального благосостояния населения региона по-прежнему оставался крайне низким, о чём свидетельствует покупательская способность тех лет [7, с. 254-401]. В каждом втором случае воровства были носильные вещи и продукты питания [4].

Чаще всего кражи совершались группой лиц, поскольку так легче проникнуть в помещение, один из них может предупредить о приближающейся опасности – милицейском патруле, стороже или возвращавшихся жильцах. Согласно архивным данным в Приморье в 1957 г. по линии уголовного розыска из 5 163 чел., привлечённых к уголовной ответственности 1 300 чел. состояли в грабительских и воровских шайках, численность которых достигала 528. В Октябрьском районе в том же году число лиц, привлечённых к уголовной ответственности за кражи, увеличилась по сравнению с предшествующим годом в 3 раза, в Анучинском и Хасанском – в 2 раза. В количественном отношении численность краж в 1957 г. составила во Владивостоке 268 (+50 краж по сравнению с 1956 г.), в Находке – 48, Уссурийске – 98 (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 3, 6, 7). По данным за 1963 и 1965 гг. кражи личного имущества в крае составили 405 случаев в 1963 г., 358 – в 1965 г. (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 49, л. 11). Иногда преступников удавалось поймать с поличным. Так, в августе 1966 г. в г. Владивостоке в магазине Ювелирторга на ул. Ленинской (ныне – Светланская) сотрудники милиции задержали двух воров – карманников (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 92).

Грабежи, разбои. Согласно УК РСФСР 1960 г. под понятием грабёж законодатель понимал открытое хищение чужого имущества, допуская возможность насилия, не опасного для жизни и здоровья (ст. 145 УК). Разбой как вид преступления представлял собой нападение с целью хищения чужого имущества, соединённое с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия (ст. 146 УК).

Общее, что объединяет эти преступления, это непосредственный контакт преступника и жертвы. Для Приморья, и особенно для портовых городов Владивостока и Находки, характерна высокая латентность

данных преступлений. Такая специфика присуща почти всем портовым городам. В них высока концентрация лиц, имевших высокие доходы (моряки торгового флота, рыбаки), в том числе нетрудовые (фарцовщики, мелкие спекулянты и контрабандисты). Грабежи, разбой и мошенничество осуществлялось в отношении представителей «теневого» экономики, т.е. тех, кто став жертвами преступного посягательства, в милицию не обращались. Хотя жертвами становились и обычные граждане.

Убийства и попытки убийства, тяжкие телесные повреждения и изнасилования по УК РСФСР 1960 г. относились к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Причём, в ряде случаев, как это было с хулиганством, усиливалась репрессивная составляющая через «промежуточные» законы – указы. Так, 5 мая 1961 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями», 15 февраля 1962 г. – «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». В тот же день был принят указ «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», который допускал применение смертной казни за изнасилование, совершённое группой лиц, или особо опасным рецидивистом, либо повлёкшее особо тяжкие последствия, а равно за изнасилование несовершеннолетней. Таким образом, после выходов в 1961 – 1962 гг. указов суд вправе был приговорить к смертной казни в 25 случаях [20], вместо 24, указанных в уголовном кодексе [17].

Ужесточение советского уголовного законодательства и последующее недалёковидное реформирование МВД вместо оптимизации привели к обратным результатам. Анализ динамики преступности в Приморском крае показал следующее. В 1957 г. в крае было совершено 4 876 преступлений, что на 338 преступлений (+7,5%) больше по сравнению с 1956 г. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 3, 6). Резко возросло число таких опасных преступлений как грабежи, кражи государственного и личного имущества и изнасилований с 2 266 в 1956 г. до 2 586 в 1957 г. (+14%). Рост преступности наблюдался в 6 из 29 районов, в том числе Октябрьском, Хасанском, Лазовском, Шмаковском (ныне – Кировский), Спасском, Партизанском и Шкотовском (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 7).

Рост преступности продолжился и в более поздний период. Согласно архивным данным УВД по Приморскому краю, в 1960 г. было зарегистрировано 5 028 преступлений (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 30, л. 1). Как сообщал прокурор Ф.Д. Кононенко, в первой половине 1960 г. общая преступность в крае сократилась на 22,5%, по сравнению с аналогичным периодом 1959 г. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 550, л. 3 – 4).

Наибольший рост преступлений был в городах Владивостоке, Уссурийске и Находке, чему в немалой степени способствовало начало массового жилищного строительства и приток рабочих оргнабора, среди которых немало было «девиантников». Так, во Владивостоке с 1960 г., по сравнению с 1959 г., рост преступности составил 20%, в том числе разбойных нападений – на 31,2%, тяжких телесных повреждений – на 42,1%, изнасилований – 14,6% (АУВД ПК. Ф. 12, оп. 1, д. 293, л. 178; ГАПК, ф. П-68, оп. 30, д. 550, л. 1-8).

В г. Уссурийске в июле 1966 г. группа преступников только за одну ночь совершила 2 тяжких преступления – были ограблены и изнасилованы две женщины (АУВД ПК. Ф. 12, оп. 2, д. 8, л. 70). В течение нескольких месяцев другая преступная группа в составе 10 чел. терроризировала военнослужащих. В марте этой группой были совершены нападения на военнослужащих М.С. Бобровича (13 марта) и М.Т. Знатова (23 марта). В августе оно избили военнослужащего Бойченко, который

потом лечился в госпитале 3 месяца (**АУВД ПК. Ф. 12, оп. 1, д. 293, л. 93**).

Как правило, информация об особо тяжких преступлениях не распространялись дальше тех мест, где они совершались. Но именно слухи о таких преступлениях формировали представления населения об уровне преступности в том или ином районе. Так, в Кавалеровском районе такими преступлениями стали убийство 7-летнего мальчика, изнасилование и убийство двух несовершеннолетних девушек (**АУВД ПК. Ф. 12, оп. 1, д. 293, л. 5**).

Иногда преступления в крае совершались с применением огнестрельного оружия. Так, в Михайловском районе рабочий Ивановского совхоза В.В. Скляренко, находясь в нетрезвом состоянии, во время ссоры застрелил из гладкоствольного ружья гражданку Т.И. Зименко (**АУВД ПК. Ф. 12, оп. 1, д. 293, л. 91**).

Отмечая работу правоохранительных органов в Приморье, остановимся на её результатах. Если в 1956 г. регистрировалось 4 538 преступлений (**ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 4**), то в 1964 г. – 5 421 преступлений (**ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 278**), т.е. сравнивая нижний и верхний рубежи, приходим к выводу, что за 9 лет рост преступности составил 883 преступления или 19,5%.

Таким образом, выявлено, что руководству страны задачу снижения преступности в середине 1950-х – 1960-х гг. в Приморском крае решить не удалось, даже несмотря на усиление репрессивности законов за отдельные виды преступлений. Рост преступности в крае был обусловлен демографическими и экономическими факторами (выросло поколение детей, оставшихся без отцов – «безотцовщины», вовлечение женщин в производство и особенности формирования трудовых ресурсов). Однако приморская преступность не ограничивается только общеуголовной преступностью. Здесь имела место и экономическая преступность, что является темой отдельного исследования.

Литература

1. Бриман Ш. Советский бунт. [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta.rjews.net> [Дата обращения 20.11.2011 г.].
2. Ващук А.С. Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в 1945 – 1950-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4. С. 104 – 107.
3. Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.].
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.].
5. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края. 1953 – 1968 гг. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2008. 188 с.
6. Дюркгейм Э. Норма и патология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumer.info> [Дата обращения 20.11.2011 г.].
7. История Дальнего Востока. Мир после войны. Т. 4. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2009. – 696 с.

8. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф. 1999.
9. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953 – 1985 гг., М.: Олма-пресс, 2006. 448 с.
10. Кузнецов Д.А. Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине в 1945 – 1950 гг. // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 101-109.
11. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecsoman.edu.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
12. Медведев Р.А. Никита Хрущёв. Отец или отчим советской «оттепели»? М.: Яуза, Эксмо, 2006. 480 с.
13. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений – основа успешной борьбы за полное искоренение преступности в СССР // Советское государство и право. 1963. № 3. С. 70-78.
14. Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М.: ЦПИ, 2003. 384 с.
15. Особенности отдельных форм девиантного поведения. [Электронный ресурс]. URL: <http://christsocio.info> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
16. Официальный сайт МВД. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
17. Позднов М.С. Советское законодательство о смертной казни. М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ref.by> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
18. Степаков В. Петербургская шпана // Нева. 1998. № 7. С. 220 – 226.
19. Уголовная социология (Э. Ферри). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.vuzlib.net> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
20. Улицкий С.Я. Политические и правовые аспекты регулирования смертной казни. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.vuzlib.net> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
21. Уровень, динамика и структура преступности в СССР и России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xres.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
22. Франц Лист. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> [Дата обращения 20.11.2011 г.]

УДК [930.1(09):304.3] (571.6)

Ковалевская Ю.Н.

Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения

Survival practices of population in the period of market reforms of 1990:
theoretical approaches to researching

В статье проанализирован макросоциальный контекст неолиберальных реформ и их последствий для Дальнего Востока. Выявлены возможности и недостатки различных подходов к изучению практик выживания населения в этот период.

Ключевые слова: *Дальний Восток, неолиберализм, реформы 1990-х гг., социальный кризис, практики выживания*

The article deals with macro-social context of neoliberal reforms and it's consequences. Merits and demerits of different theoretical approaches to researching the survival practices are described.

Key words: *Far East, neoliberalism, reforms of 1990, social problems, survival practices*

Проблема адаптации населения к рыночным реформам получила отражение в публикациях политологов, экономистов, социологов и некоторых историков, так что вначале создаётся впечатление, что по этой теме всё уже написано. Однако внимательный анализ публикаций выявляет огромные незакрытые лакуны, которые ожидают своего исследователя.

Прежде всего, российские исследователи рыночных реформ и их социальных последствий обычно ограничиваются отечественным материалом (в том числе региональным). Между тем характер трансформации, пережитой российским народом, раскрывается только в широком международном контексте, уже изученном зарубежными исследователями в рамках критики неолиберализма.

Российские «младореформаторы» опирались на вполне наработанный опыт, и их утверждения, что они «хотели как лучше, а получилось как всегда» были не совсем искренни. Получили они ровно то, что до них уже получили неолиберальные реформаторы в Чили, Мексике, Бразилии, Аргентине, Польше, Новой Зеландии и др. странах. Общий характер этих реформ был везде одинаков: под предлогом низкой эффективности

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна, к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** tupa67@mail.ru

экономики «социального государства» под руководством МВФ проводилась приватизация, монетаризация, отмена местного протекционизма, сокращение всех социальных выплат (в том числе на образование, здравоохранение, коммунальные службы). И результат этих реформ также был везде один и тот же: демодернизация экономики, падение уровня жизни большинства населения, разрушение инфраструктуры городских и сельских поселений, появление крайне узкой сверхбогатой элиты.

По словам П. Бурдьё: «...деиндустриализация, рост неравенства и ослабление социальной политики являются следствием внутривнутриполитических решений, которые отражают изменение баланса сил в пользу владельцев капитала» [1, с. 92]. Странники нелиберальных революций «...под разговоры о модернизации стремятся переделать мир, отменив социальные и экономические завоевания целого столетия социальной борьбы» [1, с. 88].

После нелиберального реформирования Мексики в 1988–1992 гг. около 20 мексиканцев вошли в «Список самых богатых людей мира», в то время как среди простого населения усилилась бедность, безработица и нищета. Система здравоохранения ухудшилась, коммунальные службы не работают, города завалены мусором, воду из крана пить нельзя [10, с. 123]. В городах возникают закрытые богатые кварталы, которые охраняются за счёт муниципалитета, и бедные районы, где царят грязь, разруха, преступность. Даже в Нью-Йорке за пределами Манхэттена нелиберализация 1980-х гг. сопровождалась огромной волной преступности и заболеваний, что уж там говорить о Сантьяго или Сан-Пауло [10, с. 124]. И как тут не вспомнить «бурные 90-е» во Владивостоке, Южно-Сахалинске и, тем более, в мелких городах Дальнего Востока с их горами мусора, отсутствием света и воды и диким ростом криминала.

Нелиберализм разрушает социальные системы не только своих бывших врагов, какими были страны советского лагеря для США и государств НАТО, но не щадит и «друзей». В начале 1990-х гг. Новая Зеландия, проиграв в конкуренции с азиатскими рынками с дешёвой рабочей силой, обратилась к политике приватизации, выразившейся в поспешной распродаже национальных активов в надежде привлечь новые инвестиции. При этом муниципалитеты пытались продать общественные школы их собственным попечительским советам [6, с. 34]! До этого даже российские власти не додумались (пока).

В странах Центральной Европы, которые подвергли «шоковой терапии» налицо та же картина. Даже сами нелиберальные эксперты не могут не видеть «объективных» последствий своей деятельности. Так, Иван Крастев, председатель Центра либеральных стратегий в Софии (Болгария) пишет: «Посткоммунистическим обществам удалось мирно преобразовать коммунистическую систему, построить демократические и рыночные институты, создать экономическое благосостояние и, наконец, войти в состав Европейского Союза. В то же время переход привёл к быстрой социальной стратификации, серьёзно ухудшив положение многих и возвысив немногих. Многие жизни были поломаны, многие надежды преданы во время перехода. К концу 1990-х гг. типичным самоубийцей в Польше был не подросток, переживающий экзистенциальный кризис, а женатый мужчина около сорока, живущий в одном из бесчисленных городков или сёл, где банкротства государственных предприятий и ферм в сочетании с крахом старой системы социального обеспечения вызвали особенно острое отчаяние» [3, с. 84].

Характерно, что И. Крастев, как и другие нелибералы винит в социальной катастрофе 1990-х «переход» как нечто объективное, что-то вроде весеннего паводка. Этот подход свойственен не только ему, но практически всем исследователям, работающим в парадигме транзито-

логии.

К ним относится большинство исследователей, которые изучают стратегии адаптации различных групп российского населения к рыночным реформам. Условия жизни эпохи перемен являются для них «внешней средой», к которой нужно приспособиться [11, с. 70-71]. Человек, в сущности, уподобляется «живому организму». При этом от внимания аналитиков (и читателей) как-то ускользает тот факт, что если речь идёт об «обанкротившихся государственных предприятиях и фермах», то у этой «внешней среды» обычно есть не только имя и фамилия, но и солидный счёт в банке (где-нибудь в оффшорах), а также определённая статья в Уголовном кодексе, которая соответствует масштабам их деяний.

При изучении стратегий адаптации доминирует количественный подход – степень приспособленности определяется по денежному доходу человека. Например, Н. Римашевская выделяет три категории адаптации населения в условиях рынка: «фавориты» – самые богатые (20% населения); «в ожидании» (55% населения); «аутсайдеры» (25% населения) [7]. Эти результаты получены в результате социологического опроса, но, в сущности, такие опросы носят имитационный характер, их результаты предопределены и не носят существенной связи с реальностью. В любом обществе есть свои «фавориты» и «аутсайдеры», однако качественные характеристики «бедности» и «богатства» разительно различаются. Специфика России 1990 гг. – бедность работающих людей, имеющих высокий уровень образования и социально ответственное поведение.

Социологи вообще грешат подсчётом количественных параметров социальных явлений, которые они не считают необходимым определять качественно. Так, у той же Н. Римашевской подсчитывается процентное соотношение «устойчивой», «плавающей» и «новой» бедности, но определения этих категорий очень поверхностно и далеко от социальной реальности. То же можно сказать об анализе стратегий трудового поведения, которые определяются как «мобильная», «ориентационная» и «пассивная» [8]. Попробуйте найти в этой статистической сетке место для себя или своих знакомых – это очень сложно.

Возможно, что к социологам вообще неприменимы те требования, которые предъявляет к ним историк, надеясь найти материал для своих исследований. И всё-таки хочется сказать, что результаты, полученные в результате применения таких обширных, методологически изощрённых и затратных исследований, снабжённых к тому же наукообразной терминологией, выглядят очень обескураживающе.

А.Л. Темницкий в труде «Рабочие реформируемой России как объект социальных исследований» выявляет следующие стратегии адаптации рабочих к рынку: 1. Новаторская; 2. Смешанная; 3. Традиционная; 4. Пассивная [9]. Казалось бы, за этими категориями должно быть скрыто подробное, глубокое и тонкое описание разнообразных жизненных стратегий, которые люди использовали в эти трудные времена. Однако всё оказалось куда проще: новаторская стратегия – это вторичная занятость; традиционная – работа на даче или огороде; смешанная – совмещение первой и второй, а пассивная – отсутствие и дополнительной работы, и дачи. А ведь этот автор трудился с рабочими на реальном предприятии! Создаётся впечатление, что какая-то секретная инструкция запрещает социологам (как патологоанатомам) работать с живыми людьми.

На самом деле за отстранённостью и академизмом скрывается вполне определённая идеология. Неoliberalизм предполагает, что бедность – это проблема бедных. Дешёвая рабочая сила рассматривается как важное конкурентное преимущество, а снижение зарплаты – как экономическое достижение. Если рабочему не хватает одной зарплаты

– пусть ищет вторую, и упаси его Бог устраивать забастовки и бороться за свои права. Пусть дача и огород помогают многим семьям выжить – неолибералы это не приветствуют. Сознательный пролетарий покупает продукты в супермаркете, способствуя развитию рынка и обогащая владельцев торговых сетей.

Несмотря на господствующую парадигму, социологи внесли заметный вклад в изучение темы социальной адаптации населения в период рыночных реформ. Многие из них воспринимали изучение переходного периода и его социальных последствий как свой гражданский долг. Они пытались обратить внимание общества и правительства на рост негативных процессов: демодернизации, депопуляции, преступности, социального расслоения, снижения качества образования и т.д. Российские социологические центры – Центр исследования общественного мнения, Левада-центр и др. проводили непрерывные мониторинги различных социальных процессов, собрали и опубликовали уникальные массивы данных. Ценные материалы для изучения различных аспектов жизненных стратегий россиян содержит «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)», проводившийся в 1994 – 2002 гг. [8, с. 153-172]. Результаты этого мониторинга использованы П.М. Козыревой в книге «Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX – XXI вв.» [2].

Социальные последствия неолиберальных реформ нашли яркое отражение в демографии и статистике. Если статистика советского периода делала акцент на успехах и достижениях, то материалы Госкомстата и его местных отделений в 1990-е гг. получили возможность отражать реальные процессы, и эти сухие цифры порой говорят громче самых экстремальных политических воззваний. Анализ данных демографии и статистики позволяет воссоздать основные характеристики социокультурной среды, в которой происходила адаптация населения к рыночным реформам, а также её результаты.

Статистика отражает деградацию всех сторон повседневной жизни и качества жизни большинства населения. К 1999 г. численность обеспеченных слоёв сократилась до 20-25 млн. чел. Расширилась «зона бедности», в положении малообеспеченных возникли существенно новые негативные моменты.

В результате падения реальных доходов за чертой прожиточного минимума оказалась половина населения, число бедных достигло 70-75 млн., из них на грани нищеты оказалось около 20 млн. чел. Одновременно с расширением масштабов бедности произошёл ряд существенных изменений в экономическом положении малообеспеченных.

Само потребление всё больше стало приобретать черты натурального за счёт собственного интенсивного производства. Доля натуральных поступлений в располагаемых ресурсах малообеспеченного населения остаётся очень значимой (13% в 1997, 14,3% – в 2000 г.).

Масштабы распространения бедности и экономическое положение бедного населения ведут к формированию новой социальной ситуации в России. Огромная масса оказалась, по сути, отсечённой от качественных социальных услуг, определяющих воспроизводство «человеческого капитала». Возникает хорошо известный феномен застойной бедности, когда бедное население лишено доступа к качественным социальным благам (здравоохранению, образованию, культуре), а без такого доступа не имеет реальной возможности преодолеть бедность. Эта ситуация не только деформирует трудовые мотивации и стимулы предприимчивости, но и формирует питательную среду для взрывного распространения девиантного поведения (преступность, наркомания и др.)

Существенно сократился и другой фактор устойчивости – государ-

ственная социальная поддержка. Уменьшение ресурсов для финансирования непроцентных расходов консолидированного бюджета обусловило снижение его социальных расходов (на образование, здравоохранение, культуру, социальную политику) – в реальном выражении на 15% за один год (1998–1999). Доля социальных расходов бюджета в ВВП упала с 9-11% в 1996–1998 гг. до 7% в 1999.

В результате одновременно с падением реальных доходов сузилась и государственная социальная поддержка населения. Кризис государственных финансов актуализирует проблему переноса бремени финансирования социальной инфраструктуры на само население, что существенно сказывается на уровне жизни [5].

Результаты подобной экономики и политики немедленно нашли отражение в масштабном демографическом кризисе. В 1990-е гг. по большинству демографических показателей Россия откатилась на уровень слаборазвитых стран, причём Дальний Восток стал одним из самых неблагополучных регионов страны.

Прежде всего, социальный кризис привёл к резкому сокращению рождаемости. Реальность жизни была такова, что если женщина работает – детей рожать некогда, а если не работает – не на что. В государственном (бюджетном) секторе экономики зарплаты были низкими, выплачивались нерегулярно, сотрудников сокращали и отправляли в неоплачиваемые отпуска. Государственные пособия на детей были смехотворно малы и не выплачивались годами. Возникли целые сферы занятости в рыночном секторе, где не действовали никакие социальные гарантии – не было отпусков (в том числе по уходу за детьми), больничных, пособий на детей и т.п. Зарботки мужчин также были нестабильны, росла безработица, работа «вахтовым методом» и вторичная занятость разрушали семьи.

Кроме того, тяжёлая экономическая ситуация наложила на долговременный процесс второго демографического перехода – свойственное всем западным странам смещение приоритетов с семейных ценностей на гедонистические [4, с. 44].

За десятилетие 1989–1999 гг. рождаемость сократилась в России со 195 детей на 1000 женщин до 117,1, на Дальнем Востоке – с 208 до 118,4. Для простого воспроизводства родительских поколений необходимо рожать 215 детей на 1000 женщин, т.е. на 38% больше [4, с. 45].

Политическая и экономическая нестабильность периода реформ привела и к кризису семейных отношений. Выросло количество разводов и число детей, рождённых вне брака. В 1990 г. доля внебрачных детей от общего числа родившихся составляла на Дальнем Востоке 18,4%, в 1995 – 29,0 %, в 1997 – 34,6%, в 2003 – 39%. В 2001 г. этот показатель в городской местности составлял 37,6% (в РФ – 27,8) , в сельской – 42% (в РФ – 31,0). Это самые высокие показатели среди федеральных округов России [4, с. 51].

В советский период население региона было сравнительно молодым и отличалось низким уровнем смертности. Однако с середины 1980-х гг. смертность населения на Дальнем Востоке стала расти темпами, опережающими аналогичные показатели по России. С 1993 г. смертность стала превышать рождаемость. В 1993 – 2003 гг. смертность в России выросла на 13,1%, а на Дальнем Востоке – на 26,3% [4, с. 53]. Рост смертности на фоне падения рождаемости представляет собой концентрированное выражение деградации общества. Если на рубеже 1990-х гг. по смертности Россия находилась на средневропейском уровне (11,2 %), а на Дальнем Востоке даже ниже (8,2 %), то в 2003 г. (РФ – 16,4 %; ДВ – 14,9 %) [4, с. 54].

Демографический кризис характеризовался также крайне неблагоприятно

гоприятной тенденцией – ростом смертности в трудоспособных возрастах на 52%. Главной причиной было увеличение сердечно-сосудистых заболеваний, травм и отравлений, в том числе некачественным алкоголем. Возросло также число убийств и самоубийств [4, с. 58].

Несмотря на статистику, адекватно отражающую демографический кризис, на регулярные публикации учёных и СМИ под кричащими заголовками «Демографическая катастрофа», «Демографический крест России» и т.п. правительство не обращало внимания на эти проблемы, сокращало социальные расходы и активно продолжало неолиберальные реформы вплоть до начала 2000-х гг.

Если макросоциология, демография и статистика позволяют воспроизвести широкий контекст адаптации людей к реформам 1990-х гг., то изучение собственно практик выживания населения требует применения антропологических и микроисторических методов. Главная проблема при этом – недостаток источников. Для современной антропологии и истории повседневности необходимо привлечение источников личного характера – дневников, писем, мемуаров «обыденных деятелей». Источники личного характера применительно к изучаемой теме не только позволяют уточнить или дополнить официальные данные – они раскрывают совершенно иную реальность. Именно поэтому работы, опирающиеся на неолиберальную парадигму и официальные источники, описывают рыночные реформы как «триумфальное шествие капитализма», а люди, жившие в то время, в неформальных интервью часто не находят для них цензурных слов.

Поиск источников затрудняет тот факт, что 1990-е – это недавнее прошлое, причём для многих это период болезненных переживаний, которые люди не спешат выносить на показ. Мемуары об этом времени ещё не всеми написаны и задача историка – побудить их это сделать, собрать интервью и «жизненные истории», документы из личных архивов. Кроме того, в руках историка недавнего прошлого есть ресурс, недоступный традиционному историку – мы сами жили и выживали в это время и, следовательно, можем ссылаться на опыт «включённого наблюдения».

Литература

1. Бурдые П., Вакан Л. Неолиберальный новояз: Заметки о новом планетарном жаргоне // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 88-94.
2. Козырева П.М.. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI вв. М., 2004. 320 с.
3. Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 79-87.
4. Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы. // Мир России. 1999. Т. VIII. № 3. С. 153-172.
5. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток–Хабаровск, 2006. 224 с.
6. Поляков И. Как изменяется российская модель благосостояния // Демоскоп Weekly. 17–30 декабря 2001 г. № 47-48. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/047/tema01.php> [Дата обращения 20.11.2011 г.]

7. Поукок Д. Деконструкция Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 33-52.
8. Римашевская Н. Либерализм и социальные гарантии в условиях переходной экономики // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uptp.ru/content> [Дата обращения 20.11.2011 г.]
9. Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 79-107.
10. Харви Д. Неолиберализм в большом городе // Прогнозис. 2007. № 3 (11), с. 11-124.
11. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 69-73.

УДК 34.07

Золотухин И.Н.

Филиппинская диаспора в США и Канаде**The Filipino Diaspora in the USA and Canada**

Данная статья посвящена рассмотрению одной из многочисленных диаспор в мире – филиппинской. В статье освещены положение и современное состояние филиппинской диаспоры в странах, где суммарно проживает около 30% всех заграничных филиппинцев.

Ключевые слова: *диаспора, филиппинская диаспора, пинои, этническая общность*

In the article the Filipino Diaspora, that of the one of the most numerous in the world, is considered. The status and position of the Filipino Diaspora in the countries wherein approximately 30 percent of the Overseas Filipino inhabit are clarified.

Key words: *Diaspora, Filipino Diaspora, pinoys, ethnic community*

Стремительный рост иммигрантских сообществ и их институционализация заставили заговорить о «диаспоризации мира» как об одном из сценариев развития человечества [4]. Этот процесс становится глубже и сложнее, принимая новые формы, а роль диаспор и их влияние усиливаются. Резкое увеличение масштабов миграции идёт параллельно с консолидацией иммигрантских этнических сообществ. Оказавшись на новом месте, переселенцы, как правило, стремятся консолидироваться, чтобы не только выжить, но и сохранить свои обычаи, традиции, язык в чуждой для них, зачастую весьма враждебной этнокультурной среде. С этой целью они либо присоединяются к уже существующим диаспорам, либо создают новые. В результате число диаспор в мире непрерывно увеличивается.

Профессор Иерусалимского университета Гэбриэл Шеффер, определяя численность наиболее известных в мире диаспор, выделил «исторические» (существующие с древности) и «современные» диаспоры. Среди самых крупных по численности «исторических» диаспор Шеффер выделяет китайскую (35 млн. человек), индийскую (9 млн.), еврейскую и

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР».

цыганскую (по 8 млн.). Среди «современных» диаспор к самым крупным он отнёс афроамериканскую (25 млн. человек), курдскую (14 млн.), ирландскую (10 млн.), итальянскую (8 млн.), венгерскую и польскую – (по 4,5 млн.) [12, pp. 10-11]. Однако в своих расчётах профессор упустил филиппинскую диаспору, которую по праву можно назвать самым новым явлением среди мировых диаспор [21]. Филиппинская диаспора является также одной из самых многочисленных в мире.

В целом Г. Шеффер предложил достаточно развёрнутую типологию диаспор, отнеся филиппинскую к «зарождающимся», наряду с корейцами и русскими в бывших советских республиках. Кроме того, он выделил диаспоры с глубокими историческими корнями (армянская, еврейская и китайская); так называемые, «дремлющие» диаспоры (американцы в Европе и в Азии и скандинавы в США); «молодые» диаспоры (греческая, польская, турецкая); «бездомные», то есть не имеющие «своего» государства (в эту категорию попадают диаспоры курдов, палестинцев и цыган); «этнонациональные» – самый распространённый тип диаспор, характерная особенность которых заключается в том, что они чувствуют за спиной незримое присутствие «своего» государства и, наконец, «рассеянные» диаспоры и диаспоры, живущие компактно [9, с. 165].

Арутюнов и Козлов отмечают, что «...в мире, очевидно, уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в какой-либо другой стране или нескольких странах» [1]. В последние годы учёные, занимающиеся изучением проблем, связанных с диаспоральными процессами, всё чаще говорят о «размывании привычных представлений о диаспоре» и о появлении у современных диаспор качественно новой черты – транснациональности, на которую влияют 2 фактора: социально-экономические и политические катаклизмы, которые приводят к появлению довольно многочисленных групп, заинтересованных в переселении на другие инокультурные, иноэтнические территории и этнические мигранты, заинтересованные не просто в перемещении, а в долговременном поселении в стране приёма [5].

На актуальность проблематики, связанной с транснациональным характером современных диаспор, обращает внимание и Г. Шеффер, отмечая, что диаспоры всё активнее влияют как на ситуацию в местах своего проживания, так и на региональный и международный уровень принятия решений во всех частях планеты. Однако, по мнению Г. Шеффера, в этой сфере научных исследований не уделяется достаточного внимания политическим аспектам функционирования диаспор, создаваемым ими трансгосударственным сетям и системам коммуникаций, которые пересекают границы отпускающих и принимающих обществ, а также политическому весу и политической лояльности диаспоральных коллективов [9, с. 166-167].

Таким образом, концепт «диаспора» представляет собой попытку проанализировать социальную и культурную динамику трансграничных процессов, позволяя фокусировать внимание исследователя не только на сформированных мигрантами (иммигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами, гастарбайтерами) заграничных сообществах, но возможно на более значимом аспекте – отношениях этих сообществ с их родиной.

Филиппинская диаспора (пиной) в странах Северной Америки (США и Канада) является примером и результатом достаточно длительного и успешного процесса проникновения иноэтнического субстрата на территорию принимающей страны. В настоящее время по количеству мигрантов в США Филиппины находятся на втором месте, а в Канаду на первом [18].

Филиппинская диаспора в США – одна из обретших особую силу, наряду с афроамериканской, мексиканской, китайской, кубинской, гаитянской, корейской, индийской, вьетнамской, доминиканской. Указанные группы являются инструментом, через который правящие круги с их родины пытаются воздействовать на политику США [8, с. 121-122]. Г. Шеффер отмечает, что центральным элементом в категории «диаспора» является тот факт, что «заграничные сообщества этнических меньшинств, поддерживают сильные духовные и материальные связи со странами происхождения» [23, р. 3]. Эти связи особенно заметны в трансграничных обращениях капитала, рабочей силе, товаров и услуг, информации и служат отличительным маркером диаспоры от других расовых и этнических меньшинств, которые возможно, не поддерживают столь эмоциональные и экономически значимые отношения со странами своего происхождения [20].

Йосси Шейн выделяет следующие факторы, обуславливающие взаимоотношения различных государств и их диаспор:

- 1) особенности национального характера;
- 2) представления об эмиграции, доминирующие в обществе и политической элите;
- 3) зависимость от инвестиций и финансовых средств диаспоры;
- 4) состав диаспоры (эмигранты, политические беженцы, высланные), её статус в стране пребывания и отношение к режиму на родине;
- 5) политическая роль, отводимая диаспорам правящими кругами или оппозицией на родине;
- 6) законы о гражданстве, особенно возможность сохранения двойного гражданства [22, р. 90].

Принятый в Штатах в 1965 г. федеральный закон «Об иммиграции» отменил систему национальных квот, что существенно увеличило приток в страну иностранных мигрантов. Рост численности диаспор, как следствие, привёл к тому, что они всё активнее стали стремиться влиять на внешнюю политику США. Данный процесс рассматривается не только этническими элитами, но и всеми остальными членами общностей, как признак включения диаспор в американское общество, гарантия учёта их интересов в национальных интересах США и трамплин для участия в иных видах общественной деятельности [8, с. 122].

Филиппинцы, проживающие в США, входят в «большую тройку» выходцев из Азии, вместе с китайцами и индийцами. Только за период с 1981 по 2009 гг. в США уехало 67% официально зарегистрированных филиппинских эмигрантов [14]. Среди филиппинцев высок уровень инкорпорации в американское общество. Филиппинцы, прибывшие в Штаты, в большинстве своём стремятся стать полноправными американскими гражданами (см. таблицу).

Таблица 1. Статусные характеристики азиатского населения США. Данные переписи населения 2004 г.

Этническая принадлежность	Рожденные в США (в %)	Натурализованные граждане (в %)	Не являющиеся гражданами (в %)
Китайцы	30,1	40,5	29,3
Индийцы	26,7	32	41,3
Филиппинцы	33,8	42,3	23,9
Вьетнамцы	29,5	49,6	20,9
Корейцы	24,2	41,5	34,3

Источник: [26].

Количество филиппинских иммигрантов уступает по численности только выходцам из Мексики [25]. 63% филиппинцев, рождённых за рубежом, были натурализованы в США. Более 70% проживающих в Штатах филиппинцев говорят по-английски. Численность нелегальных мигрантов с Филиппин достигает 270000 человек, уступая по этому показателю таким странам как Мексика, Сальвадор, Гватемала и Гондурас [17].

Среди представителей филиппинской диаспоры самый низкий показатель бедности по сравнению с представителями других азиатских групп – чуть более 5% (для сравнения, у индийцев – 9,7%, у китайцев – 13,4%, у вьетнамцев – 14%, а у корейцев – почти 15%). Более 70% иммигрантов из Филиппин имеют собственное жильё, что является показательным результатом по сравнению с 56,5% остальных иммигрантов и 72% коренных американцев [26].

По сравнению с 2000 г. численность филиппинской диаспоры в США в 2010 г. возросла на 38%. Общая численность по разным оценкам колеблется от 2,5 до 4 миллионов человек. Больше всего пиноев проживает в Калифорнии – 1,195,580 (3,2% всех жителей штата), на Гавайях – 197,497, в Иллинойсе – 114,724, далее следуют Нью-Джерси – 110,650, Нью-Йорк – 104,287. Техас – 103,074. В Неваде численность филиппинцев возросла с 12,048 в 1990 г. до 40,529 в 2000 г. и 98,351 в 2010 г. В Аризоне численность филиппинской диаспоры возросла на 116%, в Сев. Каролине – на 94%, Вайоминге – 91%. На 70-80% возросла численность филиппинской диаспоры в Нью-Мехико, Техасе, Юте, Нью-Хэмпшире, Алабаме [27].

Однако Эдуардо Наварра, Председатель Национальной Федерации Ассоциаций Американцев Филиппинского происхождения (National Federation of Filipino American Associations) считает, что, несмотря на рост численности филиппинцев, с ними не будут считаться, пока филиппинцы не обретут политическую власть. «Мы должны регистрироваться, чтобы голосовать, чтобы пойти и бросить наши бюллетени на местных и федеральных выборах. Это единственный эффективный способ заявить о себе, чтобы наши представители, избранные нами, серьёзно отнеслись к нам и к проблемам нашей общины». Ему вторит Мерит Салюд, координатор Федерации: «Мы имеет высокий рейтинг натурализации и регистрации избирателей, но участие филиппинцев на выборах ничтожно мало. Мы не можем продолжать оставаться невидимками. Мы должны обозначить наше политическое присутствие в этой стране, усиливая наше гражданское участие во всех аспектах американской жизни» [19].

В преддверии переписи населения 2010 г., проводимой в США Национальная Федерация Ассоциаций Американцев Филиппинского происхождения объявила, что филиппинцы, проживающие в США, будут участвовать в переписи не в качестве азиатской этнической группы, а как отдельная, независимая группа, осознающая свою этничность [19].

Терезита Сарагоса, специалист Бюро по переписи населения США, назвала перепись населения «крупнейшей мобилизацией наших граждан в мирное время в общенациональном масштабе», подчеркнув, что важно аккуратно подсчитать всех филиппинцев в США, почти 80% из которых являются американскими гражданами (без учёта данных о филиппинцах, имеющих двойное гражданство).

Эллис Булос, почётный руководитель Демократического Кокуса американцев филиппинского происхождения жаловалась, что в 2000 г. в графстве Сан Матео не было выделено денег для того, чтобы напечатать формы для заполнения на филиппинском языке (тагалог). «Нам сказали, вы ведь говорите по-английски, но мы им ответили, что филиппинцам будет более понятна информация на их родном языке, даже,

несмотря на то, что они хорошо говорят по-английски». Также Эллис отметила, что некоторые филиппинцы опасались того, что информация, которую они сообщат властям, станет поводом для их депортации из США [11].

Безусловно, современное положение филиппинской диаспоры в США является результатом миграционных процессов второй половины XX века. Филиппинская миграция в США с конца 1960-х годов отличается от миграции первой половины XX века, когда прибывавшие в Штаты филиппинцы испытывали комплекс колониального наследия, воспринимая американскую культуру, политическую систему и образ жизни как высшие ценности. В 1930-х годах Карлоса Булосана «быть филиппинцем в Америке было преступлением» [21].

После принятия федерального закона «Об иммиграции» 1965 г. филиппинцы составили почти 25% всех азиатских мигрантов. В 1960-х годах в Штаты стали выезжать профессиональные кадры, которые нашли работы в сфере обслуживания и здравоохранения. А в начале 1970-ых, в ответ на требования Движения за гражданские права, выходцы из Филиппин получили возможность служить в вооружённых силах США [15].

Филиппинская диаспора проникает в разные сферы американского общества, демонстрируя высокую степень адаптации. В то же время современная филиппинская диаспора более многочисленна и разнообразна; она стремится не только сохранять атрибуты своей этнической идентичности, но и влиять на политическую жизнь, в том числе и посредством возникающих институционализированных структур (например, Национальной Федерации Ассоциаций Американцев Филиппинского происхождения), которых насчитывается более тысячи (только в Калифорнии, на Гавайях, во Флориде существует более трёхсот различных организаций филиппинцев, проживающих в США).

По сравнению с США, филиппинская миграция в Канаду – сравнительно недавний феномен. Фактически в начале XX в. у филиппинцев и других представителей неевропеоидной расы имелись значительные трудности для проникновения в эту страну по причине проводимой в то время канадским правительством политики дискриминации в отношении небелого меньшинства. Усиление миграционных потоков в Канаду происходит после либерализации миграционного законодательства, в частности, после принятия в 1967 г. балльной системы для потенциальных кандидатов и Закона об эмиграции 1978 г. Иммиграция, приводящая в Канаду ежегодный приток от 200 до 225 тыс. новых граждан в год и обеспечивающая около 60% общего прироста населения, существенно изменила не только численность, но и этническую структуру населения Канады. В стране в настоящее время фиксируются представители почти 200 этнических общностей и многочисленные этнокультурные группы (иммигрантские диаспоры), говорящие примерно на 150 языках [6, с. 22]. Элиот Теппер назвал Канаду образцом государства постмодерна, являющегося политией диаспор [2, с. 73].

Первый филиппинский иммигрант прибыл в Канаду в 1931 г. До нач. 1950-х гг. было зарегистрировано лишь 10 филиппинских иммигрантов, которые прибыли в провинцию Манитоба. Но с 1946 по 1964 г. их количество достигло 770, в 1965 г. – 1767, что на 150 % превысило суммарное количество филиппинцев, прибывших в Канаду за предыдущие 30 лет. По профессиональному составу это были медсёстры, клерки, представители технического персонала, несколько врачей. Лишь немногие прибыли непосредственно с Филиппин, большинство составляли медсёстры, участвовавшие в филиппино-американских программах по обмену и у которых истёк срок действия их рабочих виз в США [13,

р. 168].

В 1970-х годах всё больше филиппинцев прибывало в Виннипег и Манитобу работать в текстильной промышленности. В этот же период времени специалисты с Филиппин находили широкое применение своих способностей в управленческом аппарате, в сфере торговли и в промышленности. В 1970-х гг. происходит модификация половозрастной и социальной структуры филиппинской диаспоры. Именно в эти годы, благодаря спонсорской программе по воссоединению семей, в Канаду стали прибывать родственники уже проживавших здесь филиппинцев. Большая волна иммигрантов пришлась на 1990-е, когда в Канаду стали прибывать в большом количестве филиппинские инвесторы и предприниматели [13, р. 169].

В настоящее время в Канаде проживает более полумиллиона филиппинцев, представляющих собой самую многочисленную этническую общность выходцев из Юго-Восточной Азии [14]. Настоящий бум филиппинской иммиграции в Канаду начинается с 1991 г. (64,5% филиппинских иммигрантов прибыли после 1991 г.) [16]. Поток мигрантов из Филиппин в период с 2000 до 2008 гг. вырос более чем в 10 раз, с 2 тыс. до 20 тыс. человек в год [7].

С 2008 г. численность филиппинских иммигрантов в Канаду превысила китайскую. В настоящее время филиппинская иммиграция занимает первое место в Стране кленового листа (только за 2008 год в страну въехало более 34 тысяч иммигрантов), а численность филиппинской диаспоры в Канаде считается одной из крупнейших среди прочих иммигрантских сообществ, уступая лишь китайской и индийской [10].

Только в 2007 г. Канада предоставила 236 758 виз, дающих право на постоянное место жительства в стране и 115 470 разрешений на работу. По словам министра по делам миграции Канады Джейсона Кенни, сегодня власти Канады выдают мигрантам с Филиппин самое большое количество разрешений на работу. В сравнении с 2005 годом число выданных виз увеличилось более чем на 30%, достигнув отметки в 30000 по данным на 2009 г. [7]. 2/3 среди филиппинцев, проживающих в Канаде, составляют женщины. В основном они заняты в сфере обслуживания – многие работают учителями, медсестрами, сиделками [10]. Кармелита Димсон из Управления занятости филиппинцев за рубежом заявила, что квалифицированные филиппинские рабочие требуются в Альберте, Британской Колумбии, Манитобе, и Саскачеване – в тех провинциях, где ощущается нехватка врачей, медсестёр, инженеров, работников гостиничной сферы, а посол Филиппин в Канаде Хосе Бриллиантес отметил, что в Ванкувере создаётся Отдел по приёму на работу филиппинских граждан, деятельность которого заметно упростит процесс найма и обеспечит помощь филиппинским иммигрантам и рабочим в Западной Канаде [28].

Канада стала вторым по величине источником денежных переводов филиппинцев, работающих за рубежом, уступив по этому показателю лишь США. До 1995 г. 60% переводов филиппинских мигрантов осуществлялось с помощью неофициальной системы – падалы. После отмены валютного контроля в 1995 г., сложился единый валютный курс, и неофициальные каналы денежных переводов перестали играть существенную роль [3, с. 23]. В дополнение к денежным переводам филиппинцы в Канаде способствовали развитию своей страны через ЛИНКАПИЛ (Программа по развитию связей с Филиппинами). Только за период с 1990 по 2001 гг. канадскими филиппинцами было переведено через ЛИНКАПИЛ 51,6 млн. песо (около 1 млн. \$), они заняли 3 место среди наиболее крупных бенефициантов этой программы (5,08%).

Власти Канады понимают, что иностранные мигранты вносят нео-

ценный вклад, прежде всего, в развитие экономики Страны кленового листа, поэтому канадское правительство реализует одну из наиболее амбициозных миграционных программ в мире, что уже позволило Канаде увеличить количество высококвалифицированных иностранцев в стране до самого высокого показателя за последние 75 лет [7].

Экономическое положение филиппинской диаспоры в Канаде можно назвать достаточно стабильным: показатели занятости представителей филиппинской диаспоры выше, чем показатели занятости трудоспособного населения в целом по стране (72% против 62%), а уровень безработицы – ниже (5,7% против 7,4%). Правда уровень доходов канадских филиппинцев ниже, чем у среднестатистического канадца (24600 против 30000 долларов США), но это объясняется более низкими доходами женской части филиппинской диаспоры, составляющей большинство [24].

Численность филиппинцев в Канаде растёт более быстрыми темпами (почти в 9 раз быстрее), чем численность населения Страны кленового листа (на 35% против 4%). Филиппинцы в Канаде, больше, чем представители других диаспор, относятся к иммигрантам: более 70% представителей филиппинской диаспоры родились за пределами Канады [24].

Филиппинская диаспора концентрируется в провинциях Онтарио и Британская Колумбия, где проживает более 70% граждан филиппинского происхождения, причём в Онтарио находится половина всего филиппинского населения Канады. 11% представителей филиппинской диаспоры проживает в Альберте, 10% – в Манитобе, 6% – в Квебеке. В то же время филиппинцы в Манитобе составляют 3% всего населения провинции, что в процентном отношении больше, чем в Британской Колумбии и Онтарио (филиппинская диаспора составляет 2% населения этих провинций). Большинство филиппинцев в Канаде проживают в городах – Торонто, Ванкувер, Виннипег, Калгари и Монреаль [16].

Одним из показателей высокой степени адаптации филиппинцев в канадское общество является знание ими английского языка, которым владеет 93% пиноев, проживающих в Канаде. В то же время обоими государственными языками Канады владеют всего 6% представителей филиппинской диаспоры. Согласно данным Обзора Этнического Разнообразия Канады 2002 г., подавляющее большинство канадцев филиппинского происхождения (78%) отмечали сильное чувство причастности к Канаде (то есть относили себя к канадцам), но в то же время, ещё большее количество (89%) отмечали сильную сопричастность с этнической или культурной группой (идентифицировали себя с Филиппинами).

Более 70% представителей филиппинской диаспоры в Канаде участвуют в выборах на федеральном и региональном уровне. Кроме того в Канаде существуют десятки филиппинских организаций различной направленности [24]. В целом можно говорить о позитивном влиянии канадского мультикультурализма для будущего филиппинской диаспоры, однако, прибывающие в Канаду мигранты отмечали факты дискриминации в свой адрес при приёме на работу и в повседневной жизни по причине расово-этнических различий [24].

Филиппинская диаспора в США и Канаде функционирует в схожей социально-политической среде. Активная миграция в эти страны филиппинцев началась с 1970-х гг., и именно благодаря миграции были созданы современные диаспоры, которые являются достаточно молодыми, но их численность растёт из года в год, причём и за счёт вновь прибывающих. В то же время, высок процент натурализовавшихся филиппинцев.

Филиппинская диаспора представляет собой достаточно новое яв-

ление, которое требует серьёзного научного изучения, в особенности, с учётом существенного увеличения масштабов иммиграции с территории Филиппинского архипелага.

В перспективе нам представляется возможным как минимум два сценария диаспоризации пиноев. С одной стороны, филиппинское государство стремится сделать более управляемыми миграционные потоки и использовать их в качестве инструмента государственной политики. Учитывая появление крупных сообществ пиноев в странах – реципиентах и создание т.н. «маленьких Филиппин», подобные действия носят вполне адекватный характер. Этот сценарий условно можно назвать «китайским».

С другой стороны, многообразие и разнородность этнического состава Филиппин могут привести к дифференциации филиппинской диаспоры. К тому же не стоит забывать о нерешённой проблеме филиппинского Юга. Мусульмане с Минданао в качестве трудовых мигрантов прибывают (в том числе и нелегально) в соседние Малайзию и Индонезию, но при желании они могут расширить диапазон своего присутствия и не только в странах с преимущественно мусульманским населением. Учитывая сложность внутривосточной обстановки на юге Филиппин, активная иммиграция населения из этого региона за пределы страны видится вопросом времени. Наконец, роль диаспоры должно учитываться и самим филиппинским государством, возлагающим на пиноев определённые надежды, связанные с усилением роли Филиппин в международных отношениях.

Литература

1. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета, 23 ноября 2005 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html [Дата обращения: 03.08.2011 г.].
2. Барановский К.Ю. Канада: единство в многообразии (международная конференция канадоведов) // США-Канада: экономика, политика, культура, 2006, № 1. С. 59-78.
3. Глущенко Г.И. Хавала – пережиток прошлого на службе глобализации // МЭИМО, 2004, №5. С. 18-26.
4. Докучаева А. Проблемы диаспоры // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/046/13.shtml> [Дата обращения: 11.07.2011 г.].
5. Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Автореф. дис. на соискание учёной степени д.полит.н. Спб., 2009 // [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/politich/2009/06-04/KimAS.rtf> [Дата обращения: 16.07.2011 г.].
6. Кузнецов А.М. Золотухин, И.Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв. (основные варианты и тенденции развития этнополитической ситуации): монография. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2010. 224 с.
7. Трудоустройство в Канаде пользуется всё большей популярностью среди филиппинских мигрантов // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrator.ru/news/?id=331> [Дата обращения: 23.07.2011 г.].

8. Черноговцева, С.В. Этнические диаспоры в США// США-Канада: экономика, политика, культура, 2008, № 2. С. 119-127.
9. Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике// Диаспоры, 2003, № 1. С. 162-184.
10. Bird, J. Philippines takes over China as number one source of Canadian immigrants. Canadian Visa Bureau. 31 December 2008// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visabureau.com/canada/news/31-12-2008/philippines-takes-over-china-as-number-one-source-of-canadian-immigrants.aspx> [Дата обращения: 20.02.2011 г.].
11. Bramhall, J. Pinoys won't be «undercounted» in US census// Philippine News 04/13/2009.
12. Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora //Ethnic and Racial Studies. – N.Y., 2005. Vol. 28, № 1. Pp.1-19.
13. Bustamante, R.E. Filipino Canadians: a Growing Community// Polyphony, 1984, Vol.6. Pp. 168-171.
14. Commission on Filipinos Overseas. Stock Estimate of Overseas Filipinos // [Электронный ресурс]. URL: www.cfo.gov.ph/pdf/statistics [Дата обращения: 29.07.2011 г.].
15. Espiritu, Yen. The Paradox of Assimilation: Children of Filipino Immigrants in San Diego// [Электронный ресурс]. URL: http://migration.ucdavis.edu/rs/more.php?id=50_0_3_0 [Дата обращения: 26.05.2011 г.].
16. Filipino immigrants in Canada// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.canadaimmigrants.com/qualityoflife/communities/philippine.asp> [Дата обращения: 31.07.2011 г.].
17. Hoefler, M., Rytina, N., Baker, B.C. Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2009. DHS Office of Immigration Statistics. United States Department of Homeland Security// [Электронный ресурс]. URL: http://www.dhs.gov/xlibrary/assets/statistics/publications/ois_ill_pe_2009.pdf [Дата обращения: 01.08.2011 г.].
18. National Master Site// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationmaster.com/cat/imm-immigration> [Дата обращения: 31.07.2011 г.].
19. New America Media. «Filipino to Be Listed as Own Category in Census 2010»// [Электронный ресурс]. URL: http://news.newamericamedia.org/news/view_article.html?article_id=95f1fd65c7b560b53716f2aefad0d668 [Дата обращения: 24.07.2011 г.].
20. Okamura, J.Y. The Global Filipino Diaspora as an Imagined Community. University of Hawaii at Manoa//The Center for Multiethnic and Transnational Studies// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usc.edu/dept/LAS/CMTS/MonoPaper3-6.html> [Дата обращения: 30.06.2011 г.].
21. San Juan, E., Jr. Interrogating Transmigrancy, Remapping the Filipino Diaspora in the Age of Globalization// [Электронный ресурс]. URL: <http://rizalarchive.blogspot.com/2006/08/filipino-diaspora.html> [Дата обращения: 08.07.2011 г.].
22. Shain, Yossi. Marketing the American Creed Abroad. Diasporas in the U.S. and Their Homelands. Cambridge University Press, 1999. 294 pp.
23. Sheffer, G. Diaspora Politics: At Home Abroad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 308 pp.
24. Statistics Canada. The Filipino Community in Canada// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/89-621-x2007005-eng.htm> [Дата обращения: 24.07.2011 г.].
25. Terrazas, A., Batalova, J. Filipino Immigrants in the United States// Migration Information Source// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationinformation.org/USFocus/display.cfm?ID=777> [Дата обращения: 28.07.2011 г.].
26. U.S. 2004 Census// [Электронный ресурс]. URL: http://factfinder.census.gov/home/en/datanotes/exp_acs2004.html [Дата обращения: 23.03.2011 г.].
27. U.S. 2010 Census: Filipinos in the U.S// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naffaauusa.org/2011/06/29/us-2010-census-filipinos-in-the-u-s-increased-by-38-nevada-has-fastest-growing-population/> [Дата обращения: 26.07. 2011 г.].

28. Western Canada Seeking Filipino Skilled Workers// Canada Immigration Lawyers//[Электронный ресурс]. URL:<http://www.canadavisa.com/western-canada-seeking-filipino-skilled-workers-080111.html> [Дата обращения: 29.07.2011 г.].

УДК 001.891.572 : 325.4(571)(091)

Барбенко Я.А.

Возможности использования институционального подхода в исследовании управления переселением в Приамурье в период русской колонизации

The possibilities of using the institutional approach in the study of resettlement management in the Amur region in the period of Russian colonization

---

Рассматриваются возможности использования институционального подхода для исследования элементов колонизационной политики как взаимодействия власти и общества. Анализируется система понятий, лежащая в основе данного подхода, раскрывается содержание используемых понятий, даётся классификация институций, пригодная для целей исследования.

Ключевые слова: *колонизация, управление переселением, институция, институт, Приамурье, Дальний Восток России*

The paper examines possibilities of using the institutional approach to study the elements of colonization policy as the interaction of government and society. The author analyzes the system of concepts underlying this approach, reveals the content of the concepts and proposes a classification of institutions suitable for research purposes.

Key words: *colonization, resettlement management, institution, Amur region, Russian Far East*

Современный исследователь русского переселения на Дальний Восток, и в Приамурье в частности, в поиске опыта интерпретации колонизационного и переселенческого движения не будет поражён обилием подходов и точек зрения. В вопросах исследования и научного осмысления переселения на Дальний Восток в отечественной традиции последнее слово до сих пор остаётся за марксистским подходом, современные исследователи данного вопроса либо следуют «линии партии», либо уклоняются от обобщений, оставаясь на уровне эмпирических обобщений. Альтернативой являются, пожалуй, подходы дореволюционного времени, особенности которых коренятся, как правило, в первичном характере разработки вопросов переселения: дореволюционные авторы были свидетелями описываемой и изучаемой реальности. Вместе с тем, теоретическая значимость этих работ признаётся и сегодня [1, с. 13]. Об-

---

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: prohist@narod.ru

Статья подготовлена при поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)» на 2011 год, проект 2.1.3/10102.

зор исследовательских традиций в области изучения переселения см., например, в [10; 18, с. 9-15].

Данная работа посвящена попытке освещения элементов институционального подхода в проблемном поле исследования управления переселением. Институциональный подход, в большей степени нежели упомянутые выше, позволяет операционализировать используемые понятия, обладает развитым терминологическим аппаратом. Используемый подход предполагает подробный анализ функций, ролей и статусов переселенцев, градацию их, а затем поиск их взаимной связи; это достигается путём использования инструментов институции, организации, института и органа (подробный анализ этих явлений см. в работах О.В. Иншакова [12; 22]). Их можно интерпретировать как средства управления переселением, находящиеся в распоряжении субъекта управления – государства в лице органов центрального и местного управления¹. Содержание средств управления, это права объекта управления – переселенцев, или акторов переселения.

Под управлением переселением будем понимать деятельность органов центральной и местной власти по организации переселения на Дальний Восток, в частности, – регулирование наборов прав и обязанностей, присущих каждой роли в рамках переселенчества, а значит и регулирование специфическими «переселенческими» функциями, закрепляемых за ролями. К функциям управления переселением следует отнести а) формулирование/ переформулирование наборов прав и обязанностей, б) наделение/ лишение акторов наборами прав и обязанностей, в) наблюдение за правильностью использования акторами положенных им наборов прав и обязанностей. При этом следует различать косвенное управление как формулирование прав и обязанностей (преимущественно функции «а») и прямое как наделение правами и обязанностями и наблюдение за правильностью их использования (преимущественно функции «б» и «в»). Смыслообразующей категорией подхода является институт, институт переселения. Он связывает нижележащие (как относительно простые) реальности – функции, роли социальных акторов («переселенцев»), сходящиеся в институциях и организации переселения, и вышележащие – управление переселением, колонизация региона.

В соответствии со взглядами О.В. Иншакова, «институции – социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия» [12, с. 44]. Исходя из этого, логическая модель исследуемой реальности выглядит следующим образом: типизированные функции социального актора → институция → роли и статусы социального актора. Таким образом, субъект управления переселением посредством институции назначает акторами роли и статусы в соответствии с выполняемыми ими функциями. Существующие роли и статусы при поддержке соответствующей им институции структурируются в организацию, то есть в «социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства» [12, с. 44]. Организация, по-видимому путём выстраивания взаимных связей ролей и статусов, ранжирует их².

¹ Признание самостоятельности местного самоуправления от государства ничего в представленной схеме не меняет.

² Я представляю институции и организацию как последовательно действующие «фильтры» функций, ролей и статусов индивидов, однако сам О.В. Иншаков, судя по всему, думает иначе – институции и организации связаны горизонтально, они совместно «обрабатывают» функции и др. и в общей связи порождают институт либо орган. Однако трудно представить горизонтальные связи институций и организации, поскольку «элементарная структура общества» (термин Иншакова) опирается на роли и статусы, а те

Следующая ступень развития и обобщения функций социальных акторов – институт, являющийся «организованной функцией» [12, с. 44]. Институт есть способ обобщения социальной практики [14, с. 88] и одновременно – способ её специализации, когда функционально близкие роли и статусы образуют устойчивые нормативные образования [3, с. 248], относящиеся к той или иной сфере общественной жизни; в нашем случае это переселение. Высшая степень социализации явления, это складывание его органа. «Орган предстает как структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации» [12, с. 44]; функция органа – рационализация и уточнение ролей и статусов, в некотором смысле орган есть самосознание институции, её управляющая структура.

Исходя из вышесказанного, значимым элементом исследования является реконструкция функций акторов, задействованных в переселенческом деле. Функции акторов переселения являются ответом на задачи, стоящие, например, перед русской колонизацией Приамурья. Акторы переселения есть материал для решения колонизационных задач, их функции – средство решения. Институции, организация, институты, органы переселения – инструменты и методы решения задач колонизации.

Функции переселенцев. Исходной точкой рассуждений являются функции переселенцев, то есть реализация их свойств. Представление о функции включает два аспекта: «1) деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, которой он принадлежит; 2) вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого» [15, с. 783]. Каждый из этих аспектов может быть отражён в представляемом подходе, если за критерий формулирования и выделения разновидностей функций взять стабильность и целенаправленность деятельности акторов и связей между ними и объектом их трудов (а также и системой управления). Избранный критерий позволяет выделить три вида функций переселенцев:

А) обязанность, подразумевающая отсутствие у переселенцев прав изменения своих занятий в результате переселения. В качестве примера можно привести служащих, гражданских и военных¹. Это наиболее стабильный и предсказуемый элемент переселения, но одновременно и маргинальный в силу низкой переселенческой мотивированности: большинство служащих не стремились закрепиться на местах службы и в пределе к переселенцам отнесены быть не могут. Помимо служащих обязанность реализуют заключённые и ссыльные, отбывающие срок наказания на приамурских территориях; степень маргинальности этой разновидности обязанных переселенцев ещё более высока²;

Б) целевой характер, подразумевающий сохранение мигрантами своих занятий в результате переселения и водворения³. Эта функция

– результат институирования функций; опять-таки мы сталкиваемся с последовательностью, то есть с иерархией!

¹ Начальное занятие, или «оккупация» [13, с. 197-198] Приамурского края военными проходило в условиях Крымской войны, что позволяет исследователям определять первый период русской колонизации как «военную» [8, с. 159] или «принудительного водворения» [20, 41].

² Свидетельством этого является, например приказ по Дальстрою от 17 октября 1935 г., в котором было объявлено об обязательном закреплении «лагерных колонистов» (заключённых исправительно-трудовых лагерей, получивших право проживания в специальных посёлках со своими семьями) в крае на срок не менее трёх лет по отбытию наказания [21, с. 144].

³ Хорошим примером целевых переселенцев являются крестьяне-казённые переселенцы начала 80-х годов XIX в.: они исправно пользовались льготами, не оставляли сво-

описывает тех, кто не нарушает (хотя бы и условный) контракт переселения. Целевые переселенцы – это стабильный, предсказуемый элемент, в силу этих качеств являющийся опорой власти на осваиваемых территориях;

В) нецелевой характер, подразумевающий свободу смены занятий переселенцев в результате переселения и водворения¹. Эта функция описывает тех, кто постоянно меняет свои занятия в период пребывания в положении переселенца. Нецелевые переселенцы – нестабильный, непредсказуемый и трудноуправляемый элемент переселения.

Что позволяет обязать, целевое и нецелевое состояние переселенцев обозначить их функцией? Первый аспект функции – деятельность, роль. Перечисление всех видов деятельности и всех фактических ролей переселенцев на этих страницах невозможно. Однако уже сейчас можно сказать, что ролевая и профессиональная стабильность переселенцев, особенно когда речь идёт об управляемом и планируемом переселении, имеет значение не только для управления, но и для развития самого колонизируемого региона – его хозяйства и иных форм организации.

Второй аспект функции – вид связи. С одной стороны, данные состояния порождают следствия (указанные выше), которые есть функции этих состояний. С другой стороны, состояния сами есть функции, поскольку являются результатом присутствия на заселяемой территории власти, имеющей а) интересы стабильности территории, б) планы развития территорий, в которых переселенцы играют роль, и для власти имеет значение, сможет ли она опираться в планах развития на определённую категорию переселенцев или придётся надеяться на то, что всё обойдётся и люди, требуемые для реализации планов, найдутся сами собой. Получается, что само наличие активной власти, имеющей планы развития территорий, функционализирует обязанное, целевое и нецелевое состояние переселенцев².

Итак, критерий выделения разновидностей функций переселенцев – это субъективная стабильность в их отношении к перспективам пребывания на местах вселения (и значит – степень управляемости переселенцев со стороны), а также планы субъекта управления переселением. Помимо представленных, общих функций переселения, в рамках исследования конкретной реальности следует определить и частные функции переселенцев, возможно в чём-то перекликающиеся с их ролями. Особенно это возможно для вольного переселения, то есть неконцептуализованного – в отличие от государственного.

Институции переселения. «Институции – социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия» [12, с. 44], что означает – институции есть факт закрепления функций акторов, придающий им смысл в рамках взаимодействия. Институционализация означает «введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека» [22, с. 61]. Содержанием институционализации являются деперсонализация («обобществление»), уточнение (избавление от «лишних» функций или иерархизация, если их несколько) и легитимация

их сельскохозяйственных занятий, хотя и оказались менее эффективными колонизаторами, чем вольные крестьяне-переселенцы [4].

¹ Так, большую часть рабочих в начале XX века составляли неквалифицированные и малоквалифицированные кадры [6, с. 133-134].

² Царской России не было свойственно планирование развития территорий, для Дальнего Востока наиболее масштабным мероприятием, связанным с изучением перспектив развития была Амурская экспедиция 1910 года [9, с. 26]. В советское время, с середины 20-х годов, в Дальне-Восточной области разворачивается планирование колонизационных мероприятий [5].

функций [17, с. 31] как институций-нормативов, социально значимых в контексте переселения. Этот процесс имеет два варианта: хабиитуализацию и кодификацию – они соответственно реализуются в неформальных и формальных статусно-ролевых наборах.

Субстанция институции – норма, стихийно складывающаяся или концептуально разрабатываемая и находящая своё выражение в тексте закона или подзаконного акта – не важно. Неформальные институции могут быть выявлены путём реконструкции, то есть анализа конкретных практик переселенцев, ориентированных на некое правило, сформулированное или нет – не важно. Формальные институции отражены в нормах – законах о переселении, инструкциях переселенческим организациям и др.

Следующая пространная цитата разъясняет положение институции, указывая на то, что институция проявляется в своих следствиях – статусах и ролях, именно по ним главным образом можно судить об институциях: «Институции, присваивая своим агентам постоянные статусы как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций в быту легко определяются, отождествляются и различаются через их состояние, чин, звание, которые поддерживаются специфическими механизмами обращения, чествования, общения и т. д., свойственными определенным социальным типам субъектов. Институции формируют власть и авторитет, определяют достоинство и важность людей» [22, с. 70]. Таким образом, в исследовании институций присутствует акцент с одной стороны на норму, а с другой – на её проявления, роли и статусы, особенно, когда норма не формализована и наблюдается только в поведении людей!

Использование идеи формальных и неформальных институций ставит проблему их классификации. Базовый приём классификации институтов – отнесение их к признаку, выступающему основанием классификации. Таких оснований можно выделить три, они описывают институцию с точки зрения а) отношения к государству, б) места происхождения, в) формализованности. Это позволяет учесть специфику времени, места, учесть особенности государственной политики в отношении данной территории. Выстраивая далее схему институций, получаем следующую градацию их форм:

Основание А – отношение к государству, или источник институции: государство или общество, первая пара – А1 официальная / А2 неофициальная;

Основание Б – место происхождения институции, была ли она завезена из центра или возникла или изменилась на месте, в колонизируемом районе, вторая пара – Б1 традиционная / Б2 новационная;

Основание В – формализованность, прописанность структуры институции в официальных нормах или существование в качестве обычая, третья пара – В1 формализованная / В2 неформализованная.

Всякая институция имеет свою характеристику по каждому основанию, будучи, например, неофициальной неформальной и новационной, что означает её «народное» и местное происхождение, а также её неоформленность (стихийность). Такой подход позволяет оценить управленческую институцию, её административный потенциал. Самый большой административный потенциал у официальных традиционных формальных институций. Всё вышеизложенное можно вынести в таблицу 1. Данный способ классификации институций может быть использован для первичного отбора материала.

Статусы акторов переселения. В целом статус определяется как «со-

Таблица 1. Способ классификации институций

№	Конкретное явление	Основание					
		А источник		Б формализованность		В происхождение	
		официальная	неофициальная	формализованная	неформализованная	традиционная	новационная
			A2	B1	B2	B1	B2
1							
2							

относительное положение индивида или социальной группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы» [15, с. 678]. Статусы переселенцев «защиты» в институции, являющиеся, по сути, нормами. Таким образом, норма является статусообразующим элементом; если учесть, что предварительно наблюдаемыми могут быть только нормы формализованные – такие, как государственные законы, то и точкой отсчёта и поиска статусов переселенцев будут законы тех государств, что располагались на территории Приамурья в изучаемый период.

Безусловно, можно выявить большое разнообразие статусов, однако имеет смысл остановиться на самом факте существования формального статуса у данного переселенца. Таким образом, статус переселенца определяется через отношение к закону и государству на данной территории. Учтывая покровительственную позицию государства к большинству переселенцев в Приамурье, которая есть следствие жёсткой необходимости к наполнению пустующих территорий жителями, можно сказать, что признаваемый государством переселенец имеет право притязать на заботу со стороны государства¹. Иначе говоря, статус переселенца – это возможность актора переселения претендовать на часть социальных благ, положенных «переселенцам». Описать подобную ситуацию можно,

Таблица 2. Классификация формальных статусов переселенцев

основание классификации	класс статуса		
	I	II	III*
Легальность	1	1	0
Легитимность	1	0	0

* Данный класс статусов скорее всего не имеет чёткого описания в нормах и его институализация, по-видимому, может быть означена как неполная. Вместе с тем этот статус присутствует в нормах как таковой: существуют ситуации, когда отсутствие позитивного статуса переселенца влечёт негативное определение статуса – «некто, не могущий считаться переселенцем (легальность – 0), не имеет прав на пособия и др. (легитимность – 0)».

¹ Поощрялись не только переселения из коренных и сибирских территорий в Приамурье, но и перемещения внутри региона – из Амурской области в Приморскую: в 60-е годы XIX века Приморская администрация обеспечивала материальную помощь амурцам, желающим переехать в Южно-Уссурийский край [4, с. 10].

Таблица 3. Пример соотношения функций и ролей переселенцев (на материале XIX века)

категория	значение		
	обязанные	целевые	нецелевые
роли	• административный служащий • военнотружущий • ссыльный и заключённый	• «контрактник» – наёмный работник • казак • крестьянин-переселенец за казённый счёт • русскоподданный кореец	• вольный переселенец, за свой счёт выбирающий место жительства и сферу приложения труда • военный запасник • бывший ссыльнопоселенец

используя два показателя – легальности и легитимности переселенца. Легальность подразумевает статус переселенца как таковой. Легитимность – это наличие льгот, пособий и других имущественных поощрений для данной категории переселенцев. Учитывая, что доступ к поощрениям даёт легальность, возможность легитимности при отсутствии легальности исключена. Таким образом, по отношению к государству и закону можно выявить три класса формальных статусов, см. таблицу 2.

Роли акторов в рамках переселения. Социальная роль – «нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе» [15, с. 652]. Роли акторов переселения являются результатом институализации их функций, но главное – они есть средство политики государства на данной территории. Частные функции переселенцев, как указывалось в соответствующем разделе, могут быть институализованы и традицией, и государством, из чего следует, что одни и те же роли (или очень близкие по своему содержанию) могут присутствовать в деятельности носителей и формальных, и неформальных статусов. Определение конкретных ролей в связи с функциями представлено в таблице 3.

Очевидно, что все представленные роли имеют формальный статус. Роли, относящиеся к неформальным, там, где они есть, должны быть установлены по возможности. Функциональная группировка ролей имеет своим продолжением наличие своеобразной программы дальнейших действий актора – его частные функции, как носителя данной роли, заранее определены в нормативных актах. Частные функции нецелевых переселенцев обозначены не так жёстко, возможно даже – не обозначены вовсе.

Функцио-статусно-ролевой набор и есть институция. Квинтэссенцией данной конкретной институции, надо полагать, является «функцио-статусно-ролевой набор», условная категория, связывающая воедино все перечисленные элементы схемы. Устанавливая связи в последовательности «функция-статус-роль», мы формулируем инструмент исследования, а в реальности это есть один из объектов управленческой манипуляции. Для установления такой связи ещё раз обратимся к смыслу указанных понятий как модели объекта управления, стремясь упаковать их как можно плотнее.

Функция может быть определена как степень управляемости пере-

селенца. Статус как отношение к закону может интерпретироваться как степень видимости актора для власти – неформальные переселенцы могут оказаться вообще вне сферы видимости власти¹. Роль, будучи образом поведения, может быть упакована как степень предсказуемости. Получается, что с точки зрения управления отдельный переселенец может определяться как: а) высоко/низко управляемый объект, б) существующий/несуществующий для разных структур управления (администрация, полиция, казна), в) описываемый условной формулой – образом его действий.

Таким образом, манипулирование «функцио-статусно-ролевыми наборами» переселенцев, которые и есть институции, – это один из аспектов управления переселением.

Немаловажной составляющей исследования является изучение неформальных самоорганизующихся колонизационных структур. Следует помнить о том, что обе линии – организованная и стихийная – колонизации тесно соседствуют и пересекаются в отдельно взятых людях.

Организация переселения. Организация является способом связи акторов, связи институций, в рамках организации взаимодействуют носители как одинаковых, так и разных функций: «Организация как устойчивая система отношений между субъектами, выполняющими различные функции в процессе достижения общей цели, связывает воедино различные институции и институты, устанавливая их координацию и субординацию и осуществляясь в то же время на их основе» [12, с. 44]. Координация и субординация – инструменты организации, эти механизмы работают на разных уровнях.

Субординация работает с функциональными и статусными единицами, что означает существование иерархии в среде носителей функций и статусов переселения. Принцип выстраивания иерархии – интересы власти в отношении переселенцев на фоне колонизации. Интересы же власти вполне очевидны: лояльное, деятельное, управляемое население. Таким образом, иерархия переселенцев на самом верху будет иметь наиболее послушных и управляемых, их нужды и требования будут удовлетворяться, насколько это будет возможно².

Координация как инструмент организации переселения, и шире – колонизации, упорядочивает ролевые единицы. Упорядочение происходит посредством распределения прав и обязанностей, привязываемых к определённой роли. Однако, если иерархия строится исходя из разного объёма прав, то горизонтальная координация – на базе специфики прав. Таким образом выстраивается сеть комплементарных по своим правам акторов, совместно решающих задачи переселения, заселения, колонизации.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что организация переселения – это объём и распределение прав и обязанностей, связанных с агентами институций переселения. Отсюда: управление организацией – это содержательное изменение прав и обязанностей, а также изменение их распределения в управляемой среде. В рамках организации агенты институций занимают социальные позиции согласно специфике прав, заложенных в соответствующие им институции, между ними вы-

¹ Можно указать на примеры, когда самовольные переселенцы целыми селениями некоторое время жили и хозяйствовались, не будучи известными местной власти, а значит не несли никакой ответственности перед государством и не являлись объектом государственного учёта [2, с. 126-127].

² Существует пример на опыте Приморской области конца XIX века, когда, по мысли чиновников областного правления, единственной категорией населения, бесспорно имеющей право на землю, были крестьяне [2, с. 130]. Безусловно, фактор использования политических и иных рычагов для управления потоками благ никто не отменяет – так было, например, с верхушкой казачества в досоветское время [16, с. 69].

страиваются отношения, конституируемые иерархией и комплементарностью наборов прав и обязанностей.

Институт переселения. «Институты есть социальные формы структур, закрепляющих и воспроизводящих институции, или функционально специфицированные модели общественных организаций» [22, с. 71]. Собственно говоря, системная функция института переселения (как элемента социального порядка) – создание комфортной среды для реализации функций переселенческих институций: «институт выступает как функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций» [12, с. 44]. Развёрнутое определение социального института можно увидеть в одной из работ А.А. Давыдова [7, с. 73]: «...иерархическая гетерогенная, распределенная социальная подсистема, созданная людьми для удовлетворения общей потребности...». Это определение и некоторые, пригодные для предмета нашего исследования, характеристики и возмём для описания и анализа института переселения.

«Значимость социальной подсистемы среди других социальных подсистем определяется остротой общественной потребности» [7, с. 75]: принцип значимости. Этот принцип историчен, поскольку предполагает изменчивость значимости института в связи с динамикой общественной потребности¹. Основная мысль, заложенная в основу принципа значимости – функциональность института в целом, его роль в удовлетворении общей потребности. Принцип целенаправленности [7, с. 73] описывает ориентированность института на решение определённых задач². Принцип гетерогенности [7, с. 73] раскрывает существование в рамках института локальных разнородных подсистем. Локальность надо понимать не в пространственном, а в логическом смысле – то есть составляющие института чётко выражены и характеризуются разными чертами, не пересекаясь в значениях. В нашем случае институт включает некий круг институций, а значит он вполне гетерогенен. Принцип распределённости [7, с. 73] характеризует специализацию подсистем института на решении определённых, локальных задач. Таковыми подсистемами являются институции: одно из измерений организации задаётся разницей в правах и обязанностях агентов институций. Принцип иерархии [7, с. 73] раскрывает неравенство подсистем института и складывание несимметричных отношений в рамках организации. Иерархичность тоже предусмотрена организацией, а потому уже встроена в разрабатываемую схему исследования. Принцип устойчивости [7, с. 73] можно определить следующим образом – сохранение связей между подсистемами, сохранение характеристик самих подсистем «с течением времени и при внешних воздействиях». Принцип продуктивности [7, с. 73] есть дополнение целенаправленности – делает целенаправленность целедостижением. Продуктивность – это синоним эффективности системы, эффективности института. Продуктивность института переселения – способность реализации поставленных целей переселения. Принцип взаимодействия [7, с. 73] раскрывает «координацию и субординацию локальных подсистем между собой и с другими подсистемами, влияние одной подсистемы на другие подсистемы». Данный принцип частично пересекается с принци-

¹ Хорошо прослеживается связь переселенческой политики в Приамурье со внешне-политической обстановкой; бюджетные ассигнования на переселения конца 50-х и начала 80-х годов XIX в. связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от недавних врагов – англичан и французов, во втором случае – военная опасность от самого Китая на рубеже 70 – 80-х годов XIX в. в связи со спором на западном, центральноазиатском, участке русско-китайской границы [11, с. 117].

² В разное время институт переселения решал круг задач, общих для переселенчества как такового и особых для данного конкретного периода [5].

пами гетерогенности, распределённости и иерархии. Собственное содержание – значимость существования «других» подсистем, комплементарность подсистем данного института.

Данный набор характеристик института позволяет выстроить логику его описания и анализа: роль переселения; его цели; результаты; внутренняя структура; интерпретация порядка этой структуры; функциональность подсистем; комплементарность подсистем; сохранение связей и специфики подсистем. Итак, если организация связывает институции на основе общей цели, то институт (как соответствие более высокого уровня) – на основе сходных функций, он обеспечивает специфические связи, формируя, таким образом, особую область общественных отношений, как указывал Давыдов – подсистему социальной системы.

Органы переселения. Орган определяется теоретиком как «структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации» [12, с. 44], то есть орган несёт в себе функции управления и координации организации. В качестве органа переселения может быть обозначена, например, переселенческая община, но с оговоркой – переселенческая община в том случае, когда она занимает в вопросах переселения активную роль, неся в себе черты субъекта политики¹. Поскольку орган есть свидетельство высокого уровня развития данной области общественных отношений, не всякое переселение, по видимому, будет иметь орган. Причём дело здесь может быть во вмешательстве неких сил, например – государства, выступающего субъектом переселенческой политики и не терпящее иных субъектов. Можно предположить, что вольное переселение в действительности располагает органом, а управляемое нет (по указанной причине – политической значимости государства на колонизируемой территории, не терпящего конкуренции со стороны иных организационных форм).

Особенностью переселения как исторического явления следует назвать его текучесть, отсутствие постоянного (а значит – имеющего возможность к самоорганизации) состава переселенцев. В подавляющем числе случаев переселение осуществляется разово или в определённый отрезок времени. «Перманентное переселение» отсутствует в связи с определением переселения как смены места постоянного жительства [19]. Постоянная смена акторов мешает выстраиванию правильных органов переселения, хотя, напомню, уже существующие социальные органы переселенцев могут нести и специфическую переселенческую нагрузку.

Представленная схема исследования позволяет увидеть механизм управления переселением как манипуляцию наборами прав и обязанностей акторов переселения. Само же переселение выступает как сеть полномочий и претензий (обеспеченных и необеспеченных полномочиями) на ресурсы. Что позволяет выявить такой подход? Во-первых, «вооружает» историческое исследование методами смежных социальных дисциплин, в данном случае – социологии, а в перспективе и экономики, снабжает инструментами для детального анализа социальной структуры переселения, положения отдельных групп переселенцев, взаимодействия этих групп, связи их с государством – интенсивности и качественной специфики. Во-вторых, позволяет увидеть переселение как целостное социально-политическое явление. Учёт изменений задач

¹ Для выявления и изучения органов переселения имеет большое значение специфика той социальной группы, выходы из которой попадают в фокус исследования. В случае, если речь идёт о таких традиционных для русской колонизации группах населения, как крестьяне или промысловики, то есть и смысл говорить о каких-либо традиционных формах организации переселяющихся (крестьянские общины, промысловые артели и т. п.). В случае же, когда речь идёт об относительно новых социальных группах-поставщиках переселенцев, например – промышленные рабочие на рубеже XIX – XX вв., то говорить об их переселенческих объединениях трудно [6, с. 148-150].

переселения от эпохи к эпохе даёт возможность оценить структуру переселения, степень её изменчивости и управляемости. В-третьих, такое видение переселения даёт возможность оценки переселенческой политики, сравнить эффективность управляемого и вольного переселения.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков / Отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.
2. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А – О). М.: Вече, АСТ, 1999. 544 с.
4. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб.: б. и., 1896.
5. Гамарник Я.Б. Советская колонизация Д. В. О. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 9. С. 3-8.
6. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 200 с.
7. Давыдов А.А. Системная социология. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.
8. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
9. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 7-28.
10. Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Управление колонизацией Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв.: очерк историографии // Вестник Морского государственного университета. Вып. XX. Серия: Общественные науки. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. 104 с. С. 65-72.
11. Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX – XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3. С. 112-120.
12. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42-51.
13. Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959. 255 с.
14. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. 479 с.
15. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
16. Осипов Ю. Н., Сергеев О. И. Сельскохозяйственное освоение Приамурья И Приморья во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма: Сб. науч. тр. / Под общ. ред А.И. Крушанова. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 156 с. С. 68-80.
17. Павенкова М. В. Налоговая система как институт социального управления. Дисс. ... канд. социологич. наук. СПб., 2001. 170 с.
18. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск: Изд-во ХГПИУ, 2003. 214 с.
19. Рыбаковский Л.Л. Сущность и понятие «миграция населения» [Электронный документ] // Библиотека РГИУ (Российского

государственного интернет-университета) URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/ribakovskiy_prakticheskaja/05.aspx [Дата обращения 18.07.2011].

20. Рыкунова Г.А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 – 60-е годы в XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф.: в 3-х вып. Вып. 2: Формирование населения и культурное освоение восточных районов Дальнего Востока России, международное сотрудничество в регионе. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН. 202 с. С. 41-43.

21. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920 – 1950-е г. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.

22. Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.

УДК 331.101.26

Олиевская М.Г.

Региональные аспекты управления человеческим капиталом

Regional aspects of management human capital

В статье проведены теоретические и прикладные исследования резервов формирования человеческого капитала региона, а также исследованы ключевые проблемы теории человеческого капитала. Определённо направления государственной и региональной политики, направленные на преодоление межрегиональных диспропорций социально-экономического развития Украины в контексте социальной безопасности.

Ключевые слова: *регион, социально-экономическое развитие, человеческий капитал, социальная безопасность, социальные угрозы, демографическая ситуация, образование*

The article presents the results of the theoretical and applied research of the reserves for the region's human potential increase and the key problems of Ukrainian Human capital theory are researched. The directions of the state and regional policy are marked which are oriented towards overcoming of interregional disparities in socio-economic development of Ukraine in the context of the social security.

Key words: *region, socio-economic development, human capital, social security, regional disparities, social threats, demographic situation, education*

Модернизация экономики Украины открывает новые возможности для обеспечения конкурентоспособности национальных товаров на мировых рынках, но требует оптимизации развития и размещения всех составляющих производительных сил; проблема их развития охватывает комплекс экономических, социальных и экологических аспектов функционирования хозяйств, эффективного использования экономического потенциала, территориальной организации производства с учётом экологической безопасности.

Конкурентоспособность национальной экономики в контексте обеспечения устойчивого экономического развития теоретики и практики трактуют, как способность страны создать условия для выработки конкурентоспособных на мировых рынках товаров и услуг и обеспечить повышение уровня и качества жизни населения.

Считаем, что в современных условиях, конкурентные преимущества Украины не ограничиваются лишь такими факторами как чрез-

---

ОЛИЕВСКАЯ Мирослава Григорьевна, к.э.н., доцент Ровенского института ВУЗа Открытого международного университета развития человека «Украина» (г. Ровно, Украина). **E-mail:** zmad@ukr.net

вычайно выгодное геополитическое положение и природные ресурсы, а потому стоит рассматривать и другие факторы, которые определяют конкурентную позицию, в частности человеческий потенциал и те его характеристики, которые существенно влияют на смену доходов занятого населения (человеческий капитал).

Без надёжных рычагов и эффективного использования человеческих ресурсов невозможно надеяться на устойчивое развитие отечественного производства, научно-технический и социальный прогресс, а с ними и на надлежащее место Украины в мировой экономике. И как пишет Е. Либанова «Опыт и экономически развитых стран и – ещё в большей степени – стран, которые сделали экономический рывок, свидетельствует о решающем значении самом человеческого капитала, качества рабочей силы, и мотивации эффективного труда» [1].

Безусловно, это нужно учитывать для обеспечения экономического и социального развития Украины, поскольку современная ситуация не позволяет полностью удовлетворить даже минимальные потребности населения, а ухудшение уровня и качества жизни украинцев предопределено низким уровнем доходов, деградацией жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры.

К тому же, современные тенденции регионального развития характеризуются процессами разбалансировки: одни регионы владеют ограниченными ресурсами и инновационными возможностями, зато другие регионы при значительном ресурсном потенциале и с инновационными возможностями не имеют механизмов реализации этого потенциала в рыночных условиях. Решение проблем развития регионов возможно за счёт системного исследования региональной экономики и применения комплексного подхода для выбора инструментов управления региональным развитием. Соответственно сегодня актуализируются вопросы реабилитации ресурсного потенциалу, формирование моделей возрождения регионов и обеспечения их устойчивого развития в зависимости от природных и человеческих ресурсов, финансовых, организационных, инвестиционных, инновационных и экологических факторов.

От умения эффективно использовать человеческий потенциал зависит расцвет или упадок производства, именно поэтому накопление такого потенциала должно быть приоритетом кадровой политики любого предприятия и социальной политики на государственном и региональном уровнях. Соответственно, проблемы формирования человеческого потенциала являются актуальными на всех уровнях социально-трудовых отношений: от индивидуального (где взаимодействуют наёмный работник и работодатель) до международного уровня.

Региональные факторы конкурентоспособности изучали Я. Базилук, В. Безугла, П. Беленкий, О. Бурдяк, Я. Жалело, Л. Федулова и другие. А среди известных специалистов по вопросам человеческого и социального развития О. Амоша [2], С. Бандур, Г. Беккер [12], О. Гришнова, Б. Данилишин, В. Куценко [3], А. Колот, Л. Лисогор [4], О. Макарова [5], Е. Либанова [1, 5], О. Новикова [2], В. Новиков, Л. Семив [6], Т. Шульц [13]. Их исследования и разработки выгодно выделяются среди многочисленных трудов иностранных и отечественных научных работников тем, что многогранные проблемы сохранения и развития человеческого потенциала рассмотрены в широком контексте неотложных социально-экономических проблем Украины.

Значительный взнос в изучение теории человеческого капитала сделали О. Головинов [8], О. Гришнова, С. Клишко [11], О. Макарова, В. Садовая; их научные исследования относительно постиндустриального общества, подтверждают взгляды о решающей роли человека в процессе экономического роста. Но, невзирая на значительное количество

научно обоснованных предложений, уровень и качество жизни украинцев не улучшается, а ухудшается. На наш взгляд, очень важно рассмотреть региональные аспекты управления человеческим капиталом.

Исследование региональных тенденций формирования и развития человеческого капитала и определение приоритетных направлений государственной и региональной политики в контексте обеспечения социальной безопасности является целью этой работы.

Сформированный или развитый в результате инвестиций и накопленный человеком определённый запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций и других производительных качеств, который целеустремлённо используется в той или другой сфере экономической деятельности, способствует росту производительности труда и благодаря этому влияет на рост доходов его владельца принято называть человеческим капиталом.

Исследования, которые проводятся учёными развитых стран мира, неоспоримо доводят высокую эффективность инвестиций в человеческий капитал, которая нередко превышает эффективность инвестиций в физический капитал. Теория человеческого капитала стала в этих странах поворотным пунктом в мотивации человеческого развития, тенденциях отношения к отраслям социальной сферы, которые обеспечивают это развитие (образования, здравоохранения, культуры, и тому подобное), в частности в аспекте ресурсного их обеспечения [6].

Следует признать, что инвестиции в человеческий капитал являются важным фактором экономического развития, ключевым фактором роста производительности труда и эффективности производства в целом.

Развитие человеческого капитала тесно взаимосвязано с социально-экономическим развитием и уровнем защищённости человека в стране [2]. А негативные тенденции в социально-экономическом развитии Украины и дифференциация регионального развития свидетельствуют об отсутствии такой защиты и наличии угроз социальной безопасности, которые являются последствиями низкой эффективности государственного и регионального управления социальными процессами. Среди социальных угроз основными является:

1. Отсутствие среднего класса. Опыт иностранных стран показывает, что укрепление позиций среднего класса возможно только параллельно с развитием человеческого капитала и обеспечением полноценной отдачи от его функционирования.

2. Низкая покупательная способность населения через неоправданно низкую стоимость украинской рабочей силы, которая не обеспечивает достойный уровень и качество жизни. Вместе с тем, низкий уровень отдачи от человеческого капитала для его владельцев снижает мотивацию к накоплению такого капитала.

3. Отсутствие условий сохранения и развития человеческого потенциала страны через неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры и низкий уровень инновационной образованности граждан. Как известно, в развитых странах функционируют гибкие и благоприятные программы привлечения квалифицированных работников. А за оценками экспертов, за пределами Украины работает около 30% украинских учёных, обогащая науку и экономику зарубежных стран [3].

4. Кризисная ситуация в финансировании социальной сферы, которая обусловлена отсутствием гарантированных обязательств государства относительно финансового обеспечения социальной сферы на региональном уровне, постоянным недофинансированием и неэффективностью механизмов распределения средств местных бюджетов, отсутствием у местной власти стимулов для поиска дополнительных источни-

ков финансирования социальной сферы [10].

5. Развитие негативных демографических тенденций в связи с низким уровнем здравоохранения, сокращением продолжительности жизни и тому подобное.

Улучшение благосостояния населения Украины и достижения европейских стандартов уровня жизни является определяющими факторами сохранения и развития человеческого капитала. Важную роль в его формировании играют прямые инвестиции на учёбу и профессиональную подготовку, здравоохранение, поиск информации и мобильность человеческих ресурсов.

Реальное состояние дел относительно использования человеческого капитала в Украине проанализируем на примере Ровенской области (одного из регионов Украины).

Исследование тенденций обеспечения человеческими ресурсами и возможностей формирования человеческого капитала в Ровенской области показали, что при общем уменьшении населения Украины, численность населения этого региона состоянием на 1 декабря 2010 года составляла 1152,7 тыс. граждан и с начала года увеличилась на 1051 граждан [14]. Но, невзирая на то, что регион имеет позитивный естественный прирост населения, здесь быстрыми темпами уменьшается численность экономически активного населения, а это означает неминуемое сокращение предложения на рынке труда и увеличения численности экономически неактивного населения.

Низкий уровень жизни населения, а также опасные условия труда, ухудшения качества природных ресурсов, недостаточная калорийность продуктов питания, отсутствие доступа к медицинским услугам и лекарствам сопровождается ухудшением состояния здоровья, которое негативно влияет на количественные и качественные показатели человеческого потенциала.

На демографическую ситуацию также влияет трудовая миграция: в течение 2010 года миграция человеческих ресурсов из одного региона в другой значительно преобладала над внешней миграцией.

Поскольку в Украине нагромождения человеческого капитала, прежде всего, осуществляется в форме повышения образовательного уровня населения, то в ходе исследования было обнаружено, что квалификационный уровень региональных человеческих ресурсов является одним из наивысших в Западной Украине. Сеть областных учебных заведений и квалификация исследовательского и учебно-преподавательского состава являются полностью достаточными для обеспечения необходимого образовательного и квалификационного уровня человеческих ресурсов.

Общеизвестно, что формирование численной группы населения с высоким и качественным образованием и обеспечения соответствующей отдачи от его использования:

во-первых, повышает экономическую, трудовую и творческую активность населения, которые положительно влияют на социально-экономические процессы в регионе, повышает эффективность труда и конкурентоспособность рабочей силы;

во-вторых, работники с высшим образованием могут зарабатывать больше, среди них значительно меньшая часть с низкой оплатой труда;

в-третьих, обеспечивает возможность использовать инновационные технологии в производстве;

в-четвёртых, расширяет ресурсные возможности, создаёт условия для экономического развития;

в-пятых, существенно повышает производительность труда за счёт технической оснащённости предприятий, производства высокотехнологической продукции, творческого и индивидуального отношения до тру-

да, лучшей его организации.

В то же время формирование человеческого капитала на уровне региона сталкивается с определёнными проблемами, среди которых выделяем:

1. низкий уровень материальной отдачи от использования человеческого капитала.

2. недостаточные возможности получения качественного общего и профессионального образования, повышения квалификации, на производстве, которое не стимулирует развитие человеческого капитала.

Основным элементом отдачи от человеческого капитала и источником удовлетворения материальных и частично духовных потребностей является заработная плата, которая у подавляющего большинства экономически занятых граждан является сегодня низкой и не выполняет свою стимулирующую функцию. Так, в течение 2010 года среднемесячная заработная плата в Ровенской области выросла против уровня 2009 года на 24,3% (при 20% рост по Украине) и составляла 1960 грн.. За темпами прироста заработной платы регион занимает второе место среди регионов Украины.

В экономике области остаётся значительной дифференциация уровней оплаты труда среди видов экономической деятельности: наивысший уровень оплаты труда в январе – ноябре 2010г. наблюдался в финансовой сфере (2822 грн.), промышленности (2590 грн.), деятельности транспорта (2360 грн.); среди промышленных видов деятельности – на предприятиях из производства и распределения электроэнергии, газа и воды (4094 грн.).

Ниже от среднего уровня остаётся заработная плата в социальной сфере: здравоохранении и предоставлении социальной помощи – 1509 грн., деятельности в сфере культуры и спорта, отдыха и развлечений, – 1628 грн., образованию – 1732 грн.. Самая низкая заработная плата зафиксирована в работников деятельности гостиниц и ресторанов – 818 грн., сельского хозяйства, охоты и связанных с ними услуг, – 1037 грн.. Вместе с тем, отдельные предприятия имеют задолженность из выплаты заработной платы своим работникам. [14].

Низкий уровень отдачи от человеческого капитала порождает другие проблемы, такие как низкий уровень среднедушевого дохода и несоответствующий уровень жизни.

Таким образом, такое конкурентное преимущество как профессионально образовательный уровень украинской рабочей силы является неустойчивым, существует реальная угроза его потерять.

При этих условиях и для обеспечения социальной безопасности возникает необходимость разработки совершенного механизма согласования интересов государства и регионов, формирования системы приоритетных заданий государства, с учётом региональных особенностей и кадровой политики предприятий (таблица 1). Соответственно приоритеты должны быть расставлены таким образом, чтобы не только сохранить существующий человеческий потенциал, но и обеспечить его формирование и развитие.

Отмеченные мероприятия являются репрезентативными для большинства дотационных регионов Украины и в случае их реализации могут обеспечить качественное управление человеческим капиталом для создания стабильного механизма развития государственной и региональной экономик, улучшения благосостояния населения Украины, достижения европейских стандартов уровня жизни.

Кроме того, стоит помнить, что при преодолении избыточных межрегиональных диспропорций в социально-экономическом развитии и проблем формирования человеческого капитала регионов, эффектив-

Таблица 1. Приоритетные направления управления человеческого капиталом

Государственная политика	Региональная политика	Кадровая политика предприятий	Ожидаемые результаты
Программы развития социальной инфраструктуры	Увеличение сети социальных объектов; дифференциация предоставления услуг; обеспечение доступа граждан к отраслям социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования)	Пересмотр содержания компенсационных пакетов работникам	Управление развитием человеческого капитала, повышения уровня и качества жизни населения
Определения стратегии финансирования социальной сферы	Объединение ресурсов из разных источников	Участие в спонсорской и благотворительной деятельности	
Внедрение общеобязательного медицинского страхования	Обеспечение доступности лечения и профилактики	Участие работников предприятия в добровольном медицинском страховании	
Программы борьбы с хроническими заболеваниями	Обеспечение населения региона качественным медицинским обслуживанием с целью профилактики опасных болезней	Улучшения охраны труда	
Финансирование подготовки квалифицированных кадров по программе государственного заказа	Увеличение финансирования образования и науки	Обеспечение необходимых условий для внедрения непрерывного образования работников; обеспечение возможности регулярного повышения квалификации на производстве	
Программы сохранения научного потенциала и расширения инновационных процессов	Обеспечение доступа населения региона к образовательным программам и повышению качества общего и профессионального образования	Частичная компенсация расходов на оплату образования; существенное повышение уровня моральной отдачи от человеческого капитала	

Усовершенствование нормативно правовой базы относительно формирования и эффективного функционирования учебно-образовательных центров, технопарков, технополисов; государственная приоритетная поддержка ведущих научно-исследовательских заведений	Развитие инфраструктуры научной деятельности; привлечение научных работников к фундаментальным исследованиям и формированию стойких взаимосвязей между образовательной и научной деятельностью на основе проектов, которые объединяют ученых и преподавателей с обособленной частью государственного и регионального финансирования	Привлечение высококвалифицированных работников в производственный процесс; сохранение ведущих работников и недопущение их миграции в другие сферы деятельности и за границу	Управление развитием человеческого капитала, повышение уровня и качества жизни населения,
Постепенное повышение размера минимальной заработной платы	Рациональное использование бюджетных поступлений	Сочетание повышения заработной платы и увеличение социального пакета; обеспечение тесной взаимосвязи между уровнем образования и квалификацией работников и размерами их заработной платы	
Участие и чёткая позиция в социальном диалоге	Мониторинг социально-трудовой сферы	Регуляция социально-трудовых отношений путём заключения коллективных договоров	
Охрана и рациональное использование природных ресурсов	Обеспечение экологически безопасных условий обитания населения	Использование безопасных и безотходных технологий	

Источник: [1 – 13].

ними также есть мероприятия непрямої регуляції, направленні на удосконалення інвестиційного клімату, розвиток інфраструктури, створення нових робочих місць, спрощення умов реєстрації та звітності суб'єктів ведення господарства.

Економічне та соціальне розвиток України в майбутньому в значительній ступені залежить від відносин суспільства до формування та збереження людського капіталу, це передбачає здійснення наступних прикладних досліджень та наукових розробок в цьому напрямку.

Литература

1. Головінов О. М. Людський капітал у системі виробничих відносин [Текст] / О. М. Головінов // Донецький держ. Ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. Донецьк, 2004. 161 с.
2. Данилишин Б. Соціальна безпека – підґрунтя сталого розвитку [Текст] / Б. Данилишин, В. Куценко // Вісник національної академії наук України. 2010. № 1. С. 20-28.
3. Жук В.І. Щодо пріоритетів фінансування соціальної сфери на місцевому рівні [Текст] / В.І Жук // Стратегічні пріоритети. 2010. № 2(15). С. 139-144.
4. Зелінська Г.О. Регіональні особливості формування, оцінювання та використання людського капіталу: Монографія / Г.О. Зелінська, У.Я. Садова, Я. С. Вітвицький. Івано-Франківськ: ІФНТУНГ, 2006. 124 с.
5. Климко С. Г. Людський капітал: світовий досвід і Україна [Текст] / С. Г. Климко, В. М. Пригода, В. О. Сизоненко. К.: Основа, 2006. 224 с.
6. Лібанова Е. Соціальні проблеми і соціальні важелі конкурентоспроможності української економіки / Е.М. Лібанова // Демографія та соціальна економіка. 2008. № 2. С. 5 – 19.
7. Лісогор Л. Конкурентність ринку праці: механізми реалізації /Л.С. Лісогор // К.: Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, 2005. 168 с.
8. Людський потенціал: механізми збереження та розвитку: Монографія / НАН України. Ін-т економіки пром-сті / О.Ф. Новікова, О.І. Амоша, В.П. Антонюк та ін. Донецьк, 2008. 468 с.
9. Макарова О.В. Дослідження соціально-демографічних проблем в Україні з метою розробки науково обґрунтованих комплексних демографічних прогнозів) / Лібанова Е.М., Шевчук П. Є., Макарова О.В. та ін. // К.: ВД «Стилос», 2007. 132 с.
10. Макарова О. Людський розвиток в Україні: інноваційний вимір (колективна монографія) За ред. Е.М.Лібанової. / Боліла Т.В., Горемікіна Ю.В., Грішнова О.А та ін. // К.: Інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, 2008. 316с.
11. Семів Л. Регіональна політика: людський вимір: Монографія / Л.К. Семів. Львів: «Львівська політехніка», 2004. 392 с.
12. Підсумки економічного та соціального розвитку Рівненської області за 2010 рік [Електронний ресурс]. URL: <http://oblrada.rv.ua>.
13. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago: The University of Chicago Press, 1964.
14. Shultz T. Investment in Human Capital / T. Schultz // The Free Press New York, 1971.

УДК 303.8

Журбей Е.В.

«Мозговые центры» и внешняя политика Австралийского Союза: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy of the Commonwealth of Australia: Background

---

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе современного Австралийского Союза. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Австралии и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую австралийским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

The article is devoted to the history of the Institute «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary Commonwealth of Australia. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of Australia and their foreign counterparts. The article discussed in detail the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Australian leadership's foreign policy.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Статья, посвящённая истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе Австралии, продолжает серию публикаций о мозговых центрах стран АТР. Цикл публикаций был открыт статьёй о мозговых центрах Китая, что вполне закономерно [1]. Китай является нашим соседом и крупнейшим партнёром в регионе АТР. Перспектива обнаружить в Китае мозговые центры схожие с российскими аналогами была ключевым мотивом в выборе очерёдности страны в списке «потенциальных претендентов» из АТР. На очереди Австралия и её мозговые центры.

Австралийский Союз занимает ключевое положение в южно-тихоокеанском регионе благодаря своему географическому положению, специфике влияния на сопредельные страны региона, а также устоявшимся стратегическим партнёрским связям с США, Новой Зеландией и странами Океании. Можно много писать об уникальности Австралии

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

как страны, но австралийские политики ничем не отличаются от своих «собратьев» в США, Канаде, Японии или Китае. Они точно также нуждаются в информации. Потребность в своевременной и качественной информации первопричина появления мозговых центров. Австралийские мозговые центры не являются тому исключением.

Австралийские политики и правительственные учреждения сталкиваются сегодня с информационной лавиной, которая готова их поглотить. Объём настолько существенный, что они не могут адекватно в нём разобраться и использовать нужную информацию. Ключевая проблема заключается в том, что «эта информация часто оказывается бессистемной, ненадёжной или искажённой интересами тех, кто её распространяет» [4]. Можно предположить, что большая часть этой информации является бесполезной с практической точки зрения, но политики тратят существенное время для того чтобы прийти к пониманию этой бесполезности. В этой связи, «политикам и другим лицам, заинтересованным в политическом процессе, необходима такая информация, которая была бы своевременной, понятной, надёжной, доступной и полезной» [4].

Потребность в такой информации вызвала к жизни специализированные группы институтов, которые мы именуем «мозговые центры». На сегодняшний день не существует единого и общепринятого определения для термина «мозговой центр». В этом мы сумели убедиться, исследуя проблематику мозговых центров в Китае [1]. В своём исследовании мы будем руководствоваться определением «мозгового центра» предложенного профессором Гарвардского университета Стивеном Буше, который сформулировал девять критериев характеризующих исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политики; в-третьих, благодаря штату сотрудников посвятивших свой полный рабочий день исследованию; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственность за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в производстве общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур [2, р. 2-3]. В результате нас будут интересовать австралийские организации, занимающиеся исследованием и анализом внешней политики. Нам предстоит столкнуться с различными типами австралийских мозговых центров, что вынуждает нас обратиться к вопросу их типологии. Используем типологию Джеймса Макгана. Он выделял следующие типы мозговых центров:

- ◆ Партийный – официально связанный с политической партией;
- ◆ Государственный – входящий в структуру власти;
- ◆ Автономный и независимый – в значительной степени не зависящий от какой-либо заинтересованной группы или спонсора и автономный от правительства в своей деятельности и финансирования;
- ◆ Университетский – политологический центр при университете;
- ◆ Квази-государственный – финансируемый исключительно за счёт государственных грантов и контрактов, но не входящий в официальную структуру власти;
- ◆ Квази-независимый – автономный от правительства, но контро-

лируемый заинтересованной группой, спонсором или заказчиком, обеспечивающим основное финансирование и оказывающим значительное влияние на деятельность аналитического центра [4].

Предложенная типология лежит в основе исследования «Global Go To Think Tank», которое ежегодно проводится Джеймсом Макганом в рамках программы «Мозговые центры и Гражданское общество» университета Пенсильвании в США [5]. Исследование представляет собою всеобъемлющий рейтинг крупнейших в мире аналитических центров, основанный на экспертном опросе полутора тысяч учёных, политиков, журналистов. Рейтинг учитывает 6480 мозговых центров, которые подвергнуты градации (например, с учётом географического принципа нахождения) (рис. 1) [5, p. 19].

География относит Австралию к региону Океания. На долю Океании приходится 1% всех мозговых центров мира, что в числовом значении составляет 39 центров [5, p. 20]. Из 39 учтённых аналитических центров Океании на долю Австралии приходится 29 центров, 6 на долю Новой Зеландии, 2 находятся в Папуа-Новой Гвинее и по одному располагаются на Фиджи и Самоа [5, p. 25]. Цифры указывают на несомненное региональное лидерство Австралии по числу размещённых в ней мозговых центров.

В 50 крупнейших аналитических центров мира (исключая центры США) входят два австралийских. 27 строчку данного рейтинга занимает «Институт международной политики Лоуи» (The Lowy Institute for International Policy) и 43 строчку занимает «Центр независимых исследований» (Center for Independent Studies) [5, p. 31]. Оба центра являются автономными и независимыми (по «типологии Макгана»).

Институт Лоуи сравнительно молодой центр. Он был основан в апреле 2003 г. крупным австралийским бизнесменом Франком Лоуи [12]. За

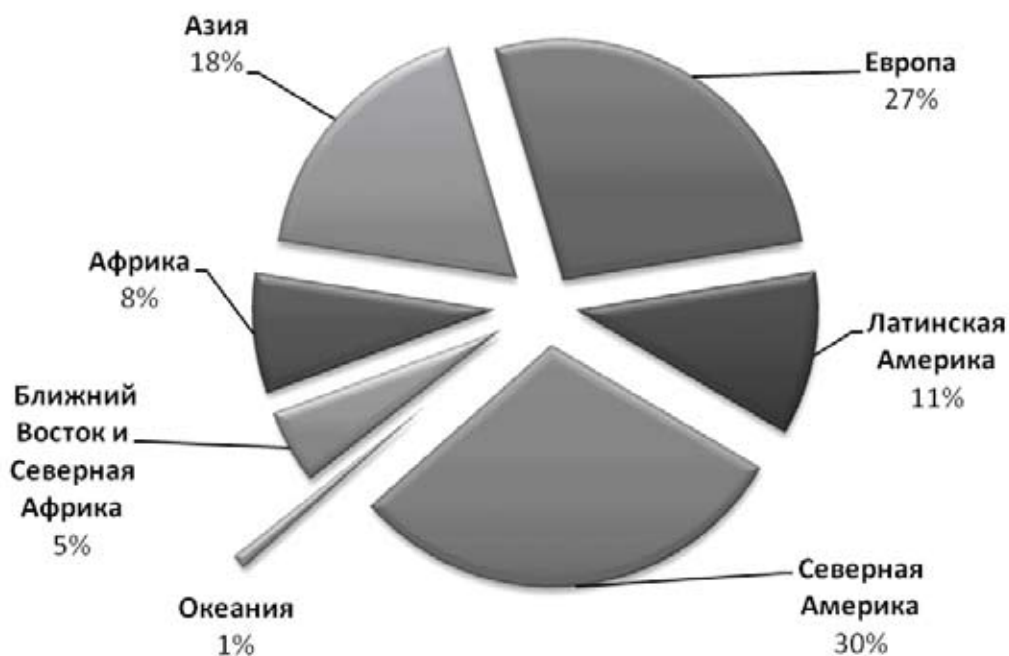

Рис. 1. Мозговые центры мира (всего 6480 единиц, что составляет 100%) [5, p. 19].

столь короткий период своего существования мозговой центр смог зарекомендовать себя в качестве серьёзного экспертного центра для австралийских политиков, бизнесменов и широкой общественности. Институт специализируется в области международной политики. Заявленная цель концентрирует усилия института на продуцировании новых идей и диалога по вопросам международного развития и роли Австралии в современном и быстроменяющемся мире. Сфера интересов института не ограничивается географическими рамками региона и какой-то одной из сфер общественной жизни. Цель реализуется через два магистральных направления деятельности центра [12]. Во-первых, это проведение уникальных исследований и новых вариантов политики. Сотрудники института акцентируют своё внимание на вопросах вовлечённости Австралии в мировую политику и международные отношения, а результаты своих исследований предоставляют политической элите Австралии для дальнейшего генерирования идей в области внешней, экономической политики и безопасности. Во-вторых, содействовать широкому обсуждению роли Австралии через иницилируемые институтом дискуссии, семинары, лекции, диалоги и конференции.

Институт подчёркивает свой независимый и беспартийный статус, что позволяет ему быть открытой площадкой для обсуждения различных политических идей (либеральных, консервативных, социал-демократических и др.).

Наибольший интерес с точки зрения вклада во внешнюю политику Австралийского Союза представляют следующие исследовательские программы центра.

Во-первых, программа под названием «Международная безопасность» (формирование нового мирового порядка в Азии, последствия «подъёма» Индии и Китая для региона, проблематику безопасности в Индийском и Тихом океанах, контроля над ядерными вооружениями, нераспространения и разоружения и др.). Руководителем программы является Рори Мидкалф.

Во-вторых, это программа под названием «Восточная Азия» (проблематика восточноазиатского регионализма, региональной экономической интеграции в Северо-Восточной Азии и Юго-Восточной Азии, а также глобальной роли Восточной Азии в таких вопросах как изменение климата, многосторонних реформах и др). Одним из свежих исследований в рамках данной программы является исследование «Китайско-российская безопасность и крах энергетических отношений». Руководитель программы Линда Якобсон, с коллегами по Стокгольмскому международному институту исследований проблем мира (СИПРИ) опубликовала обширный отчёт о безопасности Китая и энергетических отношений с Россией. В докладе, авторы приходят к выводу, что рост мощи Китая «напрягает» стратегическое партнёрство с Россией.

В качестве отдельной программы можно рассматривать ежегодный опрос общественного мнения по национальной репрезентативной выборке взрослого населения Австралии по вопросам внешней политики (The Lowy Institute Poll). Первый опрос был проведён в 2005 г. Результаты данного исследования широко цитируются австралийскими и зарубежными СМИ.

Институт Лоуи управляется Советом директоров, в состав которого входят люди хорошо себя зарекомендовавшие в сфере общественной политики, науки и бизнеса (например, в Совете директоров сегодня заседают два отставных дипломата, а именно Мартин Индик бывший посол США в Израиле и Майкл Таули бывший посол Австралии в США) [12].

43 строчку в рейтинге 50 крупнейших мозговых центров (за исключением США) занимает «Центр независимых исследований», который

был основан в апреле 1976 года Грегом Линдсей [8]. Сегодня центр является ведущей независимой организацией в исследовании и инициировании государственной политики в Австралии. Принципиально не принимает государственной финансовой помощи. Центр активно занимается поддержкой свободы предпринимательства и свободного общества, а также на постоянной основе снабжает государственные органы власти критически ценными знаниями, а также стимулирует дискуссии среди ведущих учёных, политиков, журналистов, а также широкой общественности Австралии и региона Океании. Центр имеет филиал в Новой Зеландии.

Несмотря на то, что в качестве одной из научных программ центра заявлена внешняя политика, данный мозговой центр нельзя отнести к ведущим консультантам правительства в вопросах внешней политики и международных отношений. Косвенным подтверждением чему является приглашённый статус руководителя программы внешней политики Центра. Сегодня руководителем является Джон Ли, профессор Центра международных исследований в области безопасности Сиднейского университета.

В силу того, что из 39 мозговых центров Океании 29 приходится на Австралию, авторы «рейтинга Макгана» ради большей конкуренции соотнесли центры Океании с центрами Азии. Авторы предложили номинацию 25 крупнейших мозговых центров Азии. В это число попали 2 австралийских центра. 8 строчку регионального рейтинга занимает корейский филиал Института международной политики Лоуи, а на 19 строчке разместился «Австралийский институт международных отношений» (Australian Institute for International Affairs, AIIA) [5, p. 38].

«Австралийский институт международных отношений» является независимой, некоммерческой организацией, деятельностью которой направлена на поощрение интереса и понимание внешней политики Австралии, и её положение в современной системе международных отношений. Институт является дискуссионным форумом, организует программы лекций, семинаров, симпозиумов, конференций. Институт был образован в 1924 году и приобретает статус федерального в 1933 году [7]. По настоящее время Австралийский институт международных отношений является единственной общенациональной организацией такого рода в Австралии, которая имеет представительства во всех австралийских штатах. Сегодня это 7 представительств внутри Австралии, а также Национальное управление Институтом в Канберре [7]. Мозговой центр финансируется за счёт взносов членов, небольших субсидий правительства и иных источников.

Институт предоставляет широкий спектр возможностей для распространения информации и свободного выражения взглядов по этим вопросам путём обсуждения и научных публикаций. Особенностью деятельности данного мозгового центра является принципиальная позиция, которая заключается в том, что центр официально не выражает собственное мнение по тем или иным международным делам. Данная позиция прописана в уставных документах Института, который следует воспринимать именно в качестве дискуссионного форума для предоставления и обсуждения широкого спектра мнений и позиций. Национальное управление мозговым центром координирует работу Института и стимулирует развитие четырёх ключевых направлений деятельности [7]:

Во-первых, предоставление дискуссионной площадки федерального уровня путём организации лекций, семинаров и практикумов для своих участников, членов. Статистика указывает на то, что ежегодно Институт организует более 150 мероприятий по все стране;

Во-вторых, распространение идей. На протяжении всех десятиле-

тий своего существования Институт принимает участие в дискуссиях по ключевым вопросам международных отношений посредством публикаций. В настоящее время Институт издаёт «Австралийский журнал по международным делам» (Australian Journal of International Affairs) [7]. Журнал был основан в 1946 году и по сей день является ведущим периодическим изданием в сфере международных отношений в Австралии. В 2008 году журнал занимал 34 место в мировой рейтинге цитирования (ISI World Citation Rankings), с импакт-фактором в 0,482 балла [7]. Институт также издаёт серию книг «Австралия в мировой политике» по вопросам внешней политики Австралии. Эта серия книг издаётся с 1950-х гг.

В-третьих, обучение в сфере международных отношений. Институт активно работает над социализацией, просвещением населения по международным вопросам. Акцент делается на просвещение молодёжи через инструменты научных школ для молодых учёных, стажировки, ярмарки карьеры и т.д.

В-четвёртых, активное партнёрство. Институт стремится к сотрудничеству с родственными институтами и другими организациями, в Австралии и за рубежом. Поддерживая тесные связи, центр формирует общественное мнение, позиции австралийского политического, научного сообщества по злободневным проблемам международной жизни, расширяет собственные представления и несёт позитивный имидж Австралии за её пределы.

За свою историю сотрудниками Института были видные австралийские деятели: бывший премьер-министр Роберт Мензис, бывшие верховные судьи Гарфилд Барвик, Джон Латам и Оуэн Диксон, бывший генерал-губернатор лорд Кейси. Квентин Брайс, генерал-губернатор Австралии, является почётным членом Института [7].

Из 25 лучших аффилированных с университетами центров два оказались из Австралии (университетские мозговые центры – по «типологии Макгана»). Вслед за Московским государственным университетом международных отношений (МГИМО, 18 строчка) идёт «Центр стратегических и оборонных исследований» Австралийского национального университета, 19 строчка рейтинга (Strategic and Defence Studies Centre (SDSC), Australian National University, Australia) [5, p. 51].

Центр стратегических и оборонных исследований является частью Школы международных, политических и стратегических исследований в Колледже АТР, Австралийского национального университета (АНУ) [13]. Целью Центра является содействие изучению стратегических проблем, особенно тех, которые затрагивают вопросы военной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Научные изыскания Центра включают в себя военные, политические, экономические, научные и иные аспекты стратегического развития в регионе АТР, а также вопросы военной безопасности и мирного урегулирования текущих и потенциальных конфликтов.

Долгое время имидж Центра формировался благодаря Университету, который в 2008 году занял 16 место в рейтинге 100 лучших университетов мира, по мнению Times Higher Education Supplement [13]. В 2007 году АНУ занял 3 место в списке ста лучших университетов Азиатско-Тихоокеанского региона и 55 место (500 лучших университетов) в академическом рейтинге опубликованным Шанхайским университетом [13].

Попадание Центра в список 25 лучших университетских мозговых центров (рейтинг «Global Go To Think Tank») свидетельствует о том, что Центр прочно встал на ноги и готов работать на благо университета в репутационном плане.

Центр стратегических и оборонных исследований является авторитетным экспертом в сфере стратегических и оборонных исследований в

Австралии. Сотрудники Центра активно привлекаются правительством страны к консультациям по вопросам стратегии и обороны, а также проводят многочисленные лекции, семинары для сотрудников государственных ведомств. Например, одним из «заказчиков» услуг Центра является Австралийский колледж обороны, где эксперты Центра читают профильные образовательные курсы. Центр также предоставляет консультации и учебные курсы по вопросам военной безопасности и стратегии Министерству обороны, а также Министерству иностранных дел и внешней торговли Австралии.

Центр был основан в 1966 году при университете. Сегодня участие в деятельности Центра не ограничивается сотрудниками университета, но включает и других заинтересованных профессионалов (учёные, эксперты), дипломатов (бывших и нынешних), парламентариев федерального и регионального уровней и др. [13]. В деятельности Центра можно выделить три ключевых направления:

Во-первых, научные изыскания и экспертная аналитика. Центр осуществляет независимые исследования в сфере обороны и стратегии. Центр призван содействовать интенсификации стратегических исследований в Австралии, особенно в Азиатско-Тихоокеанском контексте. Центр располагает успешной практикой в вопросах австралийской оборонной политики, а также имеет опыт и заинтересованность в отношениях обороны Австралии со своими азиатскими соседями и Южной части Тихого океана.

Во-вторых, образование и профессиональная подготовка. Университетский статус позволяет Центру быть прекрасной кузницей кадров для правительственных структур Австралии. Центр создал прекрасные условия для аспирантов в проведении научных исследований. Центр активно участвует в программах исследований и анализе в сфере обороны и региональной политики безопасности на долгосрочную перспективу. Качественный состав и опыт сотрудников, и иностранных приглашённых экспертов позволяет представлять экспертные заключения для правительства и других заинтересованных учреждений. Центр является лидером в предоставлении консалтинговых услуг, как в Австралии, так и в регионе в сфере военного строительства и эффективного распределения ресурсов, имеющих отношение к обороне.

В-третьих, информационно-пропагандистская деятельность и политические коммуникации. Центр имеет давние профессиональные связи с другими австралийскими и зарубежными университетами и мозговыми центрами, которые специализируются в вопросах стратегии и военной безопасности. Центр нацелен на создание широкой структуры взаимодействия на основе обмена идеями, личных контактов, совместных проектов. Активно взаимодействует с национальными и мировыми СМИ. Центр на постоянной основе принимает участие в работе Совета по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific).

Ещё одним университетским мозговым центром Австралии, попавшим в рейтинг крупнейших мировых аналитических центров, оказался «Центр глобализации и развития» университета Бонда (Globalization and Development Centre, Bond University), но необходимо сразу отметить, что центр не специализируется во внешнеполитической тематике [9]. Центр был основан в 2007 году. В фокусе интересов центра макроэкономические процессы в регионе АТР, а также суть процесса глобализации и её последствий для общества, государства и личности. Центр занимает 25 место из 25 мировых университетских мозговых центров [5, p. 51].

Отметим, что в трёх ключевых для нас позициях не фигурирует ни один австралийских центров, а именно в позициях: «Безопасность

и международные отношения», «Государственные аффилированные мозговые центры», «Партийные аффилированные мозговые центры». Вместе с тем отметим, что в позиции «Лучшие новички» (за последние 18 месяцев) появился один австралийский центр, а именно Институт Грейтона (Grattan Institute) [10]. Институт занимает 12 позицию из 25 возможных, но сфера деятельности также лежит вне сферы внешней политики и международных интересов [5, p. 47]. Текущие программы Института сосредоточены на вопрос производительности труда, городском развитии, школьном и высшем образовании, энергетике.

Из 29 австралийских мозговых центров в рейтинг «Global Go To Think Tank» входят 6 центров. Если сравнить с российским представителем, то мозговые центры Австралии опережают по признанию своих российских «собратьев». Россия представлена МГИМО (его рассматривает в качестве мозгового центра), Институт мировой экономики и международных отношений (квази-государственный мозговой центр) и московский филиал Центра Карнеги. Чем это обусловлено? Есть множество возможных объяснений, но главное заключается в том, что мозговые центры Австралии интегрированы в глобальную интеллектуальную сеть мозговых центров. Изначально как мы знаем, мозговые центры появились в США и в Великобритании, что заставляет говорить о существовании некой англо-саксонской модели построения и функционирования подобных центров. Австралия наряду с Канадой и Новой Зеландией имели и продолжают поддерживать тесные связи со своей метрополией Великобританией, а также тесные союзнические отношения с Соединёнными Штатами. Эти связи не обошли стороной и деятельность мозговых центров. Значительная часть которых, поддерживает отношения с центрами США или Великобритании. Например, «Австралийский институт международных отношений» поддерживает отношения с Королевским институтом международных отношений «Chatham House» в Великобритании (1 место в рейтинге мировых мозговых центров за исключением центров США) [5, p. 30].

Исторические и политические традиции Австралии сродни традициям Великобритании, а также весьма близки и адаптивные традициям Соединённых Штатов. «Прогрессивная эра» в Австралии наступила на 20-30 лет позже её пика в США. Корпоративная благотворительность, жёсткая конкуренция между политическими партиями, приверженность к открытости и свободе привели к нивелированию возможных барьеров для людей, занимающихся политической аналитикой, экспертизой в их стремлении выйти на рынок идей и желанию внести свой вклад в политический процесс государства [4]. Австралийцы чуть позднее, чем американцы пришли к пониманию того, что мозговые центры способны работать более эффективнее, чем бюрократическая система. Сегодня же понимание эффективности мозговых центров в Австралии практически не оспаривается.

Центры Австралии, проводя многочисленные исследования и анализ внутриполитических и внешнеполитических проблем, способствуют интеллектуальному синтезу, возникающему благодаря разрушению бюрократических барьеров, так как они [4]:

- ◆ лучше, чем правительственные учреждения, умеют распространять актуальные результаты исследований внутри правительства и за его пределами – среди политической элиты, СМИ и общественности;
- ◆ лучше справляются с комплексным характером глобальных политических проблем;
- ◆ лучше умеют собирать и привлекать лиц, заинтересованных в политическом процессе;
- ◆ лучше умеют изучать весь политический процесс – от сбора дан-

ных до создания знаний и политики;

- ◆ имеют более полное представление о средствах реализации поставленной цели, чем государственные бюрократии, которые бывают внутренне раздроблены по департаментам и областям специализации;

- ◆ более склонны ставить политические задачи в новой конфигурации, тогда как бюрократия процветает в максимально безопасном режиме стандартных рабочих процедур;

- ◆ более эффективно ориентированы на будущее, чем государственные научные сотрудники, которые работают в таких условиях, что порывы к созидательному разрушению редко вознаграждаются;

- ◆ лучше умеют содействовать сотрудничеству между различными группами исследователей ради общей цели. Поскольку не имеют постоянной заинтересованности в одной сфере.

Функционально австралийские мозговые центры ничем не отличаются от своих заокеанских собратьев. Независимо от своей структуры аналитические центры Австралии выполняют один набор ключевых функций, в том числе [4]:

- ◆ проведение исследований и анализа политических, экономических и иных проблем;

- ◆ консалтинг по актуальным вопросам внутренней и внешней политики;

- ◆ оценка правительственных программ;

- ◆ толкование политики для СМИ, что облегчает понимание и поддержку политических инициатив общественностью;

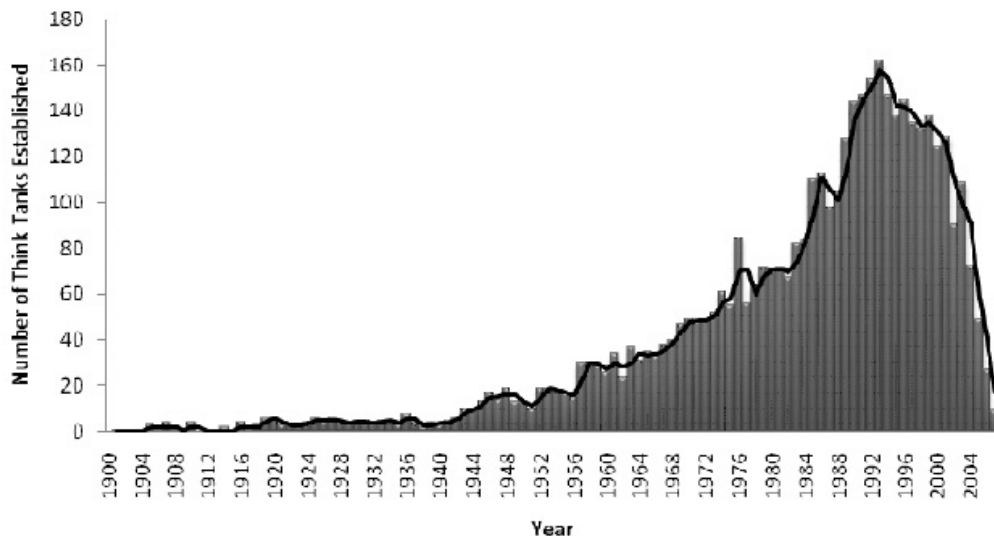
- ◆ содействие построению «тематических сетей», вовлекающих разнообразный набор действующих лиц, которые встречаются специально по конкретному политическому вопросу или проблеме;

- ◆ поставка кадров на ключевые должности в организации власти.

Мозговые центры Австралии прочно занимают свою специфическую нишу в политической системе страны, но они прошли сложный путь своего становления.

Исторически первым мозговым центром Австралии принято считать возникший в 1924 году «Австралийский институт международных отношений», который тогда в большей степени походил на квази-государственную фабрику мыслей. Появление первых независимых центров относится уже к послевоенному периоду, но процесс появления не был опосредован гибким, плюралистическим характером рынка идей, а в большей степени был задан потребностью крупного бизнеса в легитимации своей деятельности [6].

«Прогрессивная эра» Австралии приходится на послевоенный период. Именно тогда австралийский бизнес созрел для того активно позиционировать в качестве социально ответственного игрока, что требовало новых и эффективных инструментов такой социальной легитимации. В качестве инструмента и выступили мозговые центры. Крупный австралийский бизнес созрел для их финансирования. На первых порах мозговые центры порою выполняли функции групп интересов, лоббистских групп. По сей день среди части интеллектуалов с левыми взглядами существует мнение, что мозговые центры являются орудием влияния крупного бизнеса. Эти центры создали разветвлённую сеть связанных между собой групп интересов, которые работали в направлении жёсткого лоббирования, влияния на органы законодательной и исполнительной власти Австралии. Центры активно позиционируют себя в качестве независимых, но финансово зависят от бизнеса. Вместе с тем отметим, что финансирование мозговых центров в Австралии со стороны бизнес-структур существенно уступает уровню аналогичного финансирования в США и Великобритании [6].

Рис. 2. Общемировая динамика роста численности мозговых центров [5, р. 20].

Проследим динамику количественного роста мозговых центров Австралии. На *рис. 2* показана общемировая динамика количественного роста мозговых центров [5, р. 20]. Мы видим, что период 1900 – 1940 гг. отмечается низкой «рождаемостью» центров, и Австралия не является исключением. Львиная доля появившихся в этот период мозговых центров приходится на Соединённые Штаты, на период так называемой «Прогрессивной эры». С 1940 года наблюдается постепенный рост «рождаемости», который своего пика достигает в 80-90-е гг. XX в. и захватывает первое десятилетие XXI в.

Австралийская «рождаемость» мозговых центров представлена на *рис. 3* [3, р. 5]. Динамика роста численности центров в Австралии практически полностью совпадает с общемировой динамикой. Специфика Австралии заключается в том, что существенный рост приходится на период 90-х гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. В австралийской динамике отслежено появление 16 мозговых центров, но на 2011 год их уже 29, что подчёркивает дальнейшую положительную динамику «рождаемости» центров.

Почему Австралия запаздывает с появлением мозговых центров? Ответ уже был дан. Если мы рассматривает мозговые центры в качестве противовеса государственной бюрократии и выше указали на существенную их эффективность перед бюрократией, то причина кроется в вопросе источников к существованию, в финансировании. Государство не могло стать таким первоисточником. Первым донором мог стать только бизнес. «Австралийский институт международных отношений» (основанный в 1924 году) не вписывается в данную модель по причине своей изначально квази-государственной природы. До второй мировой войны австралийский бизнес использовал партийные инструменты влияния, ассоциации выпускников школ и университетов и иные уже имеющиеся социальные сети, которые до поры до времени удовлетворяли их потребности в социальной легитимации и в лоббизме. Мозговые центры смогли предложить принципиально новые социальные сети (конференции, журналы, аналитику) для более целенаправленно воздействия на власт-

ные институты [6]. Политические, экономические и интеллектуальные элиты послевоенной Австралии осознали потребность в установлении доверительных, «интимных» связей друг с другом [14].

На смену бизнесу пришли частные пожертвования, которые, как правило, имели те же самые бизнес истоки. Успешные бизнесмены, создавшие свои империи, отходили от реального управления делами и сосредотачивали свои усилия на благотворительности, спонсорстве. Показателен пример Франка Лоуи.

«Институт Лоуи» является наиболее динамично развивающимся мозговым центром и это развитие в большей части стало возможно благодаря солидным (по меркам Австралии) финансовым вливаниям. Долгие годы австралийские центры по суммарным доходам значительно уступали (продолжают уступать) американским или английским мозговым центрам. Франк Лоуи послал сигнал всему «мозговому сообществу» Австралии выделив 30 миллионов долларов для создания с нуля «собственного» мозгового центра – «Института Лоуи» [11]. Еврейский эмигрант из Венгрии, бежавший от фашистов и за пять десятилетий упорного труда сколотивший состояние задал новую планку всему сообществу «мозговых центров» Австралии.

Созданный по американским лекалам Институт Лоуи в одночасье привлёк к себе наиболее авторитетных политологов, экономистов и иных австралийских и зарубежных экспертов. Финансирование Института сегодня находится на уровне очень хорошего американского мозгового центра, что моментально позволило Институту пробиться в высшую лигу мировых «мозговых центров», а вскоре обойти своих австралийских

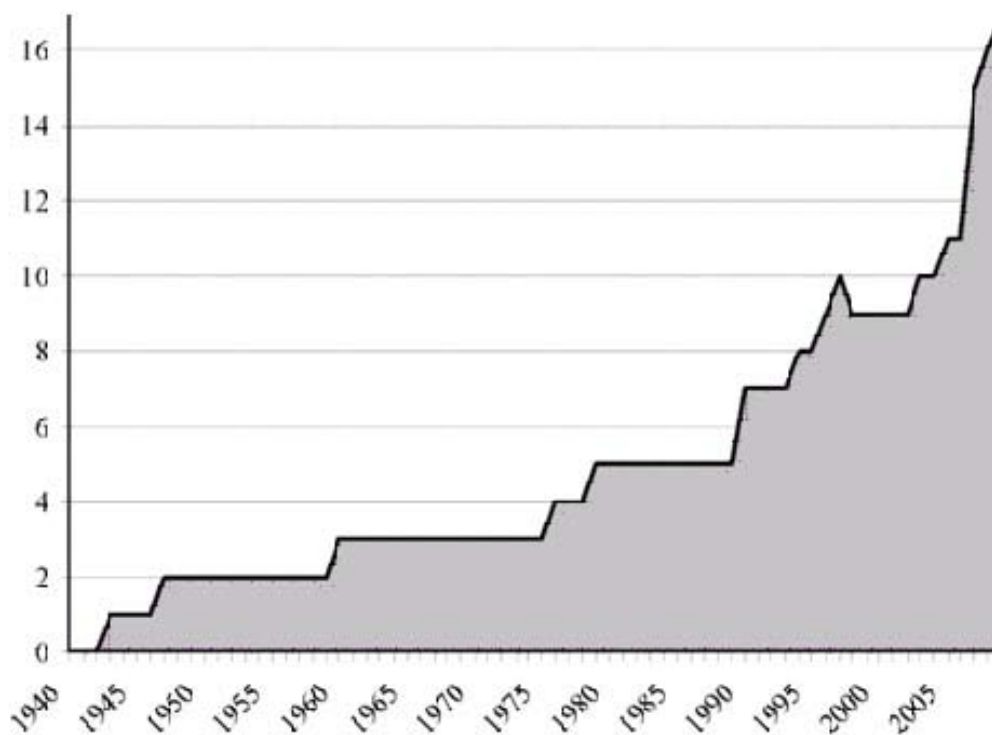

Рис. 3. Австралийская динамика роста численности мозговых центров [3, p. 5].

«коллег» в мировых рейтингах. Толчки от вливания Франка Лоуи до сих пор ощущаются конкурентами созданного им Института [11].

Сегодня из 29 аналитических центров Австралии 20 финансируются крупными корпорациями и богатыми индивидуальными донорами, которые поняли простой факт. Генерирование идей – верное и перспективное направление для инвестиций. Грег Линдсей, которой возглавляет «Центр независимых исследований» в Сиднее (один из самых уважаемых мозговых центров Австралии и ранее наиболее лучше финансируемых), говорит о том, что новый «Институт Лоуи» неизбежно будет эффективным, даже если ещё слишком рано судить об его успехе. «Это изменит игру кардинальным образом из-за влияния на всех нас», говорит он [11].

Обусловлен ли рост численности мозговых центров в конце XX – начале XXI вв. существенными финансовыми влияниями или он обусловлен растущей потребностью в результатах их непосредственной деятельности, является дискуссионным вопросом. Вероятнее всего, что эти два процесса (условия) совпали. Подведём итоги нашего обзора австралийских мозговых центров.

Во-первых, Австралия вырабатывает и осуществляет свою внешнюю политику с помощью целого ряда государственных (Министерство обороны, Министерство иностранных дел и внешней торговли и др.) и негосударственных структур (например, партии, группы интересов и др.). В качестве негосударственных участников внешнеполитического процесса, австралийское государство активно задействует мозговые центры.

Во-вторых, среди мозговых центров Австралии специализирующихся во внешнеполитической деятельности выделяются следующие типы: автономные и независимые (Центр независимых исследований); квази-независимые (Институт Лоуи); университетские (Центр стратегических и оборонных исследований).

В-третьих, потребность в мозговых центрах в Австралии была вызвана схожими причинами рождения таких центров в США или в Великобритании, что позволяет заявлять о наличии некой англо-саксонской модели «мозгового центра (природа, функционал и т.д.). В Австралии, как и в США, Великобритании, Канаде и Новой Зеландии мозговые центры восполняют потребность политиков в качественной, адекватной информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой, в том числе с политикой внешней. Появление мозговых центров также было обусловлено явными преимуществами перед бюрократическими институтами государства.

В-четвёртых, «рождение» австралийских мозговых центров в целом соответствует общемировой динамике роста численности мозговых центров. Центры в Австралии появляются преимущественно в послевоенный период, а пик «рождаемости» приходится на 90-е гг. XX – первое десятилетие XXI вв. Причины заключаются в появлении дополнительных источников финансирования, понимании всей важности легитимации социальной ответственности со стороны австралийского бизнеса и резкой активизации филантропической деятельности в стране.

В-пятых, австралийские мозговые центры занимают существенные позиции в рейтингах мировых аналитических центров. Они достойно конкурирует с центрами «второго эшелона» (японскими, китайскими и др.) и оставляют позади своих российских коллег, благодаря инкорпорированности в сообщество мозговых центров мира и востребованности результатов своей деятельности со стороны государства, бизнеса и общества.

Литература

1. Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской народной республики: история вопроса // Ойкумена: регионоведческие исследования. 2011. № 2-3.
2. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
3. Harley, Patrick J. Interpreting Australia's think tank phenomenon [Электронный ресурс]. URL: http://apsa2010.com.au/full-papers/pdf/APSA2010_0088.pdf [Дата обращения: 15.09.2011]
4. Mc Gann. Think Tanks and the transnationalization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/prj73mcgann.htm> [Дата обращения 1.03.2007 г.].
5. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2010, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2011. 80 p.
6. Murray G., Pacheco D. Think tanks in the 1990s [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anu.edu.au/polsci/marx/interventions/thinktanks.htm> [Дата обращения: 15.09.2011]
7. The Australian Institute of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aiia.asn.au/about/about-the-aiia> [Дата обращения: 15.09.2011]
8. The Centre for Independent Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.org.au/> [Дата обращения: 15.09.2011]
9. The Globalization and Development Centre, Bond University [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bond.edu.au/faculties-colleges/faculty-of-business/research/research-centres/the-globalisation-development-centre/index.htm> [Дата обращения: 15.09.2011]
10. The Grattan Institute [Электронный ресурс]. URL: http://www.grattan.edu.au/about_us.html [Дата обращения: 15.09.2011]
11. The idea factories [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smh.com.au/articles/2003/08/10/1060454076932.html> [Дата обращения: 15.09.2011]
12. The Lowy Institute for International Policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loyyinstitute.org/> [Дата обращения: 15.09.2011]
13. The Strategic and Defence Studies Centre (SDSC), Australian National University, Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://ips.cap.anu.edu.au/sdsc/about.php> [Дата обращения: 15.09.2011]
14. Thinkers of influence [Электронный ресурс]. URL: http://www.theage.com.au/news/national/thinkers-of_influence/2005/12/09/1134086810518.html?page=fullpage [Дата обращения: 15.09.2011]

УДК 332.133.6:352.071(571.63)

Хамадуллин А.М., Фирсов С.А.

Тренд социально-экономического развития муниципальных образований Северного Приморья

Socio-economic development of Northern Primorye municipalities

---

В статье представлены проблемы развития муниципальных образований Приморского края, приравненных к районам Крайнего Севера и предлагаются инструменты, способствующие выходу этих территорий из стагнирующего состояния. Дается анализ социально – экономического состояния Северных территорий Приморского края, включая проблемы законодательного регулирования местного самоуправления, коренных малочисленных народов Севера, кадрового потенциала, развития бизнеса, отток населения и др. Авторы статьи предлагают постановку и решения стратегически важных задач, необходимых для поступательного развития Севера Приморья.

Ключевые слова: Север Приморского края, местное самоуправление, коренные малочисленные народы, отток населения, государственно – частное партнёрство, особая экономическая зона

The article presents the problems of municipal development of Primorsky Krai equivalent to the Far North and offers development tools of these areas. The analysis of the socio – economic status of the Northern Territories of Primorsky Krai, including the problems of legal regulation of local government, Indigenous Peoples, human resources, business development, emigration is considered. Authors propose the formulation and solution of strategic tasks that are necessary for progressive development of the North of Primorye.

Key words: North of Primorye Krai, local government, indigenous peoples, the outflow of population, public – private partnerships, special economic zone.

Сегодня Север Приморья переживает процесс стагнации, что непременно вызывает озабоченность у населения и представителей органов государственной и местной власти, а также экономистов и правоведов о будущем существовании и развития данных территорий.

В Приморском крае к районам Крайнего Севера и местностям приравненным к районам Крайнего Севера относятся районы: Дальнегорский, Кавалеровский, Ольгинский, Тернейский; пгт Восток; сёла: Богуславец, Таборово, Вострецово, Незаметное, Глубинное, Дальний Кут, Дерсу, Островное, Измайлиха, Лимонники, Метеоритное, Мельничное,

---

ХАМАДУЛЛИН Александр Маратович, студент Института права и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Gmy_Vvsu_2007@mail.ru
ФИРСОВ Сергей Алексеевич, студент Института права и управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Gmy_Vvsu_2007@mail.ru

Рошино, Крутой Яр, Тимохов Ключ Красноармейского муниципального района [6].

Данные территории занимают по площади около 1/3 всей территории Приморского края и богаты полезными ископаемыми (медь, железо, сурьма, олово, бор, сера и др.), ряд из которых находится исключительно на данных территориях. В тоже время население, проживающее на данных территориях, составляет всего лишь 6% от общей численности жителей Приморского края [8].

На сегодняшний день данные районы находятся в кризисном состоянии. Это отражается во всех аспектах жизнедеятельности данных территорий: неблагоприятная ситуация с естественным воспроизводством населения (низкий уровень рождаемости, высокая смертность), высокая дотационность местных бюджетов, суровый климат, уязвимость природы, большая удалённость населённых пунктов от административных центров, слабая транспортная инфраструктура, повышенные затраты на производство и жизнеобеспечение населения, эти и многие другие факторы, способствующие низкому уровню качества жизни населения.

Выявленные социально – экономические проблемы развития муниципальных образований Приморского края приравненных к районам Крайнего Севера могут быть дифференцированы в контексте реализации основных функций органов местного самоуправления.

Первый блок рассматриваемых проблем – проблемы законодательного регулирования в реализации полномочий органов местного самоуправления в части регулирования доходной базы местного бюджета, налогового потенциала муниципалитетов и имущественных отношений.

При распределении доходных источников бюджета недостаточно учитываются характерные только для таких районов расходные обязательства, например, связанные с обеспечением продукцией, особенно топливно-энергетическими ресурсами и продовольствием. Сегодня данная проблема особо остро стоит в Тернейском муниципальном районе. Ввиду большого расстояния между сельскими поселениями района и муниципальным центром, а также в связи отсутствием дорожного полотна топливно-энергетические ресурсы и продовольствие доставляются в населённые пункты района при помощи вертолёта МИ-8.

Объём налоговых доходов местных бюджетов может быть увеличен за счёт реализации мероприятий, предусмотренных в Бюджетном послании Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2010-2012 годах, путём закрепления за бюджетами муниципальных районов и городских округов фиксированной величины отчислений от налога, взимаемого в связи с применением упрощённой системы налогообложения, расширения участия органов местного самоуправления в осуществлении полномочий по администрированию местных налогов.

Острой проблемой является отсутствие у поселений средств на проведение межевания земельных участков. В результате от деятельности органов местного самоуправления поселений фактически не зависит увеличение налогооблагаемой базы земельного налога, который полностью зачисляется в местные бюджеты.

Значительная часть муниципальных образований севера Приморского края не имеет достаточной доходной базы для экономического развития и не может осуществлять весь закреплённый за ними объём полномочий. В связи с этим целесообразно: во – первых, укрупнение, а в некоторых случаях ликвидация населённых пунктов не имеющих производственной сферы в экономике. Например, в 2011 г. в Красноармейском районе Администрация Приморского края решила ликвидировать сельские поселения Молодёжное и Таёжное.

Во – вторых, необходимо законодательно закрепить возможность

формирования на малонаселённых территориях местного самоуправления по одноуровневому принципу (сохранив только муниципальные районы), и ввести институт старост, либо предоставить возможность упразднить поселения с численностью жителей менее 500 человек с передачей управления такой территорией администрации муниципального района.

Север Приморья должен стать локомотивом экономического роста комплексного развития Приморского края. И для этого необходимо решить ряд социально-значимых и экономически важных проблем таких как: привлечение специалистов в данные районы, создание благоприятных условий для видения бизнеса и необходимая государственная поддержка социально незащищённых народностей Севера Приморья.

Второй блок рассматриваемых проблем – социально – экономические проблемы. Важным условием успешной реализации полномочий органов местного самоуправления в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях является кадровое обеспечение. Значительное число муниципальных служащих не имеют необходимого уровня подготовки, а в местных бюджетах нет средств на их обучение. Поэтому должна быть создана более эффективная система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для местного самоуправления.

В целях повышения уровня жизни населения данных территорий и покупательской способности главами муниципальных районов предлагается восстановить ч. 2 ст. 11 Закона Российской Федерации № 4520-1 (О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях), предусматривающую возможность выплаты молодёжи (лицам в возрасте до 30 лет) процентной надбавки к заработной плате в полном размере с первого дня работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при условии проживания в указанных районах и местностях не менее пяти лет [4].

Из-за удалённости и неразвитости сети коммерческих услуг, низких доходов населения во многих районах Севера ряд услуг населению в таких сферах жизни, как общественное питание, торговля, бытовое обслуживание и так далее, приходится обеспечивать органам местного самоуправления. В связи с этим необходимо на законодательном уровне закрепить налоговые льготы субъектам малого и среднего бизнеса на определённый период (до 2 лет).

Что касается развития данных территорий, то одним из самых успешных инструментов развития депрессивных территорий в мировой практике является создание на них Свободных Экономических Зон (в Российской Федерации используется термин Особые Экономические Зоны). На наш взгляд, создание ОЭЗ в отрасли глубокой переработки леса позволит: внедрить инновационные технологии, организовать полный цикл переработки леса и восполнить лесной фонд.

Целесообразным думается создать на базе Сихотэ-Алинского заповедника (Тернейский район) туристско – рекреационную ОЭЗ. Данные инструменты позволят привлечь инвестиции, развить инфраструктуру, пополнить бюджеты, что послужит мощным импульсом развития Северных территорий.

Что касается разработки, добычи и переработки месторождений полезных ископаемых законом «Об особых экономических зонах в РФ» [9] не допускается. Данную отрасль можно развивать в рамках частно- государственного партнёрства в форме концессионного договора при поддержке Инвестиционного фонда РФ.

В качестве важного инструмента привлечения частных инвестиций в северные районы добычи полезных ископаемых можно рассматривать

решение об установлении нулевой ставки налога на добычу полезных ископаемых [7].

Ключ к успеху в сфере государственно-частного партнёрства лежит в согласованном формировании целей и разделении рисков по их достижению между бизнесом и властью. Партнёрство государства и бизнеса должно заключаться в том, чтобы государство гарантировало бизнесу снижение рисков невозврата вложенных средств, предоставляло при необходимости определённые гарантии и преференции, а задача бизнеса искать способы финансирования и эффективно реализовывать социальные проекты для достижения согласованных целей [1].

Особенно остро стоят социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера. В Приморье проживает более двух тысяч представителей коренных малочисленных народов – удэгейцы, тазы, нанайцы, эвенки. Пять муниципальных образований края определены как места их компактного проживания. Статус национальных имеют сёла Красный Яр Пожарского района, Агзу Тернейского района и Михайловка Ольгинского района.

В советский период патернализм по отношению к коренным малочисленным народам Севера стал государственной политикой. Создавались колхозы, а затем совхозы, государство закупало продукцию традиционных отраслей хозяйствования по специально завышенным ценам, чтобы люди имели средства на нормальную жизнь и развитие промысла.

После распада СССР государственная политика по поддержке малочисленных коренных народов прекратила своё существование, а народы с традиционным национальным укладом жизни оказались не приспособленными к рыночным отношениям [4].

Таким образом, представляется целесообразным во-первых, разработать и внедрить такую систему государственных и муниципальных закупок продукции производимой коренными малочисленными народами, которая гарантировала бы сбыт товаров по реально рыночным ценам. Данная система закупок используется в ряде субъектов РФ. Например, власти Ямало-Ненецкого автономного округа закупили 4 тысячи тонн оленины по высокой цене и поставили это диетическое мясо в Данию обеспечив тем самым достаточный доход, но, к сожалению, в России такие примеры единичны.

Во-вторых, закрепить на государственном уровне места традиционного проживания данных народов. В-третьих, определить особенности организации местного самоуправления в районах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на основе сочетания общинного самоуправления с местным самоуправлением [5].

Вопрос о важности Северных районов Приморского края без сомнения должен являться приоритетным для настоящего и будущего развития сильной России. Государственная политика в отношении Северных регионов должна быть продуманной и комплексной. Сложившаяся ситуация на Дальнем Востоке может привести к возрастанию угрозы национальной безопасности, попыткам заселения этих территорий населением сопредельных государств. На сегодняшний день численность постоянно проживающего населения на севере Китая составляет более ста миллионов человек, численность же Дальнего Востока составляет около семи миллионов человек.

Поэтому, на наш взгляд, социально-экономическое развитие Северных территорий Приморского края возможно только при постановке и решении следующих задач:

- ♦ политическая, освоение данных территорий и закрепления на

них населения;

◆ экономическая, для освоения и успешного развития Северных территорий необходимо в рамках экспериментального проекта оставить всю налоговую базу в данных муниципальных образованиях сроком на пять лет и инвестировать их в форме федеральных и региональных целевых программ;

◆ управленческая, создание системы экономических и социальных стимулов, которые бы сделали работу на Севере привлекательной и оправданной и в полной мере обеспечивали компенсацию материальных и моральных потерь.

Если сегодня на федеральном уровне власти не будут поставлены вышеуказанные задачи, а вследствие этого и не будут решены, то ни о каком развитии северных территорий Приморья не может быть и речи.

Литература

1. Использование механизмов государственно-частного партнёрства в решении задач комплексной модернизации социальной инфраструктуры в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. М.: Издание Совета Федерации, 2010. С.96.

2. Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. [Электронный ресурс]. URL: <http://severcom.ru/>. Дата обращения: 4 апреля 2011 г.

3. Курчинский С.Г. Предложение главы Тернейского муниципального района «О проблемах законодательного регулирования и предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.severcom.ru/kit/gar/id298.html/>. Дата обращения: 7 апреля 2011 г.

4. Матвеев А.С. Как помочь коренным малочисленным народам выжить в рыночных обстоятельствах // Российская Федерация сегодня. – 2010. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.severcom.ru/aboutnorth/item99-1.html/>. Дата обращения: 5 апреля 2011 г.

5. О проблемах реализации полномочий органов местного самоуправления в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. М.: Издание Совета Федерации, 2010. – С.84.

6. Постановление Совета Министров СССР от 3 Января 1983 Г. № 12 «О внесении изменений и дополнений в перечень Районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к Районам Крайнего Севера», утверждённый Постановлением Совета Министров СССР от 10 Ноября 1967 Г. № 1029 (ред. постановления Правительства РФ от 11.10.92 № 776) // Консультант плюс.

7. Проблемы Севера и Арктики РФ. Научно-информационный бюллетень. Выпуск двенадцатый. М.: Издание Совета Федерации, 2010. – С.102.

8. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по приморскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primstat.ru/default.aspx/>. Дата обращения: 5 апреля 2011 г.

9. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 25.12.2009). «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Консультант плюс.

УДК 1 (16.168)

Смирнова М.Ю.

Обсуждение проблем международного научно-технического сотрудничества в структурах АТЭС¹.

Discussing issues of international research and technology collaboration within APEC.

Статья представляет собой обзор ежегодного семинара APEC Research and Technology (ART) Program, проводимого под эгидой АТЭС и посвящённого актуальным вопросам международного сотрудничества в научно-технической области в условиях информационного общества. В семинаре принимали участие представители правительственных организаций, высших учебных заведений, исследовательских центров. В фокусе обзора – коммерциализация научных технологий и инноваций, создание междисциплинарных экспертных связей.

Ключевые слова: НИОКР, коммерциализация инноваций, международное сотрудничество, междисциплинарные экспертные сети

The article is a review of annual APEC Research and Technology (ART) Program held under the auspices of APEC and addressing issues of international research and technology collaboration in the knowledge-based society. Representatives of governmental organizations, higher education institutions, research and development centers took part in the seminar. The review focuses on such issues as technologies and innovations commercialization, interdisciplinary expert networks formation.

Key words: R&D (Research and Development), innovation commercialization, international collaboration, interdisciplinary expert networks

---

Научное, техническое и инновационное сотрудничество стран АТР находятся под пристальным вниманием всех рабочих органов АТЭС, поскольку «наука, технологии и инновации играют ведущую роль в способности АТЭС достичь устойчивого роста» [2]. Среди множества мероприятий, которые проводятся под эгидой АТЭС, немаловажное место занимает программа «APEC Research and Technology (ART) Program», которая проводится в формате ежегодных семинаров с 1998 года. Программа относится к мероприятиям рабочей группы по промышленным технологиям и науке АТЭС (APEC ISTWG). Ключевой темой её являются разнообразные аспекты научно-технического развития стран АТР.

В рамках указанной программы 7-11 февраля 2011 г. в Сеуле со-

---

СМИРНОВА Марианна Юрьевна, аспирант кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** mariannasmirnowa@mail.ru

¹ Аналитический обзор семинара APEC Research and Technology (ART) Program (Сеул 7-11. 02.2011)

стоялся семинар «International Collaboration in Science and Technology», участниками которой являются авторы данного обзора. Встреча была посвящена вопросам международного сотрудничества и формирования коммуникаций в области науки и техники. Ключевыми темами дискуссий явились коммерциализация научных технологий и инноваций, создание междисциплинарных экспертных связей, алгоритмизация формирования международного сотрудничества и создание благоприятной среды для расширения научных связей и др.

В семинаре приняли участие представители большинства стран АТР, включая Китай, Японию, Южную Корею, США, Таиланд и др.

Общую точку зрения на научно-техническое взаимодействие в обществе, основанном на знании, выразил Брюс Говард, сотрудник отдела по делам науки, охраны окружающей среды и здравоохранения посольства США в Токио, один из ведущих лекторов конференции: «В мировой экономике все большее внимание уделяется не производству, а знанию. А под «знанием» обычно имеется в виду технологическое ноу-хау... Правительства пытаются решить проблемы экономического роста и конкуренции, встающие перед их странами, а политики говорят о значимости «экономики знаний» наряду с индустриальной мощью и аграрными запасами – и считают инвестиции в научные исследования и разработки одним из ключевых факторов её развития» [1, с. 1]. Отсюда вывод: «Одно из наиболее широко распространённых представлений об экономике знаний в XXI в. заключается в том, что в эпоху глобализации ни у кого нет монополии на научное и технологическое знание» [1, с. 1].

В материалах конференции, подготовленных Говардом, представлены «национальные цели» в области науки и техники, сформулированные Дж. Марбургером, научным советником президента США и директором Бюро науки и техники при администрации президента Буша:

- 1) повышение научных стандартов до максимума;
- 2) получение доступа к передовому краю науки вне национальных границ;
- 3) установление связей с научными талантами, сотрудничество с ведущими учёными без учёта национальной принадлежности;
- 4) обмен учёными, визиты, иммиграция выдающихся исследователей;
- 5) обеспечение национальной безопасности посредством технологического равенства между странами;
- 6) равнение на возможности зарубежной науки (превышающие непосредственные ресурсы США);
- 7) научная дипломатия;
- 8) глобальная поддержка научных вопросов мирового уровня (решить которые в одиночку США не в состоянии);
- 9) выполнение обязательств, предусмотренных договорами (наука как рыночный актив);
- 10) повышение престижа и влияния США среди других стран (наука ради славы) [1, с. 6].

Ради достижения этих целей «правительствам необходимо принимать участие в международных научно-исследовательских программах» [1, с. 6]. Говард полагает, что, хотя Марбургер руководствовался национальными интересами США, перечисленные им принципы универсальны и релевантны для всех стран, в том числе и участниц АТЭС, а в свете глобализации расширение масштабов международного научного сотрудничества и организация экспертных сообществ, в том числе сетевых, – важная и в некотором смысле неизбежная перспектива.

Показательным примером является «Asian Nations Team Up for Bird Flu Research», в рамках которой Китай, Таиланд, Вьетнам, Индоне-

зия, Камбоджа объединили усилия для борьбы с птичьим гриппом.

Один из алгоритмов формирования международного сотрудничества был разработан RAND Corporation, «некоммерческой организацией, занимающейся проведением исследований и анализа с целью усовершенствования процесса принятия политических решений» [3].

RAND Corporation специализируется на вопросах здравоохранения, образования, национальной безопасности, международных отношений, экологии и т. д., декларируя независимую позицию, несмотря на стороннее финансирование: «Иногда гранторы или клиенты делают запрос на проведение исследований, не предлагая определённого курса действий. В других случаях RAND может предложить ряд решений с анализом преимуществ и недостатков. В определённых обстоятельствах RAND может сформулировать или даже поддержать чёткие политические рекомендации» [3].

В 2002 году Институт научной и технологической политики RAND (RAND's Science and Technology Policy Institute), основная цель которого – «объективные, независимые исследования и анализ вопросов общественной политики, связанных с наукой и технологиями» [3], спонсируемый Национальным научным фондом (National Science Foundation), опубликовал исследование «Linking effectively: Learning lessons from successful collaboration in science and technology». Исследование было призвано выработать идеи по повышению эффективности финансируемого правительством международного сотрудничества в области науки и технологий посредством изучения динамики подобного сотрудничества.

В настоящей статье приводятся (в сокращённом виде) шесть сформулированных в исследовании RAND ключевых стадий инициации, администрации, проектного менеджмента, необходимых для успешной реализации программ международного научного сотрудничества:

- 1) принятие решения и постановка целей (что подразумевает: довести до политиков чёткое понимание политических и научных выгод);
- 2) идентификация ключевых акторов (правительство, научное общество, частный сектор, сотрудники ВУЗов);
- 3) определение источников и механизмов первоначального и последующего устойчивого финансирования;
- 4) определение структуры организации и управления (что включает в себя: миссию, руководство, секретариат, роль исследователей в структуре организации и т. п.);
- 5) определение ключевых вопросов, переговоры по ним (вопрос прав на интеллектуальную собственность, публикации, доступ к данным, коммуникации);
- 6) определение методов оценки прогресса.

Для того, чтобы дать критическую оценку выводам исследовательской группы RAND, участникам ART Program было предложено сформировать интернациональные группы и обсудить данную схему для анализа собственных исследований.

Чо Сан Нэ, сотрудник факультета микробиологии Медицинского колледжа университета Йонсей в Сеуле и директор Международного центра исследований туберкулёза (ITRC), использовал эту схему для анализа сотрудничества между Медицинским колледжем университета Йонсей и Национальным туберкулёзным госпиталем в Масане, а впоследствии – и с американским Национальным институтом аллергии и инфекционных заболеваний (NIAID), Национальными институтами здравоохранения. Исследования туберкулёза – «болезни бедных» – в силу финансовой нерентабельности необходимо было осуществлять на некоммерческих началах. Тем не менее, сотрудничество строилось на взаимовыгодных принципах: корейской стороне не хватало опыта в про-

ведении клинических исследований и финансирования; американской нужны были пациенты для исследования мультирезистентной формы туберкулёза.

Интересно в проекте то, что он был инициирован не правительством, а учёными и профессионалами. На начальной стадии политики участия в нём не принимали, в то время как учёные – сначала из Национального института аллергии и инфекционных заболеваний, а затем и из других лабораторий – выступили инициаторами и участниками предполагаемого проекта (что коррелирует с первым этапом схемы, предложенной RAND). Позднее на сцену вышли Бюро политики по инфекционным заболеваниям при Министерстве здравоохранения и социального обеспечения и корейский Центр по контролю и профилактике заболеваний при Министерстве здравоохранения и социального обеспечения. Вторая стадия – идентификация ключевых акторов – показала, что явного лидера у программы нет, а ключевые фигуры принадлежат не коммерческому, а научному и политическому секторам, поэтому финансовой поддержки от промышленного сектора программа не получала, используя в качестве ресурсов правительственные вложения и пожертвования.

Участниками программы стали международные неправительственные организации, международный научный управляющий комитет, совет директоров, совет учёных и экспертов-рецензентов. Программа сочетала черты неофициальной организации (отсутствие формальной системы членства и правил голосования) с чётко сформулированными миссией и задачами (улучшение диагностики мультирезистентного туберкулёза, лечение пациентов, усовершенствование методологии клинических испытаний новых медикаментов, выявление степени патогенности мультирезистентного туберкулёза). Возможно, именно это послужило фактором её успеха: сочетание личной вовлечённости участников и взаимовыгодные условия работы и поддержка государства.

Описанный проект в общих чертах укладывается в предложенную RAND схему, что говорит о целесообразности применения последней в разработке сценариев международного сотрудничества в научно-технической области.

Создание благоприятной среды для международного сотрудничества было одной из центральных тем конференции. Рассматривались все уровни научного сотрудничества, от комплексных межправительственных договоров напрямую («umbrella agreements») до персональных связей между учёными и профессионалами, причём последнему уделялось не меньше внимания, чем первому.

Интернациональное сотрудничество, значимость которого осознавалась всегда, становится одновременно трендом и насущной необходимостью. Говард, опираясь на данные Национального совета по делам науки, привёл следующие цифры: «количество научно-технических статей в научных журналах, написанных в соавторстве исследователями из разных стран возросло более чем вдвое за последние 20 лет, с 1998 по 2008 гг., а количество Нобелевских премий по химии, физике, медицине, присуждённых отдельным исследователям, заметно снизилось: с 14 за период между 1951 и 1960 гг. до 3 за период с 2011 по 2010 гг.» [1, с. 25].

В материалах конференции приводится список вебсайтов, созданных профессиональными организациями либо коммерческими предприятиями с целью упрощения поиска партнёров или коллег в какой-либо сфере, например, биомедицине (BioMed Experts) или физике и инженерном деле (UniPHY), а также для создания связей между учёными (SciSpace, Scientific Community for Sharing and Collaboration) или

формирования социальной сети на базе определённого ресурса (Nature Network на основе Nature Launch Pad, сайта журнала «Nature») [1, с. 25-26].

В создание сетей организации готовы вкладывать значительные средства. Так, «национальные институты здравоохранения США выдали Корнеллскому университету и шести другим американским учреждениям грант на 12,2 млн. долларов на разработку социальной веб-сети, которая объединила бы исследователей в области биомедицины по всей стране» [1, с. 25]. По замыслу разработчиков, сеть, получившая название VIVOweb, должна стать аналогом Фейсбука с научным уклоном [1, с. 25].

Междисциплинарность научного сотрудничества – не менее важный фактор развития науки, чем наличие международных связей. О реализации проекта, предполагающего создание междисциплинарной экспертной сети, подробно говорилось в докладе Артуро Инды, консультанта по инновационным проектам из мексиканской организации CIATEJ («El Centro de Investigación y Asistencia en Tecnología y Diseño del Estado de Jalisco, A.C.»), занимающейся исследованиями в области технологий и проектирования. Проект называется «Формирование кооперативных инновационных сетей». В своём докладе Инда рассматривал ту его часть, которая касается производства и реализации козьего молока в Чили. По его словам, «целью проекта было получение разнородной группой опыта развития способности к «проблематизации» – решению комплексных задач, не поддающихся традиционным подходам». Междисциплинарная экспертная группа была создана с учётом необходимости рассматривать вопрос комплексно: её участники занимались производством козьего молока, его коммерциализацией, обработкой как в небольших, так и в промышленных масштабах, а также научными исследованиями и консультированием. Их деятельность началась с коллективной выработки рабочих определений основных вопросов во всех задействованных сферах одновременно: экономической (ниша на внешнем и внутреннем рынках), социально-экономической (напряжённые отношения между производителями молока и промышленностью), технологической (обработка продукта), экологической (возможности экосистемы). В результате «участники выработали общее понимание сложного набора взаимосвязанных проблем». Практическим следствием стало «соглашение о среднесрочном сотрудничестве между крупной многонациональной компанией и Общественным исследовательским центром с целью повысить качество сырого козьего молока в регионе». В докладе особо подчеркнута значимость неформальных контактов, позволяющих создать официальную сеть (в данном случае – необходимой для ведения инновационной работы в межнациональных масштабах). Интересно отметить, что «в кооперативную сеть должны войти некоторые организации, имеющие отношение к социальным наукам». Значимость социальных и культурных факторов при разработке стратегии научного и технического развития отмечалась и другими выступающими.

В конференции приняли участие представители ведущих стран АТР – Японии, Китая, а также трёх «азиатских тигров»: Гонконга, Тайваня и Южной Кореи. Их опыт интересен в первую очередь как опыт беспрецедентного экономического роста, который был невозможен без роста технологического. О корейском опыте говорил Чон Сунчхоль, почётный старший научный сотрудник STEP1, Института научной и технологической политики, занимающегося организацией ART Program. Излагая причины быстрого технологического развития Южной Кореи, он акцентировал внимание не только на грамотной схеме освоения зарубежных технологий и управления человеческими ресурсами, но и на со-

циокультурных факторах. По его мысли, прогрессу на этапе внедрения и освоения зарубежных технологий и практик способствовали особенности корейского общества, связанные с влиянием конфуцианской ценностной системы (далее он предположил, что на этапе выхода на глобальный уровень отсутствие гибкости и толерантности, типичные для подобного общества, служат скорее препятствием к дальнейшему развитию).

Коммерциализация научных технологий и инноваций, изучение рынка и формирование спроса на них – важная составляющая международного сотрудничества. Опыт трансфера технологий был показан на примере сотрудничества американской экспертной группы и южнокорейских правительственных и коммерческих организаций.

Вопрос рассматривался одним из докладчиков, Дж. Момбергером, директором т. н. «Gyeonggi-Innovation Program», проводимой Институтом IC² (IC² Institute), исследовательской организацией при Техасском университете в Остине, США. Теории и гипотезы Институтом IC² тестируются в рамках нескольких глобальных программ, в частности, Глобальной группы по коммерциализации, чья задача – «служить катализатором для формирующихся экономик, основанных на знании» [4]. Группа разрабатывает программы коммерциализации технологий, занимается трансфером технологий и др.

В докладе речь шла о «Gyeonggi-Innovation Program». Идеи и техники, задействованные в её реализации, принадлежат американской стороне. Корейская сторона в лице администрации провинции Кёнгидо оказывает проекту финансовую, транспортную и административную поддержку.

В презентации Дж. Момбергера была представлена структура структуры, включающая в себя: оценку инноваций, тренинг и трансфер предпринимательских навыков, конкурсный отбор инноваций, развитие бизнеса.

Этап обучения (курс IC² «Превращение технологий в прибыль»), предназначен для изобретателей, предпринимателей и/или сотрудников исследовательских организаций. В качестве стратегии коммерциализации используется методология оценки рыночного потенциала и технических сторон инновации в сжатые сроки под названием «IC² Quicklook™».

Результативность программы оценивалась на материале конкретных предприятий, в частности, «DGS Corporation», корейской компании, специализирующейся на продаже автомобильных запчастей, владеющей патентованной технологией и не имевшей выхода на международный рынок. По данным Дж. Момбергера, менее чем через год после участия в программе у компании появились связи с зарубежными партнёрами, трёхсотпроцентный рост продаж, потенциальные инвесторы. Другим примером послужила «Wheel Corporation», компания по производству алюминия, имеющая патентованную технологию (обработки алюминия). После участия в программе стала поставщиком международной компании «Visteon Corporation».

Формат ART Program предполагает не только стандартные формы работы международной конференции (доклад – обсуждение), но и мастер-классы, где участники могут выступить в роли экспертных групп, формулируя оценки и заключения по представленным теоретическим разработкам.

Моделирование работы подобных сообществ в рамках ART Program способствует трансляции знаний и глобализации научных исследований, поскольку опыт успешного решения поставленных задач становится доступным широкому кругу учёных из разных стран, находит отражение в различных публикациях, выступая предметом обсуждения

уже в национальных и региональных научных сообществах стран АТР. Представленные российским коллегам, материалы конференции могут послужить основой дальнейших перспективных исследований в области научно-технического международного сотрудничества и оказать положительное влияние на процесс интеграции России в научное и экономическое пространство АТР.

Литература

1. Howard, B. «International Collaboration in Science and Technology. APEC Research and Technology Program 2011». STEPI, 2011. 101 с.
2. APEC Ministerial Statements (2004 APEC Science Ministers' Meeting) // APEC Meeting Papers, 2004. [Электронный ресурс]. URL: www.apec.org/en/Meeting-Papers/Ministerial-Statements/Science-and-Technology-Cooperation/2004_science.aspx [Дата обращения: 01.03.2011].
3. About the Rand Corporation // RAND Corporation official site. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rand.org/about.html> [Дата обращения: 01.03.2011].
4. About IC² // The University of Texas at Austin official site. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ic2.utexas.edu/about-ic2.html> [Дата обращения: 02.03.2011].

Тушков А.А.

«Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древних времён до начала XX века»¹**«Military in Asia-Pacific region from ancient times to the beginning of XX»**

Сборник научных статей коллектива российских учёных «Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древних времён до начала XX века» без сомнения стала заметным явлением в современном пространстве исторической науки. Идея создания такого сборника, принадлежащая коллективу ООО «Владивостокский клуб древних технологий», нашла своё реальное воплощение благодаря кропотливому труду коллектива учёных в области истории, археологии, этнографии, занимающихся историей военного дела в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времён до наших дней, а также работников музеев, оружейников и коллекционеров России.

ТУШКОВ Александр Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Aleksandr.Tushkov@vvsu.ru

¹ Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древних времён до начала XX века: / сб. науч. ст. Выпуск 1. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 410 с.

² Авилов Р.С., студент факультета истории Института истории, философии и культуры Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток; Артемьева Н.Г., к.и.н., зав. отделом средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток; Багрин Е.А., зав. отделом фондов Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток; Бирюк С.Н., историк, г. Псков; Врядий С.Ю., к.и.н., зам. директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток; Гвоздев Р.В., ст. лаборант отдела этнологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток; Горелик М.В., к.и.н., ст. научный сотрудник Института Востоковедения РАН, академик Академии художеств Казахстана, г. Москва; Дацышен В.Г., д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск; Ефимов С.В., к.и.н., зам. директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительной и выставочной работе, г. Санкт-Петербург; Зуев А.С., д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, ст. научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; Иванов В.В., к.и.н., доцент кафедры истории Амурского государственного педагогического университета, г. Комсомольск-на-Амуре; Караман В.Н., к.и.н., ст. научный сотрудник Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева, г. Владивосток; Носов К.С., к.и.н., докторант кафедры истории Российской академии государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; Пастухов А.М., историк, востоковед, г. Москва; Петренко В.М., соискатель Хабаровского пограничного института ФСБ РФ, начальник отделения научной и военно-исторической работы штаба ДВО; Полутов А.В., историк, востоковед, г. Владивосток; Прокопец С.Д., ст. лаборант отдела средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток; Скраливецкий Е.Б., коллекционер, г. Санкт-Петербург; Тарасов М.Г., ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета, г. Красноярск; Шавкунов В.Э., ст. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

Столь представительный коллектив², вне всякого сомнения, обеспечил научную значимость исследования, как в теоретическом плане, так и с точки зрения реальной исторической практики военного искусства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению коллектива авторов, данный труд делают привлекательным следующие обстоятельства. Исследование было проведено в рамках междисциплинарной парадигмы с привлечением методов и материалов археологии, этнографии, военной истории и оружейноведения на основе системного метода. Кроме того, сборник охватывает довольно широкий круг хронологических, тематических и территориальных проблем военной истории и военного дела в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Чем же силён и чем беден данный сборник? Что удалось сделать коллективу учёных, а что было упущено в исследовании проблем военного дела?

Нельзя сказать, что проблематика военной истории и оружейноведения, как отрасль научного знания, является новой для отечественной науки. Отчасти, интерес к военному делу и военной истории, впервые отчётливо проявился в европейской науке во второй половине XIX в. Это было связано с постепенным вводом в научный оборот сведений летописных источников по истории Центральной Азии. В частности, трудов французского исследователя Ж. Дегиня (имеется в виду его работа «Генеральная история гуннов, тюрков и прочих татар») [13], С. Жульена (переводы, посвящённые непосредственно тюркам) [14], а также Н.В. Кюнера, Н.Я. Бичурина и А.И. Левшина. Но для нас основополагающими считаются, в основном, те работы, которые содержат переводы на русский язык извлечения из китайских первоисточников по истории восточных тюрков. Это труд выдающегося русского синолога Н.Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [2] и не менее известная работа Н.В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» [5]. Кроме них – труды отечественного исследователя А.И. Левшина «Свидание с ханом меньшей Киргиз-Кайсакской орды» [7] и «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» [6].

Труд Н.Я. Бичурина впервые был издан в середине XIX века. Если опубликованные автором переводы, охватывающие период со II в. до н.э. до середины IX в. н.э., представлены текстами по истории восточных тюрков в VI – VIII вв., то Н.В. Кюнер в большей степени уделил внимание транскрипции китайских иероглифов. Но, тем не менее, эти работы для историков-оружиеведов оказали неоценимую услугу тем, что в них авторы впервые касались вопросов военного искусства народов Центральной и Средней Азии. Работы нашего соотечественника, исследователя и государственного деятеля А.И. Левшина впервые в полной мере касались проблем военной истории и военного искусства России.

В советский период отечественной науки по военной истории и оружейноведению (особенно во второй половине XX века) интерес к военному искусству кочевников Евразии становится приоритетным. Это объясняется не только тем, что внимание учёных вновь привлекла тема, которую в силу как субъективных, так и объективных обстоятельств, характерных для сталинского периода, исследователи в течение длительного времени обходили стороной. По сути дела, формирование в российской науке исторических концептов с самого начала стимулировалось поисками основополагающих направлений развития страны и попытками идентичности её судьбы, содержание и сущность «русской идеи», место, роль и статус российского государства в мировой истории и мировом сообществе. Уже с середины XIX века в центре споров и дискуссий неизменно стоял вопрос об отношениях России с Западом и Востоком, Европой и

Азией. Эта многоплановая и сложная проблема, отнюдь не сводящаяся только к пониманию исторических истоков евразийства, подробно освещена в отечественной исторической литературе. Но, всё же, часть вопросов, касающихся военной истории и оружейведения, оставались вне поля зрения учёных. Исследование данной проблематики дало бы ключ к пониманию не только исторических истоков России и, что важно, её культурной корреляции с евразийской историей.

Вот почему после 1950-х годов резко возрос интерес к истории Востока, Центральной и Средней Азии. Так, военному делу ираноязычных племён и монголов эпохи Чингисхана посвящён ряд специальных работ А.И. Мелюковой, Е.В. Черненко, К.Ф. Смирнова, А.М. Хазанова, Иванина, А.В. Малиновской и др. [8]. Кроме того и в некоторых обобщающих трудах по военному искусству [12] этой теме было уделено немало внимания. В не меньшей мере учёные-оружиеведы посвятили свои труды изучению военного дела кочевников раннего средневековья. Вопросы военного искусства среднебыловековых кочевников Восточной Европы рассматривались в специальных работах [9] и обстоятельных экскурсах в трудах по материальной культуре и истории кочевых племён [11], а также в работах по военному делу древнерусского государства [4].

В течение последних нескольких десятилетий в свет вышел ряд монографий и научных сборников, которые ввели в оборот достаточно широкий круг источников, от письменных до вещественных по вооружению и военному искусству Евразии. В отечественной школе оружейведения прочно утвердилось первенство сибирской школы. Именно здесь систематически выходят тематические сборники по военной истории и оружейведению, в частности, Северной и Центральной Азии. Изучению военного дела кочевых племён Азии и военного искусства енисейских кыргызов, которые играли в VI – XII вв. видную роль в военной и политической истории Центральной Азии, посвящены исследования Л.А. Боброва, В.Я. Бутанаева, М.В. Горелик, Ю.С. Худякова и др. [3].

Восточная школа, представленная, прежде всего учёными Е.А. Багриным, С.Ю. Вradiем, К.С. Носовым, А.В. Полутовым и др., приобрела особое уважение исследованиями в области военного искусства Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Настоящий сборник отличается глубоко научным и профессиональным подходом и охватывает довольно широкий круг хронологических, тематических и территориальных проблем военной истории и военного дела в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Некоторые работы представляемого сборника вводят в научный оборот новые источники (например, Н.Б. Аюшин, Е.А. Багрин, с. 200). Часть авторов в своих работах опираются только на археологические источники. Это статьи, посвящённые изучению оружия, защитного вооружения и метательной техники с древних времён до средневековья (XI – XV вв.). Так, раздел «Древний мир» представлен публикацией К.С. Носова «Оружие Хараппской культуры» (с. 7-29). Автор – специалист по военной истории античности и Средневековья, выпускник МГУ, кандидат исторических наук, обладатель чёрного пояса (2-й дан) по каратэ школы Сетокан, владеет различным японским и, в частности, окинавским оружием: мечом, нагината, шестом, палкой, тонфа, кама, саи и др.

К слову сказать, автор по праву занимает особое место в отечественной исторической науке по оружейведению и военному искусству. К примеру, книга К.С. Носова «Вооружение самураев» [10] – серьёзный труд по древнему и средневековому оружию Японии на русском языке. Развитие, конструкции и предназначение всех типов оружия и защитного вооружения с III в. до середины XIX в., подробнейшее описание экипировки самурая и обычного пехотинца, отличие вооружения японского

воина от вооружения западного рыцаря, неразрывно связанное с различием в способах ведения боевых действий, – вот далеко не полный перечень тем, исследуемых автором.

В данном сборнике статья К.С. Носова посвящена Хараппской археологической культуре, как крупнейшем городском центре Индской цивилизации, где автор подробно исследует комплекс вооружения воина данной культуры. Проблему вооружения воина, как пример межкультурных связей в области вооружения, в статье «Монголо-татарские племена с маскаронами» (с. 28-43) в разделе «Средневековье», предпринял М.В. Горелик. Как и К.С. Носов, М.В. Горелик опирается, прежде всего, на археологические артефакты, полагая, что вычленения максимального количества надёжных признаков, является для исторической науки весьма и весьма актуальной проблемой. Надо отдать должное и остальным авторам представляемого раздела – С.Д. Прокопец, Н.Г. Артемьевой и В.Э. Шавкунову, которые в своих исследованиях полностью опираются на археологические источники. Особо интересны для нас статьи данных авторов тем, что исследуют предметы вооружения и военное искусство чжурчжэней, а также другие средневековые памятники юга Дальнего Востока. В частности, итоги археологических раскопок Красноярского городища и городища Шайга-Редут на территории Приморья, относящихся ко времени существования государства Восточного Ся (1215 – 1233 гг.).

Ещё один раздел сборника «Россия XVII – XVIII век», посвящён военному искусству русских казаков во время осады и взятия в 1714 году корякского Олюторского острога (А.С. Зуев, с. 62-68) и миниатюрам Ремизовской летописи, как источнику по военному делу русских в Сибири в XVII веке (Е.А. Багрин, с. 69-101). Обращение внимание авторов к военному делу казаков-землепроходцев, сыгравших ключевую роль в соединении Сибири к Российской империи, особенно к военной тактике и менталитету казачества, заслуживает особого внимания по двум причинам. Во-первых, до настоящего времени дошло ничтожное количество источников, характеризующих данную исследовательскую область (в основном, отписки и челобитные казаков) и, во-вторых, слабой разработанности методики исследования данной области военного дела. Публикации А.С. Зуева и Е.А. Багрина в представляемом сборнике дают нам ключ к пониманию менталитета сибирского казачества и определяют направление для дальнейшего поиска.

Основой развития военного дела является эволюция вооружения. Изучение оружия даёт возможность реконструировать комплекс боевых средств военной истории. Анализ видов оружия и военного искусства имеет значение для решения не только вопросов политической и военной истории, но и социально-экономической и этнической истории. Данной проблеме посвящены три раздела сборника – «Дальний Восток XVIII век», «Китай XVIII – начало XX века» и «Вооружение стран АТР в музейных коллекциях». Статьи А.М. Пастухова посвящены китайскому вооружению – ружьям XVII – XVIII веков (с. 131-199) и холодному оружию XIX века (с. 279-288). Научной ценностью данных работ является то, что исследования, проведённые по данным письменных и изобразительных источников, а также по собранию ПГОМ им. В.К. Арсеньева, позволяют существенно углубить знания по данной проблематике. Тем более что в течение длительного времени история китайского ручного огнестрельного и холодного оружия оставалась вне поля зрения отечественных синологов и оружейников.

Научный интерес представляют исследования Р.В. Гвоздева и В.Г. Дацышена, посвящённые особенностям комплекса вооружения тунгусо-маньчжуров и нивхов XVII – XVIII вв. (с. 102-112) и военным ре-

формам в Маньчжурии во второй половине XIX – начале XX века (с. 113-130). Р.В. Гвоздев убедительно раскрыл особенность и своеобразие военных знаний тунгусо-маньчжуров и нивхов, где основу составляла тесная взаимосвязь элементов подготовки воина и охотника. Научный интерес вызывает и публикация В.Г. Дацышена, посвящённая военным реформам в Маньчжурии, как особому элементу в системе обороноспособности Цинской империи. Внимание автора к Северо-Восточному Китаю обусловлено тем, что Маньчжурия всегда была военным тылом и резервом Цинского двора, так как большая часть местного населения была приписана к вонно-служилому сословию «восьмизнаменных» и военные реформы здесь имели важнейшее значение, особенно в кризисный для Китая переходный период.

Комплекс научных исследований, посвящённых организации и составу русской сухопутной армии (с. 289-332), тактике и боевому использованию сил и средств флота в Тихом океане (с. 352-362; с. 380-392), енисейским казакам на территории Забайкалья и Дальнего Востока (с. 393-400) объединены в раздел «Россия и АТР XIX – XX век». Нельзя сказать, что направления исследований авторов данного раздела отличаются исключительной новизной. Проблематика поднятых вопросов нашли своё отражение в различных публикациях и научной литературе [1]. Но, тем не менее, исследования, проведённые на богатом фактологическом материале с использованием ранее неизвестных источников, дают новое представление по кругу поднятых проблем.

В целом, представленный сборник предоставляет возможность каждому, кто знакомится с исследованиями авторов, близко подойти к пониманию истоков военной истории России и влияние культуры Азиатско-Тихоокеанского региона на её формирование. Книга отличается глубоко научным и профессиональным подходом. Все публикации широко иллюстрированы с использованием схем, чертежей и фотографий оружия и элементов вооружения исследуемых цивилизаций и различных исторических эпох. Настоящий сборник, как представляется, будет полезен не только учёным-оружиеведам, но и всем, кто интересуется историей военного дела, археологией и этнографией.

Можно надеяться, что авторский коллектив продолжит работу и мы увидим следующие выпуски сборника «Военное дело».

Литература

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в 19 веке. М.: Изд-во Наука, 1973. 616 с.; Вишняков О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (конец XIX – начало XX века) // Военно-исторический журнал. № 1. 2007. С. 55-57; Керсновский А.А. История русской армии. В 2 кн. Кн. 1. История русской армии: 1881 – 1916. Смоленск: Изд-во Русич. 2004. 512 с. и др.

2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.

3. Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000; Буганаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по

материалам фольклора) // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981; Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997 и др.

4. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.-Л., 1966, вып. 1, 2; Л., 1971, вып. 3; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. М., 1966

5. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Петербург, 1832.

7. Левшин А.И. Свидание с ханом меньшей Киргиз-Кайсацкой орды // Вестник Европы, Часть 114. № 22. 1820.

8. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1965; Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы. В кн.: Скифский мир. Киев, 1975; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА, М., 1961, № 101; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846; Малиновская А.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей. В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.

9. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье. СА, 1955, вып. 23.

10. Носов К.С. Вооружение самураев. М., Издательство: АСТ / Полигон, 2001. 271 с.

11. Плетнёва С.А. Печенеги, тюрки, половцы в южнорусских степях. МИА, М., 1958, № 62; Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

12. Разин Е.А. История военного искусства. М., 1955, т. 1.

13. De Guignes J. Histoire generale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux. P., 1757.

14. Julien S. Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, et traduits du chinois // J. Asiatique. 1864. Vol. 3, 4.

Троякова Т.Г.

**«Дальневосточная граница России:
тенденции формирования и функционирования
(середина XIX – начало XXI вв.)»¹**

**«Far East border of Russia: trends in the formation and functioning
(middle XIX – the beginning of XXI)»**

Анализ современных проблем формирования границ часто окрашен субъективными восприятиями исследователей, которые приходят к разным выводам об их значительности, логике развития и влияния на межгосударственные отношения. Подобные расхождения можно объяснить различиями мировоззренческих позиций авторов, приверженностями той или иной теории трансграничных отношений, чувствами национального патриотизма и другими соображениями.

Данная книга, по утверждению автора, является попыткой продолжить исследования различных аспектов дальневосточной границы, в частности, пограничного урегулирования с КНР и КНДР и формирования географических контуров этого рубежа, а также его функционирования в социально-демографической и культурно-идеологической сферах. А.А. Киреев полагает, что «складывающаяся научная картина отображает этот объект неравномерно и неполно» (с. 8). Таким образом, можно только приветствовать появление фундаментальной работы, состоящей из четырех глав и охватывающей события почти двух веков.

Важно отметить, что изложение проблемы предлагается не только с исторической точки зрения, но и в ракурсе политологического подхода. Это проявляется в том, что автор излагает не только причины формирования дальневосточной границы в тех или иных исторических условиях, но и теоретические основы изучения границы. Этой теме посвящена первая глава. Остальные главы построены по единому плану – факторы, состав и структура, функционирование, типологические особенности и тенденции развития.

Очевидно, что А.А. Киреев является приверженцем системного подхода, используя концептуальные положения и понятия лимнологии на примере дальневосточной границы.

Новизна подхода автора проявляется в определении хронологических рамок современного периода – с 1988 г., а не с 1991 г. Он полагает, что динамика трансграничных отношений на российском Дальнем Востоке с КНР определяет такую хронологию, и приводит в подтверждение тому убедительные факты.

Ставшие тесными рамки государственно-центристской организации политической системы, когда единственным актором является го-

---

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна, к.и.н., доцент кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** tamaratroyakova@gmail.com

¹ А.А. Киреев. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.) Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 2011. 474 с.

сударство, побуждают к появлению негосударственных акторов. Российский Дальний Восток даёт множество примеров участия в пограничной политике органов местного самоуправления, общественных объединений и отдельных граждан.

Основательно обзрев историю многолетнюю историю взаимоотношений России с Китаем, Кореей и Японией, автор попытался определить соотношение старого и нового в современной пограничной политике нашей страны. С одной стороны, в ней обнаруживается довольно высокая степень преемственности. «Основной проблемой пограничной политики на РДВ было и остаётся нахождение конструктивного баланса между интересами защиты (охраны и контроля) государственной границы и активизации международного, трансграничного сотрудничества» (с. 414 – 415).

С другой стороны, важно подчеркнуть, что далеко не все особенности российской политики обусловлены традиционализмом. В ней появляется немало новых черт. Например, никогда прежде деловые интересы не играли такой большой роли во внешней политике. Никогда раньше столь существенно не снижалась значимость фактора военной безопасности. Как крупная страна, Россия имеет партнёров, которые одновременно являются её соперниками. Соотношение сотрудничества и соперничества может варьироваться в зависимости от сферы интересов, времени и более широкого контекста силовых взаимоотношений.

Выводы, которые было бы поставить на центральное место в рассуждениях А.А. Киреева, звучат так: «В основе сбалансированной пограничной политики должна лежать общая государственная концепция управления региональной общественной системой, которая выделяла бы в ней национально ориентированные компоненты, требующие развития в основном за счёт внутренних ресурсов и агентов (...), и транснационализируемые сектора, подлежащие широкому открытию для различных форм иностранного участия» (с.415).

Несмотря на то, что богатый эмпирический материал пока не удалось в полной мере втиснуть в узкие рамки единой теории, следует приветствовать выход в свет данной книги и рекомендовать её широкому кругу читателей.

Кузнецов А.М.

**Международный семинар «Этническая политика и невоенные аспекты безопасности» во Владивостоке.
Некоторые итоги и перспективы¹**

**The International workshop
«Ethnic policy and non military aspects of security» in Vladivostok.
Some results and prospects.**

Развернувшееся в последней четверти XX в. «этническое возрождение», получило наглядное выражение в драматических событиях, связанных с распадом СССР, Союзной Югославии, а затем разделом Чехословакии и референдумом о независимости Квебека. На этом фоне несколько потерялись «застарелые» баскский, курдский, североирландский и некоторые другие конфликты с определённой этнической подосновой. Но зато очень скоро заставили обратить на себя внимание новые проявления значимости этнического фактора, связанные с провозглашением независимости Восточного Тимора, самопровозглашением независимости Косовского края, отделением Абхазии и Южной Осетии от Грузии. Разделение Судана и требование признания законных прав народа Палестины показали, что «бунтующая этничность» ещё не исчерпала свой потенциал. Осознание роста угроз этносепаратизма заставили политиков и научное сообщество обратить своё внимание на этнические проблемы. И, если ранее они были «отданы на откуп» такой области знаний, как социальнокультурная антропология (этнология), то новые обстоятельства заставили заняться ими и политические науки. В результате сначала оформилась достаточно конкретная дисциплина – этноконфликтология, а затем и более широкая – этнополитология (этническая политика). В качестве официального признания последней можно рассматривать создание в 1970-е гг. в Международной ассоциации политических наук исследовательского комитета С-14 «Политика и этничность».

В силу недавнего возникновения и особенностей своего объекта исследований этнополитология в большей степени носит прикладной характер. Показательно, что ещё не закончены дебаты о её статусе и соотношении с другими дисциплинами. Наиболее распространённые мнения на сей счёт заключаются в констатации пограничного положения этнополитологии между антропологической (этнологической) и политологической отраслями знания, или же придании ей роли вспомогательной субдисциплины в сообществе политических наук. При любой из

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** akuzn@vimo.dvgu.ru

¹ Семинар проходил в Дальневосточном федеральном университете 23-25 августа 2011 г.

представленных трактовок ситуация для рассматриваемой дисциплины складывается не самым благоприятным образом. С одной стороны, антропология так и не смогла предложить общепризнанных концепций этноса, этничности, а в результате оказались размытыми и критерии этнической общности как таковой. С другой стороны, в политологии, не продвинувшейся сколько-нибудь в дискуссиях о нации, с трудом принимается правомерность постановки вопроса о правах этнических общностей. В результате мы наблюдаем, например, противоречия в реализации прав человека и гражданина и ряд других проблем. При такой неопределённости совершенно не удивительна тенденция вообще отказаться от идеи этнического и свести все обстоятельства подобного рода к культурным различиям, как это принято в политике мультикультурализма, той же идентичности и т.д. Как следствие проблемное поле изучения этнических явлений оказалось «порезанным» на изучение национализма, проблем коренного населения, мигрантских диаспор, национальных меньшинств, этнических групп, к которым добавлены «новые социальные группы», их идентичностей и роли в политической жизни отдельных стран. Причём исследования подобного рода проводится, как правило, независимо друг от друга и очень часто в методологии анализа «конкретных ситуаций» (case studies), так как они иницируются получением соответствующих заказов.

Формируясь в столь проблематичных условиях, и получив от своих предшественников ворох нерешённых проблем, этнополитология не смогла сказать своего весомого слова и пока остаётся на вторых ролях. Между тем она может и должна занимать совершенно особое место среди сложившихся дисциплин социально-гуманитарной сферы. Как представляется, возможность подобного преобразования сможет стать для рассматриваемой отрасли науки реальностью только в том случае, если она сможет получить в качестве своего основания принципиально новую теорию высокого ранга. Именно теория сможет обеспечить интеграцию основных достижений антропологии, политической науки и ряда других дисциплин для эффективного решения этнополитических проблем и превратить этнополитологию в подлинно междисциплинарную отрасль знаний

В решении указанной задачи приняла участие и создания в 1998 г. в рамках Владивостокского института международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона ДВГУ одна из первых в России кафедр социальной и политической антропологии. Такую кафедру удалось организовать благодаря поддержке директора Института на данном этапе М.Ю. Шинковского, который смог уже в это время оценить перспективы нового направления. В силу не совсем обычной для антропологических подразделений институционализации ряд сотрудников кафедры сразу стали осваивать новую для нашей страны антропологическую отрасль знания в контексте актуальных проблем политологии и теории международных отношений. Благодаря включению в программу Национального фонда подготовки кадров по развитию политологии в России, в начале 2000-х гг. удалось пройти важные стажировки в политологических центрах США, Канады, Франции (Вашингтонский университет, университет Британской Колумбии, университет Сорбонна), позволившие познакомиться с проблемным полем политических наук, в том числе и международных отношений. Параллельное участие в Европейской ассоциации социальных антропологов и её представительных форумах в Копенгагене, Вене, Бристоле при поддержке Фонда Вернера Грюна, создало необходимые условия для вхождения и в эту область знания. На следующем этапе со второй половины 2000-х гг. начинается сотрудничество кафедры с исследовательским комитетом С-14 Международной

ассоциации политических наук, реализованное, в том числе, в участии в конференциях Комитета в Мадриде и Санкт-Петербурге.

Возможность оказаться на переднем фронте мировой науки позволила даже в наших, не самых лучших владивостокских условиях, правильно определиться и сконцентрировать свои усилия на разработке ряда нерешённых узловых вопросов. В частности, знакомство с наиболее признанными идеями социально-культурной антропологии и политической науки позволило в должной мере оценить значение теории этноса выдающегося российского исследователя и одного из основателей нашего университета С.М. Широкогорова. В первичном варианте эта теория была сформулирована в 1918-1922 гг. во Владивостоке, а затем её разработка была продолжена 20-30-е гг. в Китае. Как оказалось, эта теория не утратила своего эвристического потенциала, поскольку современная наука смогла приблизиться к заданному Широкогоревым уровню осмысления этнического феномена только по некоторым позициям. В междисциплинарном контексте стало также очевидно, что сегодня эта теория нуждается в дополнении исследованиями роли политических решений в судьбах этнических общностей и участия подобных объединений в политической жизни конкретных государств. Но это уже означало необходимость выхода в поле проблем этнополитологии.

Обладание достаточными компетенциями в социальнокультурной антропологии, политической науке, а, кроме того, параллельное освоение основных вариантов системной теории и выход в проблематику исследования сложных систем, наконец, реконструкция в полном объёме теории этноса С.М. Широкогорова открыли для нас возможность нового подхода и к этнополитологии. Тогда и стало очевидным, что одной из актуальных задач современных социально-гуманитарных наук становится разработка интегративной теории взаимодействия этнического и политического явлений. Наши начинания, вероятно, в силу слишком новаторского характера, не всегда встречали понимание у владивостокских специалистов и управленцев. Но мы получили серьёзную поддержку в 2009 г. в виде гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала Высшей школы». Прежде всего, удалось создать исследовательский коллектив, выходящий уже за рамки одной кафедры. В него теперь вошли И.Н. Золотухин (кафедра международных отношений), А.А. Киреев, (кафедра теории и истории политики), А.Я. Соколовский (декан ф-та по изучению стран Южной и Юго-Восточной Азии Восточного института). В исследованиях на разных этапах приняли участие также аспиранты и студенты ДВГУ. Новые условия, открытые грантом, позволили подойти к этнополитическим проблемам в более широком контексте реалий Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате стала очевидной значимость этнической проблематики и для исследования современных проблем международных отношений. Поэтому мы снова вернулись к разработкам в сфере ещё только оформляющейся дисциплины, получившей название Антропология международных отношений. Ранее из-за смены руководства во Владивостокском институте международных отношений работы в этом направлении пришлось свернуть. Однако, установленная связь этнических проблем не только с поддержанием стабильности внутри конкретных государств, но и обеспечением безопасности, чаще всего, регионального уровня, не только подтверждает междисциплинарный статус этнополитологии, но и позволяет отнести решаемые ею проблемы к повышенному классу сложности.

Полученные нашей исследовательской группой результаты заслуживали, чтобы вынести их на обсуждение научного сообщества. Так возникла идея проведения во Владивостоке профильного семинара с

привлечением ряда ведущих представителей этнополитологии, политологии и антропологии. Идея получила поддержку со стороны директора школы региональных и международных исследований реорганизованного ДВФУ В.С. Кузнецов, а также в ректорате университета. Основная цель семинара заключалась в обсуждении современного состояния излученности и актуальных проблем, связанных с исследованием этноса, этничности, этнополитики в разных дисциплинах, а также в поиске путей дальнейшей интеграции подходов и концепций, практикующихся в этих дисциплинах. Для Владивостока проведение семинара, связанного с исследованием этнических проблем, также стало назревшей необходимостью. Она обусловлена, прежде всего, близостью его расположения к ведущим странам Восточной Азии, таким, как Китай, Корея и Япония. В последнее время только ленивый ещё не высказался об особом «цивилизационном» значении нашего города. Однако неоправданно меньшее внимание уделялось тому обстоятельству, что открытость для внешних связей второй половины XIX – начала 20-х гг. XX вв. затем сменилась длительной замкнутостью региона и города вплоть до начала 90-х гг. прошлого века. Поэтому произошедшее резкое изменение их положения, сопровождающееся появлением достаточно большого числа гостей и мигрантов из Дальнего и Ближнего зарубежья, вновь создало здесь особую этнополитическую ситуацию, которая определяет и новые форматы безопасности для Российской Федерации на Дальнем Востоке. Обстоятельства и форматы подобного рода должны стать предметом самого серьёзного обсуждения и наш семинар должен был привлечь внимание к актуальности невоенных аспектов безопасности. Поддержка идеи семинара и участие в его работе председателя Законодательного собрания Приморского края В.В. Горчакова, как представляется, сыграли свою роль в решении данной задачи.

Создание во Владивостоке Федерального университета открыло необходимые возможности и перспективы для обсуждения научных проблем на должном высоком уровне. Реализация новых возможностей, способствующих решению актуальных научных проблем в рамках выработанных приоритетных направлений развития Дальневосточного федерального университета, явилась ещё одним побудительным мотивом к проведению международного семинара на тему «Этническая политика и невоенные аспекты безопасности». Значение вынесенной на обсуждение темы обусловлено, с одной стороны, новизной подхода к проблемам собственно этнической политики и безопасности, а с другой – возрастанием значимости этнического фактора в современном мире. Одним из организаторов нашего семинара стал также Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. По инициативе его директора В.Л. Ларина уже проводился цикл мероприятий по обсуждению проблем экономической безопасности. Поэтому наш совместный семинар стал одним из составных звеньев этого цикла.

Благодаря ранее установившимся контактам, к участию в семинаре удалось привлечь действительно ведущих специалистов из разных отраслей науки. К сожалению, не смогли приехать во Владивосток по разным причинам председатель Исследовательского комитета С-14 «Политика и этничность» Международной ассоциации политических наук профессор А. Гелке (университет Белфаста, Великобритания), член исполкома этого Комитета профессор Л. Морено (Национальный центр научных исследований, Мадрид, Испания), профессор Сяо Цзиньюй (университет им. Сунь Ятсена, Гуанчжоу, Китайская Народная Республика), В.М. Шибель (Прикарпатский национальный университет имени В. Стефанька, г. Ивано-Франковск, Украина). Однако, в работе семинара участвовали профессор О.Ю. Малинова – экс-президент Российской

ассоциации политической науки, член исполкома Комитета С-14 (ИНИ-ОН РАН, Москва), профессор М. Буковский – экс-президент Европейской ассоциации социальных антропологов (университет им. А. Мицкевича, Познань, Польша), доктор Ван Фу-чан (Институт социологии, Тайбэй, Тайвань), профессор Ю.В. Громыко (Институт опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса, Москва), заведующий сектором Новой и новейшей истории Китая Института востоковедения РАН В.Ц. Головачев (Москва), доктор М. Ковальская (Центр бизнеса и искусств, Познань, Польша), помощник ректора по связям с общественностью Сибирской академии государственной службы Л.В. Савинов (Новосибирск). Достаточно представительной оказалась и владивостокская часть участников семинара. А.П. Голиков, И.Н. Золотухин, А.М. Кузнецов, А.Л. Лукин, В.Н. Соколов, М.В. Чуприна С.Е. Ячин – все от ДВФУ.

С приветственными словами к участникам семинара выступили: председатель Законодательного собрания Приморского края В.В. Горчаков, директор Школы региональных и международных исследований ДВФУ В.С. Кузнецов, от Российской ассоциации политической науки О.Ю. Малинова, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларин. В адрес участников семинара поступило также приветствие председателя исполкома Исследовательского комитета С-14 «Политика и этничность» А. Гелке, которое было также зачитано. Работа семинара выстроилась естественным образом вокруг обсуждения двух основных видов проблем. К первому – можно отнести доклады более обобщающего и концептуального плана. Ко второму – рассматривающие конкретные направления этнической политики в разных странах и отдельных регионах России.

Своим докладом «Европа как крепость: конец мультикультурализма и возрождение культурного расизма» работу семинара открыл профессор М. Буковский. Он представил обзор основных современных реалий и тенденций в сфере иммиграционной политики ведущих стран Европы и взаимодействия мигрантов с принимающими обществами. Доклад О.Ю. Малиновой «Россия и «Запад» в XXI веке: диалектика дискурсов о национальной, цивилизационной и этнической идентичности и восприятие угроз безопасности» был посвящён важной теме анализа тех норм и правил, которые влияют на оценки и представление определённых политических событий и идей политическими лидерами и рядовыми гражданами. Ещё одну важную проблему осветил в своём докладе «Проблемы и перспективы в сфере конспиративной безопасности» Ю.В. Громыко. Дискурсивный подход, используемый О.Ю. Малиновой, в основном связан с анализом различных политических текстов. Идея же конспиративной безопасности ориентирована на анализ непосредственных установок, принципов и механизмов сознания, которые задействованы в механизме принятия решений и создания текстов. В своём докладе «Этническая политика и человеческое измерение безопасности» А.М. Кузнецов обратил внимание на связь этих, пока ещё рассматриваемых как разнородных, направлений внутренней и внешней политики. Доклад С.Е. Ячина «Человеческая безопасность как проблемная зона контакта политики и науки: специфика Восточной Азии» поднял вопрос о необходимости новых оснований для решения проблем безопасности. Одно из оснований «гуманитарной безопасности» было рассмотрено в докладе А.Л. Лукина «Демографические измерения международной безопасности: анализ ситуации в Северо-Восточной Азии». Другие – были представлены в докладе В.Ц. Головачева «Региональная идентичность, сбережение исторической памяти и зарубежные диаспоры, как факторы этнической политики безопасности в АТР».

Второй блок докладов был посвящён конкретным проблемам этни-

ческой политики отдельных стран и регионов. Малоизвестную в нашей стране тему распространения ислама в Китае поднял А.П. Голиков в своём докладе «Китайцы-мусульмане в Дар-аль-куфр: локальные, региональные и общекайтайские аспекты проблемы». Сюжет, связанный с другой малоисследованной темой – лингвистической безопасностью, был освещён М.В. Чуприной в докладе «Современное состояние языковой политики в Индии и обеспечение единства странь». (Примечательно, что Сяо Цзиньюй также заявила доклад «Языковая безопасность как фактор нетрадиционной безопасности. Сопоставление этнолингвистических политик России и КНР»). Анализу очень важной во многих отношениях этнополитической ситуации Тайваня был посвящён доклад Ван Фу-чаня «Этническая политика и демократический транзит на Тайване». «Обзор иммиграционной политики Европейского Союза» был дан М. Ковальской. Опыт решения этнополитических проблем в конкретном регионе представил в своём докладе «Миграция и этнополитика в Сибирском федеральном округе: проблемы и тенденции развития» Л.В. Савинов. С любезного разрешения Л. Морено на семинаре состоялась презентация его доклада «Этнотерриториальные противоречия и их урегулирование в Испании». Широкий спектр вопросов взаимодействия в своем докладе на тему «Сетевая дипломатия, политика памяти и научно-техническое сотрудничество: новые тренды обеспечения стабильности в Восточной Азии» показал В.Н. Соколов.

Таким образом, в целом на семинаре по проблемам этнической политики и другим новым аспектам в сфере безопасности его участникам и аудитории удалось получить представление о некоторых основных уже сложившихся и недавно предложенных подходах к решению этнополитических проблем. Достаточно информативным оказался также обзор вариантов этнической политики в отдельных странах. В силу того обстоятельства, что доклады освещали достаточно отдалённые друг от друга сюжеты, связанные с разными странами, на мой взгляд, более наглядно вырисовывалась многомерность и многовекторность концептуального и предметного этнополитических полей. Но семинар ещё раз продемонстрировал опасный разрыв между теоретическими разработками и практикой решения конкретных проблем, характерный не только для этнополитологии, но и других социальных и гуманитарных дисциплин. Реализм, присущий практикам, побуждает их выстраивать свои рекомендации, записки и обзоры на не очень верифицированных основаниях, в качестве которых в последнее время чаще всего выступали культура и идентичность. Однако прокатившаяся по Европе волна отечений от мультикультурализма и регулярно появляющаяся критика универсализма идентичности показывают, что теперь исходные основания требуют кардинального пересмотра. Как вариант решения указанной проблемы на семинаре была озвучена позиция, согласно которой под конкретную задачу мы просто принимаем некие операциональные (технические) трактовки рассматриваемых явлений и обстоятельств. Например, просто информируем, какое из множества существующих определений мы используем в данном случае. Несмотря на внешнюю привлекательность подобной позиции, она может быть принята только для ограниченного числа обстоятельств, так как приводит к утрате реальной сложности рассматриваемых явлений, чревата проявлением неучтённых последствий и дезориентирует нас в отношении дальнейших перспектив исследований.

Между тем уже проявившиеся и ожидающие нас новые вызовы со всей определённой показывают, что время для таких упрощённых подходов уже прошло, если мы действительно ответственно подходим к своим исследованиям и принимаемым решениям. Быстро меняющаяся

реальность нашего времени выдвигает новые требования и к научным теориям, которые часто не могут достойно ответить на них. Отсюда и углубляющийся эмпиризм, характерный для большинства работ по этнополитологии и другим дисциплинам. Как представляется, всё дело в том, что сами теории должны соответствовать критерию сложности, а не представлять собой спектр конкурирующих друг с другом соображений. Поэтому проблема развития междисциплинарных подходов, интеграции разных дисциплин остаётся одной из насущных задач современной науки. Для социально-гуманитарных наук на пост-постмодернистском этапе их развития решение данной проблемы невозможно без постоянной рефлексии и саморефлексии над всей процедурой исследования и его результатами. В свою очередь, подобное требование невыполнимо без внесения в процедуры политологического, международного и т.д. исследований антропологической компетентности, необходимой для учёта роли в нём специалиста как субъекта познания. Каким образом и на каких основаниях можно обеспечить необходимую интеграцию и достижение подлинной междисциплинарности – это проблемы, которые требуют дальнейшего активного обсуждения. Учёным Дальневосточного федерального университета, необходимо продолжать своё участие в этом важном направлении фундаментальных исследований, потому что только они могут в случае успеха, использоваться в разного рода инновационных разработках.

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Замечены опечатки в № 3 за 2011 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	Оглавление	Р.В. Позняк Г.Г. Ганопольский	Т.З. Позняк М.Г. Ганопольский
2	Оглавление	М.В. Сухаренко	А.Н. Сухаренко
20	7 снизу	(г. Владивосток)	(г. Благовещенск)
121	Подпись к рисунку	Рис. 3. Карта-схема Уральской горнозаводской цивилизации XVIII – первой половины XIX вв. (по Л.В. Баньковскому и Р.М. Лотаревой)	Рис. 4. Схема нефтепроводов ОАО «Сибнефтепровод»
127	Подпись к рисунку	Рис. 4. Схема нефтепроводов ОАО «Сибнефтепровод»	Рис. 3. Карта-схема Уральской горнозаводской цивилизации XVIII – первой половины XIX вв. (по Л.В. Баньковскому и Р.М. Лотаревой)

Сокращения

- АУВД ПК** – Архив УВД Приморского края
ГАПК – Государственный архив Приморского края

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, декан факультета международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры филологии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, руководитель центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, постановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.].
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2011 № 4 (19)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 30. 11. 2011 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 12,78. Уч. -изд. л. 13,46. Тираж 200 экз. Заказ 131
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Индекс 42354

